

A portrait of a woman with dark, wavy hair, wearing a dark jacket over a light-colored blouse. She is looking slightly to the right of the camera with a neutral expression. The background is a blurred outdoor scene with green foliage.

**Первый год
пятилетки —
это первый
председательский год
Марии ШУЛЕЖКО
из украинского
колхоза «Слава».**

**Это год
работы по-новому:
испытание энтузиазма
экономическим расчетом,
молодой энергии —
самостоятельностью,
слова — делом.**

11·86

КРЕСТЬЯНИКА

ISSN 0130—2647

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Все лучшее посвящать этому главному нашему празднику — традиция естественная, как дыхание. И дерзновенные научные открытия, и победы в трудовом соперничестве, и счастливые новоселья...

Революционными мы называем самые смелые шаги партии, самые сложные задачи, которые ставим перед собой, и опережающие время решения. И мы убеждены: вершины социального обновления будут взяты, потому что мы равняемся на ленинский Октябрь!

Нынешний ноябрь дарит еще один праздник. Тем, кто растит урожай, тем, кто печет каравай, тем, кто бережет от непогоды и суховея все, что выращено на полях, — всем, кто причастен к благороднейшему труду — кормить людей... Президиум Верховного Совета СССР установил: вместо Дня работников сельского хозяйства и Дня работников пищевой промышленности каждое третье воскресенье ноября будет отмечаться один общий праздник — День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса.

Успехов вам и счастья, дорогие!

Уже не первое поколение живет при Советской власти. И каждое говорит следующему, что нынче живется не в пример легче и богаче, чем прежде. Те, кто молод, кому не с чем сравнивать, сравнивают не с тем, что было, а с тем, что, по их мнению, должно быть.

У Нины Васильевны Князевой дети выросли, и помнит она голодное послевоенное детство. А сравнивает то, что есть, и с бывшим, и с должным. Работа у нее такая — она председатель Лоховского сельсовета. Дело, которое выглядит заманчиво в планах и внушительно в отчетах, предстает перед Ниной Васильевной раздробленным на десятки, сотни проблем и задач. Достижения — это для праздничных докладов. Ей же —

НЕ СЛОВА — ДЕЛА!

Вера Григорьевна Богданова живет на улице Советской. Она проводила уже теплят, и тут бежит Нина Васильевна. Она на этой улице работает. С утра Нина Васильевна тоже корову выгнала, да пастух с их улицы не пришел. Кинула корову на соседок — если придет пастух, отправят. Ей же и досталось: за пастухов для «частного сектора» отвечает сельсовет.

А в пастухи никто идти не хочет, хоть зарплата выходит до пятисот рублей. Эта работа считается тяжелой: целый же день под открытым небом. Бабушка Нины Васильевны, бывало, говорила: «Хитрые люди стали, трактор придумали. А мы-то, простецы, всю жизнь серпом!» Ныне те, что, условно говоря, остались «при серпе», совсем не простецы, а люди редких профессий, которых не найти днем с огнем. А как быть, пусть Совет думает.

Нина Васильевна и думает: на улице, где живут пенсионеры, надо хотя бы сруб на колодце поправить. И она бежит в первую бригаду. К депутату своему, к бригадиру Юрию Михайловичу Россову. Он обещал кого-нибудь из механизаторов прислать. Он и сейчас, увидев Нину Васильевну, обещает. Но ее жизнь научила обещаниями не обольщаться:

— А когда конкретно? Кто именно?

— А вот, — кивает бригадир, — Володя Лохов.

Лохов тяжело молчит.

— Приедешь? Часов в шесть? — Нина Васильевна не замечает его мрачного настроения.

— Нет, — сухо говорит Лохов, — дома дел много.

— Ну, в семь, — соглашается Нина Васильевна, — я тебя ждать буду, Володечка.

Едва она за порог шагнула, бурей налетела на нее крупная разгневанная женщина. Щеки пылают, глаза искры мечут. Заведующая детсадом.

— Нина Васильевна, да что ж это такое?! Не дает! Говорит: у вас есть десять кубов «вагонки»! Нет, с этим Богдановым надо что-то решать!

Владимир Богданов, другой сын пенсионерки Веры Григорьевны, работает в стройцехе. Он не дал древесностружечной плиты на ремонт детсадовского склада, который разохся. И сейчас Нина Васильевна во всем этом разберется, дайте ей только до правления дойти. Но пока не дают. Еще два раза останавливают. Одному нужны бланки почетных грамот, интересуется, нет ли их в сельсовете. Вторая схватила Нину Васильевну за руку и умоляла поговорить с сыном. Сын этой расстроенной женщины влюбился. И очень неудачно. Мало того что его барышня внимания на

НА УЛИЦЕ СО

МАРИЯ ПЕТРОВНА ТУРОВА ПО ПРОФЕССИИ ВЕТЕРИНАР. ПО ДУШЕВНОМУ ЦВЕТОВОД. НИЮ — ЦВЕТОВОД.

него не обращает, а он для нее готов в нитку вытянуться, она еще и родила неизвестно от кого. И вот сын совсем с ума сошел, собирается ее сватать, а ребенка усыновлять. Вся надежда на сельсовет...

Прошел час работы Нины Васильевны Князевой. То, что у нее намечено на сегодня, она еще делать и не начинала. А намечено, во-первых, съездить с председателем колхоза Ратмиром Дмитриевичем Васильевым в летний трудовой лагерь: пожарники там к чему-то придрались. И во-вторых, приедет начальство из райцентра, надо показать здание бывшего детского сада, куда после ремонта переезжает хозмаг, швейная мастерская и комбинат бытового обслуживания...

Делегацию руководительниц районных служб быта возглавляет заместитель председателя райисполкома Ольга Ильинична Астраханцева. Председатель колхоза их сопровождает.

Разговор идет в легком, так сказать, жанре. О том, где будут пólки, а где горка. О том, что кочегара найти легче, чем сторожа, потому что кочегары идут по рабочей сетке (можно позвать пенсионера). О том, что оборудование в магазин задерживают, и Ольга Ильинична поговорит об этом с кем надр. И все понимают, что это не главное. Главное — уговорить Ратмира Дмитриевича Васильева принять это здание со всем содержимым на колхозный баланс. Попросту говоря, чтобы колхоз обязался делать, если нужно, капитальный ремонт. Для Совета такая материальная нагрузка слышком велика.

Был момент, когда у Нины Васильевны вдруг вырвалось совсем не дипломатическое:

— Четыре хозяина, и никому оно не нужно!

В конце концов Васильев перестал возражать.

— Мы будем за аренду платить и мелкий ремонт сами делать, — хочет как-то утешить его заместитель председателя райисполкома.

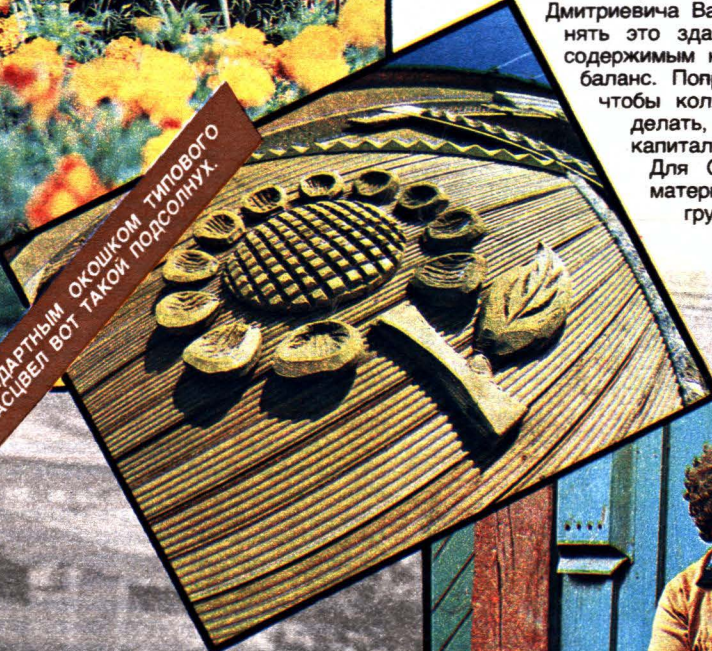
— Это вы сейчас так говорите, — умудренно отвечает Васильев. И уходит.

— Больно легко он согласился, — раздумчиво замечает Князева, — сейчас к своему заму, к Анатолию Григорьевичу пойдет. Тот его отговорит...

Из всех сегодняшних дел только вот это, последнее, собственно говоря, есть дело. То, что не случайно, связано с перспективой — улучшением быта. Это стратегический вопрос для Совета. Скоро будет свой мастер по ремонту телевизоров, направили человека на учебу, чтобы было, с кого спрашивать качество. Найдут в конце концов и парикмахера приличного (районные, приезжие, стригут возмутительно плохо). Сфера быта отлаживается. А это знак социального благополучия.

Но значимость каждого дела относительна. Пенсионерам, у которых завалился колодец, эта беда в сто раз чувствительнее, чем если поломается телевизор. Матери, что переживает за сына, который, по ее мнению, «уродует свою жизнь», чепухой кажутся все поломанные колодцы мира. У кого что болит, тот про то и говорит. Нине Васильевне говорит. Право такое имеет. Один из депутатов Совета, поработав некоторое время, сделал открытие: «Работа депутата — это общение». Причем не только с теми общении, кому что-то надо, но и с

НАД СТАНДАРТНЫМ ОКОШКОМ ТИПОВОГО ДОМА РАСЦВЕЛ ВОТ ТАКОЕ ПОДСОЛНУХ.

НИНУ ВАСИЛЬЕВНУ ОКЛИКНУЛИ ЕВДОКИЯ КИРИЛЛОВНА ЧЕРБАЕВА И ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА БОГДАНОВА. РАЗГОВОР ЗАТЯНУЛСЯ...

ВЕТСКОЙ

теми, от кого надо. Только так и можно решать —

ВОПРОСЫ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ.

«Россия» в последние годы много строила. И ферму, и крытый мехдвор, и дороги,

НИНА ИВАНОВНА ГАЙДАРЕВА, ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ ДОЯРОК. ЭНЕРГИЧНЫЙ, ДЕЯТЕЛЬНОЙ ДЕПУТАТ.

и жилье. 70 квартир сдали за последние два года. И пять домиков продали желающим.

— Сколько лет собирали силы на это дело, — вздыхает Ратмир Дмитриевич, — трудно строить. Тыщу бумаг надо переписать. В районный план влезть. В долги.

А не строить нельзя. Если средства вкладывать только в производство, это недалеко, потому что производит продукцию все тот же человек. Он работает, чтобы лучше жить. Ставка на то, чтобы улучшать быт, уже оправдывается:

— Мы привязали к колхозу серьезного мужика.

Отсюда все. Дельный, умный работник не ушел из деревни, есть резон ему остаться в Лохове. Значит, хозяйство есть. Значит, семья прочная. Значит, женщины уверены в том, что и завтра все будет в порядке. Рожать не боятся.

Только что сдали новый детсад. Думали собрать в него всех ребятшек. Но на всех не хватило места. И еще в каждом почти доме младенца ждут. Теперь предстоит большая стройка в Жмурове, в Табуке, в Ненах. Да и в Лохове «две улицы гонят».

— Снова бегать, доставать, ругаться, выговоры получать, — таким видит ближайшее свое будущее Ратмир Дмитриевич Васильев.

И если уж он на это идет, то постарается, чтобы деньги и силы были затрачены с

толком, то есть дали колхозу прибыль.

Когда шло последнее распределение квартир, Ратмир Дмитриевич одну из них «зажал». Позарез нужны спорторганизатор и музыкальный работник в колхозный детсад. Не меньше, чем доярки и механизаторы, ибо без их помощи не удержишь сегодня ни доярку, ни механизатора. А чем приманить в колхоз специалиста, профессия которого не связана прямо с сельским хозяйством? Квартирой. Только лишь. Сказать нужному человеку: приходи, в тот же час получишь ключи от своего дома. Так мечталось председателю колхоза. Да вышло не так.

В распределении квартир с некоторыми пор активно участвует сельсовет. И вот Князева воспротивилась планам Ратмира Дмитриевича — как только очередь дошла до разбора заявления Любви Шеримбековой. Та просила улучшить ее жилищные условия: тесно, удобств никаких, двое маленьких детей.

Ратмир Дмитриевич это терпеливо выслушал и изложил свои резоны: муж Шеримбековой в колхозе не работает, он геолог. И семья ее не на улице, квартира есть. Хочет жить лучше, пусть приведет в колхоз мужа.

Кое-чего Васильев не досказал. Он, как и все, знал: никуда Люба из колхоза не денется, разве что пошумит, а потому квартиру ей можно не давать. Удовлетворить просьбу Шеримбековой — значит отложить уроки музыки в детсаду до новой стройки.

Нина Васильевна это тоже отлично понимала: и уйти Люба не уйдет, и в колхоз мужа не потянет, раз тот любит свою геологию. Но тем энергичнее требовала для нее квартиру:

— Надо ж смотреть, как человек относится к делу. Помните, на районный конкурс поехала с двухмесячным Сашкой, не считалась, что в декрете? По фермам в агитбригаде с ним ездила. И сейчас: со второй, со Светкой, ходит в клуб аккомпанировать. Наберет ползунков и идет. Она играет, а девочки Светке по очереди штаны меняют. «У тебя, — говорят, — дети на гастролках растут».

Председатель колхоза не сдал позиций. Васильева поддерживал заместитель, Анатолий Григорьевич. Но решали вопрос и сельсовет, и профком. И общее мнение склонилось к тому, чтобы квартиру Шеримбековой дать.

Для Васильева человеческий фактор один из важных. Для Князевой самый важный. На том стоит Совет. И председатель. И —

ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Нина Васильевна откровенна: у нее есть любимые депутаты. Любовь зависит от того, кто и что сделал, чтобы в жмуровский магазин провели водопровод, чтобы если не музыкальную школу, как мечталось, то хоть музыкальный кружок открыли, чтобы в Табук, наконец, начали прокладывать дорогу...

Самая любимая комиссия тоже есть: планово-бюджетная, она же занимается торговым и бытовым обслуживанием населения. Конечно, Марии Петровне Туровой спасибо; ответственная, спокойная женщина. Это она предложила продавать в розлив соки. Ее была идея сделать в магазинах полки для ветеранов войны и труда: если появится дефицит, отдать именно им, причем не под прилавком его держать, а выложить на эту самую полку. И тут не только чуткость к

ДЕТСКИЙ САД. ДЕТЯМ — РАДОСТЬ, СЕЛЬСОВЕТУ — ЗАБОТЫ!

заслуженным старикам, тут к ним подчеркнутое уважение.

Или Юрий Александрович Засыпкин, председатель сельскохозяйственной комиссии, главный агроном колхоза. Он еще и главный консультант депутатов в вопросах сельского хозяйства (Нина Васильевна, хотя и всю жизнь в деревне живет, не перестает учиться). Юрий Александрович старается «заглублять» всякий вопрос, который обсуждает Совет. Почти на каждом заседании исполкома слышится его призыв:

— Товарищи, давайте не только констатировать факты, но и анализировать, выяснять причины!

Каждый умеет в Совете что-то лучше всех, больше всех в чем-то понимает: без компетентности дела не сделаешь.

Взять их борьбу за автобусы.

Автобусы ходили из райцентра в Лохово три раза в день, и этого было мало. На автотранспортном предприятии лоховским депутатам сначала объяснили, что нет машин. Потом, что пустить в Лохово пять рейсов нерентабельно. Если бы не упомянутая уже Ольга Ильинична Астраханцева, зампред, может, и не добилась бы Князева толку. Это уж после Нина Васильевна поняла: ни один человек, от которого требуется усилие, не скажет, что ему не хочется думать, лень напрягаться, что не волнуют его чужие проблемы. Объяснят отказ очень серьезно, и экономическую базу подведут. И только одно определит истину: каково людям от результатов твоей деятельности (независимо от того, как она обоснована). И только Советская власть полнолично это определять окончательно. В постановлении ЦК партии «О дальнейшем совершенствовании партийного руководства Советами народных депутатов» прямо и четко сказано: компетентность и высокие моральные качества депутатов необходимы, чтобы искоренены были бюрократизм, волокита, ведомственность — все эти разные облики наибольшего социального зла: равнодушия к человеку.

И ни на день нельзя ослабить внимания. Иначе... В прошлом году попала Нина Васильевна в больницу. Вышла — как раз детсад построили, собираются сдавать. Она пошла, поглядела:

— Батюшки! Стены выкрасили темно-синим и темно-зеленым. Не примем ни в коем случае!

Белил не сумели достать. Где ж их взять, белила, забыли, как они и глядятся. Но светло-серой краски добыли все-таки.

Каждый, кто занимался садиком, исходил из возможностей и интересов своей организации. А Совет поглядел на дело просто: каково тут детям будет.

Одни проблемы решат депутаты, тут же вызревают другие —

ПРОБЛЕМЫ НА ЗАВТРА.

Современное село часто парадоксально, и именно в области быта. Машины в Лохове имеют через двор, мотоциклы в каждом дворе, а тех же белил не достать. Особо, конечно, плакаться не приходится: может, где-то в Белгороде или под Москвой с белилами полегче, но с лесом точно лучше у иркутян. Он-то, собственно, и дает возможность строиться, превращаясь по мере надобности в цемент, гвозди, листовое железо. А социальные процессы здесь, вероятнее всего, те же, что и на «западе» — так зовут сибиряки европейскую часть Союза.

Как в очень многих деревнях, тут в каждом доме за редкими исключениями ковры, тысячные «стенки», хрусталь. А книг мало. Купить хорошую книгу стало труднее, чем ковер. От одной новоселки, хозяйки прямо-таки роскошной «стенки», я услышала:

— Что «стенка»? Это теперь не модно. Говорят, надо старинную мебель. А где брать?

Вот это дефицит так дефицит: старинной мебели на всех, уж точно, не напасемся. Она и в старину-то не у всех была. В Лохове, например, о мебели просто не думали. Сегодня думают.

— Кто работает, тот сегодня все имеет, — лаконично сказали мне в Лохове, и это так. Другое дело, что работать надо много.

Грани между городом и деревней, мы знаем, сотрутся. В Лохове построены первые 70 квартир со всеми удобствами. Васильев говорит: думали всех, наконец, удовлетворить. Но как бы не так! Еще длиннее выросла очередь — на улучшение. Хорошие, прочные, ухоженные избы с приусадебными участками вдруг перестали устраивать.

Все жаждут получить квартиру с удобствами. Но, между прочим, ни в одном доме на улице Юбилейной «удобства» не использовались по прямому назначению. О ванне одна хозяйка так сказала:

— Буду я в этом лягушатнике барабаться!

Мыться предпочитают в собственных банях. Прочие «удобства» используются только ночью — а так, пожалуйста, на задворки, там стоит домик. Хозяек туалет посреди квартиры почти оскорбляет.

И давайте не спешить объяснять это отсталостью и консерватизмом. Разве престиж бани низок в городе? Не только село становится похожим на город — город тоже перенимает черты сельской жизни: кооперативные сады заводят (тот же приусадебный участок), на зиму со своего огорода запасы делают — не от тяги ли к благам села? Так что еще вопрос, где эти грани, которые сотрутся, проходят. Может, и не у

городской черты. И не надо ничего стирать искусственно, дабы помочь прогрессу. Как стерли, было, в безоглядом упоении городскими домами (то есть стандартном) сельскую архитектуру. Но сегодня на улице Юбилейной на стандартных окнах стандартных домов разные наличники. Единобразие перестает нравиться. Его избегают там, где это можно.

Но раз «удобства» как бы и не нужны, почему люди стремятся в эти новые дома даже из ухоженных, крепких изб? Что их привлекает? Во-первых, центральное отопление зимой. Во-вторых, вода! Огород поливать удобно — через шланг. Село хочет сохранить свой уклад. Но хочет и облегчить труд, в том числе домашний. И эту задачу придется решать Совету.

Его обязанности усложняются тем больше, чем увереннее, полнее люди пользуются правами, которые им гарантирует закон. Крепнет не только экономика. Крепнут самосознание, достоинство человека. Старая поговорка «Не твоего ума дело», преобразившаяся в наши дни в пожелание «заниматься своим делом», поскольку «разберутся без тебя», отринуты, с гневом осмеяны. Люди становятся с каждым днем (буквально!) все более социально воспитанными, а социально воспитанный человек — это тот, кому всякое дело —

ПО УМУ.

Недавно депутат сельсовета Александр Ленский, по специальности механизатор, поставил вопрос о том, что директор одной из школ не соответствует занимаемой должности. Недостаточно компетентна. Среднее образование, опыт депутатской работы позволяют ему судить о качестве знаний специалиста. Совет поддержал депутата. Директора сняли, но дело даже не в этом. Типичная ситуация: человек хочет влиять на то, как складывается жизнь села. Чувствует, знает, что вправду. Село не хочет быта «второго сорта» — это давно ясно. Оно не хочет знаний «второго сорта». Оно уточняет свои жизненные ценности.

Вот недавно лоховский сельсовет проводил сходы: обсуждали постановление партии и правительства о нетрудовых доходах. В одной из деревень участники схода обрушились на односельчанина: «Мебель не успевает возить, «стенка» у него не простая, скотины полон двор, машина...»

— Стойте, — возразил депутат, который проводил сход, — все это есть у многих. Откуда мнение, что тут нетрудовые доходы? У человека хороший заработок, у его жены тоже, да и хозяин он, сами знаете...

Да, подтвердил сход, на нечестности этот человек ни разу не пойман. И расходы у него по доходам. Но...

— Не ворует, а из души вытащит!

— Своего не упустит!

Вот что, оказывается, стало раздражать людей: сосредоточенность на приобретательстве, приобретательский нахрап. Что делать с таким человеком? Административные меры не правомочны. Моральные? Депутатам он скажет: «Не надо меня агитировать», односельчанам: «Завидуете». Что с ним делать — богатым, энергичным, нелюбимым? Что решите, Нина Васильевна, Юрий Александрович, Мария Петровна, Нина Иванова? Ведь и он живет на улице Советской.

Татьяна БЛАЖНОВА
Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Колхоз «Россия»,
Черемховский район,
Иркутская область.

Добивался сельсовет, чтобы в Лохове открылся физиотерапевтический кабинет. Мало было желания: доказать надо было, почему в Лохове, почему именно физиотерапия нужна. Это зависело от нескольких ведомств, у каждого своя производственная ситуация, свои резоны. Сводили их усилия воедино, стягивали их к Лохову.

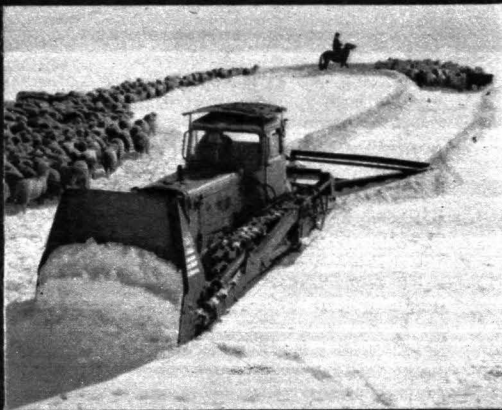
За что ни возьмись, нужно знать тонкости дела. Вот ставили пристройку к школе. Оказалось, что можно это делать только по смете, составленной в специальном проектно-бюро в Усолье-Сибирском. Обошлась та смета в 2300 рублей. Почему так дорого? Почему для того, чтобы сделать просто пристройку, надо такой забор городить? Не понравилось это депутатам, но, как говорится, увя. Вопрос не в их компетенции.

Сельсовет дошел до районного архитектора и отступил. Потому что не знал, можно ли настаивать, если доказать, что индивидуальный проект достаточно хорош. Депутаты не знали, что имеют такое право. А если бы и решились на нем настаивать, может, и не сумели бы. Знать надо строительно-проектные тонкости. Компетенция нужна. Нынче та же история: тир бы построили, и деньги есть, но смету надо составлять в Усолье. На это денег, честно говоря, жалко.

Но сквер возле Дворца культуры разбили уже по собственному разумению. И депутаты провели у себя в Совете что-то вроде конкурса — каким быть скверу. Лучшим признали проект Павла Ивановича Кичигина, секретаря парткома колхоза. Первое, чем его проект понравился — не требовал больших затрат. И еще неожиданно понравился, что Павел Иванович предложил заложить кедровую аллею. Сначала заспорили:

— Кедр триста лет растет, жди...

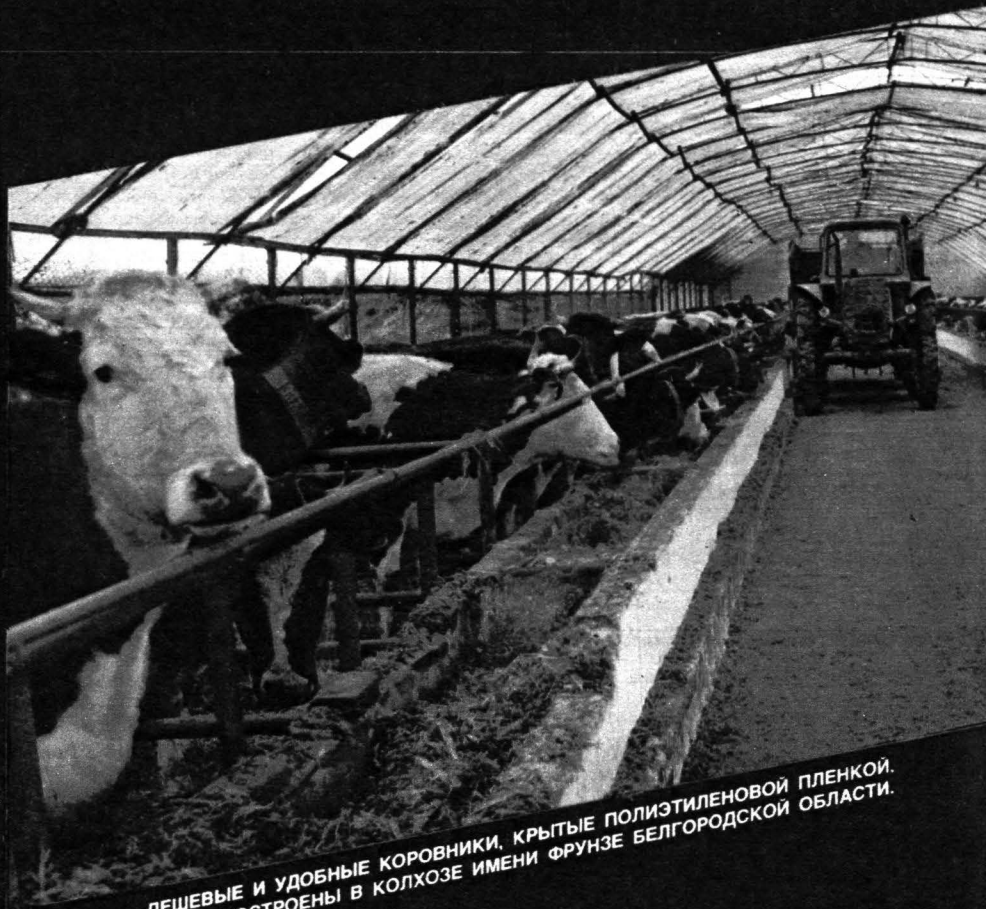
— Ну и пусть себе растет, — ответил Кичигин, — и через триста лет в Лохове будут люди жить. А то привыкли глядеть только себе под ноги, жить одним днем. Уже дети наши разучаются отличать, где кедр, где сосна, где пихта...

НА МЕРКЕНСКИХ ПАСТБИЩАХ В КАЗАХСТАНЕ ДОРОГУ ДЛЯ КОЧУЮЩИХ ОТАР ПРОКЛАДЫВАЕТ ТЕХНИКА.

Зимовка — всегда испытание, всегда проверка надежности людей. Даже когда на ферме и кадры в полном составе, и кормов вдоволь, и механизаторы на высоте. Ударил буран, замело дороги, прекратилась подача электроэнергии, а с дойкой-то не помешать! Поэтому в хозяйствах, где побывал наш фотокорреспондент, добиваются, чтобы случайности не повлияли на результаты труда. Держат в исправности движок, обеспечивают бесперебойную работу кормоцехов и кормокухонь, экономят корма, электроэнергию, горючее. Словом, делают все, чтобы получить больше мяса и молока высокого качества и при минимальных затратах.

Есть ли резервы? Да, при хорошем кормлении и бережном содержании животных. По 4000 и более килограммов молока на корову в год получают свыше тысячи хозяйств, более ста колхозов и совхозов превысили рубеж в 5000. Это ориентиры для всех. Первая зима новой пятилетки покажет, как используется опыт лучших.

ДЕШЕВЫЕ И УДОБНЫЕ КОРОВНИКИ, КРЫТЫЕ ПОЛИЭТИЛЕНОВОЙ ПЛЕНКОЙ, ПОСТРОЕНЫ В КОЛХОЗЕ ИМЕНИ ФРУНЗЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.

И НИКАКИХ С

МАСТЕРА МАШИННОГО ДОЕНИЯ
ЕЛЕНА ХАСЯНОВА И ЕКАТЕРИНА МИГАЛЬ:
«НА НАШЕЙ ФЕРМЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ». (КОЛХОЗ ИМЕНИ ФРУНЗЕ.)

Работа людей — в зависимости от условий, в которых идет зимовка. Если хозяйство позаботилось о горячем питании для животноводов, если на ферме есть фельдшер и приезжают врачи, если устроен магазин, где торгуют необходимым, а после работы можно принять душ, попариться в баньке, то и настроение отличное, и дела ладятся. И надежды наши на зимовку — на большое молоко и полную сохранность молодняка — оправдаются сполна.
Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

В ЭТИХ ОГРОМНЫХ СТАКАНАХ —
КОНСЕРВИРОВАННЫЕ КОРМА.
В СОВХОЗЕ «САКУ»
ВЕДУТ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
ЭСТОНСКИЕ УЧЕНЫЕ.

ЛУЧАЙНОСТЕЙ!

ИЗ ТАКИХ «ТАРЕЛОК» ОВЕЧЕК ПОДКАРМЛИВАЮТ КОНЦЕНТРАТАМИ.

СПРАВЕД

Мария ВОЙТЕШОНОК

Почти пустая хата показалась большой, потолок — высоким. Подметена на скорую руку, ради чужого глаза, как подворье, поверху. Веник стоял аккуратно прижатый в кочережнике, да такой тугой, справный, с емким запястьем, что сразу подумалось: наипервейшая потреба в хате уже есть. Стол, стул, шкаф...

В самом углу шкафа на плечиках висел мужской костюм, должно быть, хозяйка забыла забрать.

— Не, нехай себе висит, это одежда небожчика*, зятя моего, мужика младшей дочки Верочки. Она тепереча за другим, в Заславье, а хата во пустует, покудова сын из армии вернется. Отвисится одежина, так, может, кто еще и сносит, — привычно, как между делом объяснила Ганна Алексеевна Метлицкая, которая сдавала мне дочкин дом на лето.

Приязненно улыбнулась на прощание, плотно закрыла за собой дверь, рукой придержала, как заперла — долго дом пустовал, наконец-таки, нашлась дачница, — и пошла домой, она жила с мужем Павлом Григорьевичем.

Как-то сразу свечерело. От вымытых окон все в хате выступило отчетливее и стало как бы холодней. Черный клин треснутого, заклеенного замазкой стекла дрожал в темноте надломанным крылом, оно широко распинаялось между крестовинной рамы. Ночью ходила от ветра тонкая перегородка, должно быть, распатанная широкими плечами прежнего молодого хозяина. Сквозь сон казалось, стучали двери в соседней комнате, хотя хорошо помнилось, что они сняты с завесов и стоят в хлеву, может, еще с тех пор, когда выносили из хаты домовину. Дождь лил-поливал крепко настоящим цеделком. Плохалось, полоскалось в саду подомашнему. Слышалось слабое хлипанье, оно перебивалось старушечьим причмокиванием, шепотом, словно на кухне возле горячей печи купали в корыте малое дитя. Потом дождь пошел переходами: линет и перестанет, линет и перестанет. Сад вымылся, сполоснулся.

А назавтра утром, открыв в сенцах двери, еле не ступила в глубокую, полную воды выбоину под самым порогом. Ручьи в белых, будто мыльных пузырях бежали с пригорка, ужаками прятались под ступеньки, где-то под крыльцом слышалось глубокое, горлом, заглатывание воды (не на ключах ли здесь хата стоит?!). Набрякший порог выскальзывал из-под ног, как топляк. А немного в стороне, смятая, будто ее кто держал в зажатой жмене да потерял или под толстым бочком зиму зимовала, торчал первый желтый цветок мать-мачехи. Лес стоял рядом — мокрый, голенкий, квельый, прозрачный (а я привыкла, что он всегда где-то далеко и синий-синий, потому что звали моих односельчан на Поставшине, далеких от леса, полянцами), поэтому предупреждение Ганны Алексеевны, чтобы одна из дому в лес не ходила, дескать, легко заблудиться и бывалому человеку, показалось просто забавным преданием. Так и сказала: «Блудный лес».

В хате за ночь к новому рушнику в углу кухни паук прицепил свои кружева, будто и не обметала стены веником: он упрямо убирал старую хату по-своему — два

* Небожчик (белорусск.) — покойник.

ЛИВНОЕ ЛЕТО

года порядковался сам, без хозяйки.

— В чужом доме почевать неловко, правда. Это как не в своей одежде, — сразу поймет меня Янина Францевна Шабуневская, у которой я договорилась брать молоко.

Вся в синем: и кофта, и юбка, и платок. И глаза такие неожиданно синие, прозрачные и спокойные, как тихая весенняя вода по лугам. Что-то хрупкое, девичье в ее фигуре, хоть женщина уже и не молодая, на пенсии. Ловлю себя на мысли, что хочется смотреть на нее, вглядываться долго, будто узнавая в ее лице веками забытое сродство, то, что дало неброскую, но отчетливую красоту нашим женщинам — не смешанный, ничем не замутненный, чисто белорусский облик. И она смотрит на тебя будто издали — взгляд прижмуренный, чуть улыбочивый — милостивый, как на образах.

То в огороде, то в поле, то возле Блудного леса синее не небольшая гибкая фигурка. Делает работу, как прыдет: не торопясь, аккуратно, может, покажется, что и кропотливо, будто все время следит боковым зрением, чтоб не порвалась нить. Но никто уже после не переделывает ее работу: ни дочь Реня, ни муж Станислав Александрович. Трепещется на ветру, качается издали ее синий платок.

«Янечка» — легко скажется, отзовется в груди, как к ровеснице, при первой же встрече.

...Сразу догадаешься, что деревня Большая Воловщина в восемнадцать хат, когда начали организовывать колхозы, сошлась в это место с хуторов. Имеет небольшую улицу, но почти каждая хата стоит отдельным селищем, ее можно обойти со всех сторон, как гнездове. С другой стороны, деревня сейчас живет как бы за пазухой у большого города, он к ней строится все ближе и ближе. Минск забирал к себе ее взрослых детей, обрезая корни, как говорится, по самым черенкам, чтобы веселее пустился отросток на новом месте. Люди постарше добывали до пенсии (а большинство ее уже получили) где придется. Кто лесником — Блудный лес давал работу, кто — тоже в городе. Чаще на стороне от своего совхоза «Новый», потому что к его центру труднее зимой добраться, чем до Минска или Заславля. А теперь, когда Большая Воловщина перешла в ведомство подсобного хозяйства «Колос», кто еще мог, пошел работать сюда.

Город принуждает держать свой личный двор намного шире, чем это требуется себе: ведь по субботам наезжают дети, внуки. Тем-сем можно, перевязав платок и скокнув в автобус, притереться на рынке. Приходят за молоком и яйцами с соседних дач дачники, несут свежий рубль. Деревенские обьгаи, людские отношения понемногу разбавляются городской анонимностью, настроенностью, а если и возникал интерес к чужому человеку, то не более как к свежему купцу. Глохло, сжималось что-то исконно крестьянское в душе деревни, именно то, ради чего я и снимала здесь на лето эту старую хату. Как разноцветные стеклышки в детстве, буду искать эту потерю, буду угадывать деревню, надеясь на ее доброту и искренность, чтоб иная баба, с трудом разогнув спину в огороде, не сказала вслед, как дачнице: «Холера бы их забра-

ла, такие ж все чистые, ведомо — гуль-тай!»

Тем более что и новый веник стоит у меня в кочережнике.

Выгребла слежалую в саду, как в хлеву, прошлогоднюю и позапрошлогоднюю траву, вытаскала ее корзинами, охалками за деревню, сожгла, чистила, мела, подгребала подворье, вскопала палисадник, сеяла, белила известью яблони. Когда-нибудь кто-либо из женщин подойдет к моему забору, слово вбросит и отойдет. Иная будто и обрадуется, что умею и грабли держать, и постилку взаплечки носить, а потом скажет исподтишка, как малому дитяти в науку: «На что тебе порядки эдакие наводить, долго ли тут наживешь? Да и не свое». Так хочется ей повернуть свои мысли на насмешливое: дескать, эти наезжие нарабо-о-тают на земле, ого!

А баба Стася — она жила за стенкой, — увидев, как я подбираю стежку от хаты к Блудному лесу: жгу гнилую ботву, стягиваю в яму всякий лом, сказала:

— А ты во-о-он от того сосонника займи и гони!

Хворовите лицо заострилось от неожиданности — понимала, что лишнее себе позволила, — пошла от меня быстро, пригибаясь не то от смеха, не то прячась.

Баба Стася хворала на голову. Одни в деревне говорили, случилось такое с ней после того, как похоронила маленькую дочку, другие помнили, что такой она уже была, вернувшись после войны из Германии, откуда возвращала угнанный немцами скот. Плохие люди делали ее совсем неразумной против себя, дурачили, чтобы оправдаться, когда баба Стася, никого не боясь, говорила колхозному начальству, кто понес с поля корзину бульбы или свеклы, кто — хоть бы и карман зерна. Разозленные бабы, нагоровавшись за войну на одной траве, без хлеба, били ее по ногам камнями... Сейчас баба Стася, как она сама говорит, чаще всего «на заработках» у людей. Возьмет корочку в руку — лишь бы не натошак — и с криком, гвалтом идет к больному или старому соседу. Один попросит бульбу перебрать, другой — вышолоть огород, третий — отбить очередь за корову на пастбище. Звали ее, конечно, как говорится, на самый последок, когда уже сами не могли справиться, ведь с бабой Стасей ладить не просто. «Гребо помогти!» — засмеется вдруг при встрече, осветив тебя больно-пронизывающим, светлым взглядом. Вечером ей несут в хату банку молока прямо из-под коровы, брусок сыра или так чего из магазина.

Невзлюбила, значит, баба Стася моей работы. Очень уж легко перегнуть с доброго на плохое — нужно во всем знать меру. И в самом-то деле: такая горячка, люди бульбу перебирают, огороды засевают, а она, наезжая, чистит стежку возле леса. Не ворожба ли тут какая?!

Не раз еще отбросит меня от себя эта деревня, как что-то незадачливое в селе, нездешнее. То я ей слишком стриженная, то подол юбки зашпирюй. «Во, как раз на мое новое колесо!» — весело, цепко отметит сосед Гришка Амилекин мое новое платье с оборками, прилаживая на подворье колесо к мотоциклу. Дядька Викентий, столяр с золотыми руками, и говорить не захотел, когда попросила сделать

стол в хату (за деньги, известно). Усмехнулся не уважительно, даже разозлился, будто над ним, занятым человеком, вздумали посмеяться. Дескать, гульба вам, дачникам, в деревне — не жизнь, зачем обставлять по-человечески?

И в Блудном лесу будто кто за руку водит — легко заблудиться.

Блудный лес неровный — лощины, глубокие ручьи, пригорки, оползни, крест-накрест старые и новые дороги. Выстоянные тени возле старых деревьев, редкая трава под ними, как в склепе. Друг деревья, перекрыв свежевспаханную трактором желтую дорогу, полягут наповал. А рядом гнутый, нетронутый, кажется, даже и пыльца с него не обсыпана, молодой орешник. Буря, говорили, была, вихрь лес покрутил. «С ночи сталося», — сказала Янечка, как о тяжелом недуге. Не осмелишься ступить ногой на ветки вершин, что лежат на земле, будто это чье-то чужое жилье. Оглядываешься. Зацветает заячья капуста. Застенчивый розоватый цвет — самая нижняя, тонкая одежда леса. Лес еще, как говорится, в споднем.

Немного позднее поднимется пролеска, медуница, майник, ландыш — все такой еще деликатный наряд. Покажется длинная гусиная шейка папоротника с влажными слежалыми перышками, будто только что из скорлупки яйца.

Неожиданно встречаю в лесу, сбившись с дороги, Янечку дочку Реню с ее двоюродными сестрами Таней и Женей. Девчата поправляли две могилы, в которых были похоронены неизвестные солдаты, погибшие в боях на этом месте, в Роговичках. Пришли подмести после зимы, посадить цветы. Все трое еще совсем молодые, всегда веселые, а тут как кто подменил — притихли. Реня, не боясь испачкаться, по-бабы на коленях, руками сгребала прошлогодние листья, сучья, рыхлила землю возле зимних цветов, ровняла. Движения ее медленные, осторожные, заводила руку далеко, чтобы достать до противоположного края могилы, куда не подойти (ограда стояла близко), наклонялась неловко, не осмеливаясь опереться. Так поправляют, подумалось, не землю, а одежду на покойнике.

Работают, я знала, девочки в городе, живут, пока квартиру в Минске не получили, в Большой Воловщине, у родителей. Сюда приходило их никто не обязывал. Пришли сами, родней, которая сходит на радунцию. Но кто-то же когда-то завел одну из них на это место? Мне кажется, что Янечка.

Из леса сразу ступишь в деревню — никакого тебе перехода. Стоят, побравшись по трое или четверо, яблони. Только что в плечах пошире да поприсадистее, а так лес лесом. Даже где-нигде встретишь в палисаднике пересаженные из леса пролески или медуницу. Грозы ходят низко, гремят перуны, кажется, не в небе, а в дуплах — дырявых кублах моей старой липы, что стоит возле самых хлевов.

— Дождь! Огород пойдет! — голосисто кричит при встрече баба Стася как приветствие. Веселеет, потому что в эти сухие дни ходила молча то по огороду, то по подворью, мало и в хате была, только что ночевала — глазами поверху, ждала под каждой набежавшей тучей, как под выменем: не припустит ли?

Подняв лопатой заглушенные травой сотки, сажала она себе бульбу в деревне последней. Клала ее в постную разогретую землю, как в горячую золу. И наконец дождь!

А сад мой и после дождя трогался в рост слабо. Цвет выспался густо, комьями, но не на всех ветках. Всюду торчали негнущиеся черные сучья, они как бы стояли в другой поре, легкие, опрутевшие — зимние.

— Это их Володя сажал или нет? — припоминала, стоя в саду с дочерью Верочкой, Ганна Алексеевна.

— Володя, — отозвалась та.

— Посохнут. Бо, как выносили его из хаты, хлевы, помню, раскрыли, скотину подняли, чтоб не лежала, а то пропадет без хозяина, а сад не разбудили — не постучали по деревьям. Посохнут...

— Может, телятину купите? — крикнул кто-то через забор.

Цену назвал большую, городскую, как на рынке в Минске. Я поблагодарила, отказалась. Назавтра, будучи у Янечки, спросила, не смеялся ли тот продавец над чужим в деревне человеком, запросив так дорого? Та заверила, что и своим людям некоторые по такой цене продают.

— А смаку в нем, что тот гриб! — смеется.

Город щемит своими порядками, ценами, нравами, через любую щель. А щелей тех много. Живут в деревне почти одни пенсионеры, молодые — три-четыре человека — только что ночуют. Поднимают старость, болезни. Старый человек реже оглядывается на соседя, потому что меньше надеется на их дружбу, помощь. Он и сам себе слабый хозяин: тяжело и сотки обработать и скотину спорядковать, одно знает — нужно угодить, чтобы приезжали из города да помогали, детям. Одному рубль на диван, другому тысячу на машину. А сгодилась ли сыну или дочке в городе скупая на слова батьковская крестьянская наука, об этом больно говорить. Возвращается другой молодой человек на выходные в свою пригородную деревню, везя свою науку большого хитрого кирмаша*: дескать, тот прав, кто хорошо уторговал, — только бы не проделываться. А деревенская искренность, доброжелательство?..

Другой раз, кажется, если бы не Янечка...

Вот она, помню, с веником в руке отбрасывает задвижки в летней веранде, которая у Шабуневских служит только по теплу, будто лето в улье, выходит прямо в сад. Вдруг открылась противоположная дверь, сквозняк ударил в веранду, зазеленело разбитое стекло. Порог переступила соседка. Винится, чуть не голосит, что утварила такой вред. Пришла, говорит, позвонить дочке в Минск, та только что вернулась из больницы:

— Так добра, что у тебя, Янечка, телефон. Хоть и докучаем много...

— Ой, у нас и давней, при маме, век танцы были, люди собирались, девки после останутся, пол помоют... Бригада наша далека от центра, как говорится, семь верст до небес и все лесом, а от нас аж восемь, — объясняет мне Янечка. — Было ж в нашей хате утром, как в той конторе: все село сидит, ждет, пока бригадир придет, работу даст...

Только отошла от телефона соседка, как позвонил из совхоза «Новый» радиомонтер Николай Пинчук, спросил, дома ли Валентина Шабловская, она давала заявку поправить радио.

— Дома, дома! Сбегаю, накажу, чтоб никуда не отлучалась! — кричит Янечка в трубку. — А как же, скажу, чтоб тебе дарма такой свет не переходить.

Снова зазвучали двери. Пришел позвонить в Заславль сыну старший дядька Зеленский, запыхался, стоит на пороге, оглядывается, примеряясь, где б это присесть.

— Под гору дядька шел, так аж подпрыгивал, а с горы только к-ху, к-ху, к-ху... Что так? — шутит Янечка, подставляя ему скамеечку.

— Была сегодня автолавка? — спрашивает через порог жена лесника Зинаида.

— Стоит уже! — идет следом за ней в хату тетка Геня. — Одолжи ты мне, Янечка, грошей. Сечку привезли, треба взять.

— Надо было б и мне чего купить, да переодеться ленюся. Во какая, вся в грязном. Седьмой день людям бульбу сажу. Придут, попросят, не могу отказать, — жалуетса сама на себя Янечка, когда наконец закрылись двери в хате. — Станислав уже смеется: скажи, говорит, что хворая. Да что это я сама себе буду хворобу придумывать? Вчера — а бже ж ты мой! — и Василь Хамицкий, седьмой уже, пришел просить, я аж спужалась. Але ж не отказала. Через самое доброе сито просей — все люди хорошие, никого нельзя обидеть.

В Большой Воловщине нет ни клуба, ни магазина, никакой там конторы или красного уголка. Но почти в каждой деревне есть такая хата — такой неофициальный центр, который скрепляет человеческие отношения, охраняет добрые деревенские традиции и обычаи. В такой хате чаще и совет дадут, и рассудят по справедливости, просто молча выслушают, легко одолжат, что нужно.

Иной раз зайдешь к кому-либо во двор, поздороваться с тобой хозяйка еще поздоровается, но не выпустит из рук помойного ведра, а то и умышленно подхватит его, увидев тебя, чтобы гость долго не забавился. А то, заметив человека в окошко, прыгнет в запечек, вытолкнув навстречу ребенка, дескать, нет ее в хате, только вих-вих занавеской. Вечно нет у крестьянок времени. Разве будешь корить за такие хитрости? Нет свободного времени, нет на самом деле. Только та же работа, как и у всех в Большой Воловщине, и на Янечином подворье. Но чтобы она не обрадовалась человеку, бросив с досады веник, которым обметала веранду, об землю или хлопнула дверью, давая знать, что ей некогда, что торопится...

Откроешь двери ее хаты, Янечка, услышав шаги, стоит уже посреди передней: на полдороге от своей брошенной работы, на полдороге к гостю. Проведет ладонями по переднику сверху вниз, будто вытирая руки, а скорее, стряхивая работу, которой была занята.

Стоит всегда спокойная, немного притихшая, словно прислушивается к человеку, переступившему порог. Никогда не думаешь заранее, что скажешь, зайдя к ней, о чем спросишь. Взгляд ее такой свойский, знакомый по той памяти, которая живет в нас от начала рода-племени, что разговор находится сразу...

А вот уже и кукушка кукует в Блудном лесу — откликается лето.

Лес густой, темный. Всюду под ногами витки колочего малинника, ежевики. Знакомые стежки уже стали неузнаваемы. То вдруг загорится высокое пламя иван-чая, то бросится на глаза пестрый ковер ивана-да-марья, словно кто всю ночь вышивал, слепо корпался, перепу-

тав желтые, красные, фиолетовые нити. Дырявым цыганским шатром стоит низкий орешник, там-сям блеснет через дырку солнце — кинет под ноги медяк. Веселее, когда встретишь полянку обычного курослапа. Зеленовато-желтые мелкие цветки шьются густо, споро. Присмотревшись к этой мелкоте, заметишь, что цветут и другие травы, выбросив то колосок, то пуховку, то зонтик, то пригоршню цветов с макового зернышком. Курится легкая пыльца, будто наступило лето босой ногой на спелый гриб-дождевик, который здесь называют цыганской пудрой.

— Может, в малины сходим? — лишь бы отозваться, говорит Гришка Амилехин. Разморенный духотой, он лежит плашмя в высокой траве на подворье, поднял голову, снова повалился, как заснул.

Сидят бабы на поленях, сваленных возле улицы, концы платков поразвязывали — холодаются.

— Ветер!

— Не, погода! — смеется баба Стася, дескать, самая сенокосная пора.

Петушиным гребнем мельник на ветру в Янечином огороде красный мак.

Откроешь ее двери и... остолбенеешь от удивления. На высоко нескладном табурете сидит на веранде небольшая, лет пяти, девочка, должно быть, чья-то внучка. Ага, Горбаченкова. Рот, как у птенца, широкий, кривится набок от застенчивой улыбки, лицо — дикое рабое личко, цветет в волосах красные ленты. Вся ее красота отмечена этим Блудным лесом, этой деревенской навсегда, хоть и не ступит она на землю босая, живя, должно быть, где-то в городе. Присела я возле нее низко, как только на колени не стала, чтобы разглядеть, натешиться, как на молодое летечко.

Соседка Зина Синкевич, не переступая порог, кинулась на пол, села, будто ей тут постанло. Оглядывается вокруг себя, расслабленно улыбается, вытирая платком с головы темное от солнца лицо — лето!

Лето в Большой Воловщине видится мне теперь через высокое прозрачное пламя марева, трепетное, горячее. А тогда я прибежала к Янечке, чтобы посоветоваться, будучи, мягко говоря, не в лучшем настроении: пылота соседки Нины Григорьевны Кисель «косили» все подряд и в саду, и в огороде — никак не оборониться. Что делать? Зазря пропадет моя работа. Всю весну порола дерн в палисаднике, выгигивая крепкие, как дзатва, белые корни пырника, везла с базара рассаду цветов, луковицы лилий, разные семена. Сбирала на выгоне сухие коровки, подкармливала, лишь бы оно все шло в рост. Полола, корзинами таская пустозелье, слушая Янечку, дескать, огород любит бабу горбатую, а наше поле — тарелочка: что положишь, то и возьмешь...

— Что делать, Янечка? Соседи же видят, что куры делают мне вред, почему не закроют их в сарае? — возмущаюсь я, готовая пойти к соседям и, как часто бывает в деревне (раньше мне казалась такая причина мелкой, неразумной), поругаться с людьми из-за курицы.

— Одно лето на всех: кто курицу посадил, кто грядку вскопал — на всякую птаху, на разные травы... — ответила мне Янечка очень спокойно. Я же надеялась на сочувствие.

Молча слушаю ее, чувствуя, как утихает во мне обида, молча благодарю ее за справедливое доброе лето, одно на всех.

Минская область.

Фото Н. СОФРОНОВОЙ.
Рис. С. СИТНИКОВА.

(Окончание в следующем номере.)

* Кирмаш (белорусск.) — базар, рынок.

Я ПРИЕДУ

Грусть-тоска идет за мной по следу,
 Степь и горы ею налиты.
 Вот возьму, любимый, и приеду
 В тот аул, откуда родом ты.
 Говорят, он рядом с небом,— звезды
 Можно на ночь самому зажечь.
 Облака заглядывают в гнезда,
 И орлы взлетают прямо с плеч.
 Я приеду в пору сенокоса
 И увижу близко, наяву,
 Как росинки светятся белесо,
 Как с размаху косишь ты траву.
 Наземь опущусь, прильну щекою
 К стебелькам, и будет даль тиха.
 И глаза, зажмурившись, прикрою
 Я листом шершавым лопуха.
 Разойдется дымка постепенно,
 И, усталый, в прозелени трав,
 Ляжешь ты на сохнувшее сено,
 Жилистые руки разметав...
 Я недаром так затосковала
 По тебе, по солнцу, по горам.
 Свидимся во что бы то ни стало—
 Я ведь выдумщица, знаешь сам.
 Этот день встает передо мною:
 Все родное, горское, вокруг.
 Пахнешь ты травой и тишиною,
 И тобою знойной пахнет луг...

ПОЛЫНЬ

Полынь-травя, невзрачная на вид,
 Попробуешь ее—и сам не рад.
 Вдохнешь поглубже—ноздри опалит
 Ее горчащий, резкий аромат.
 Когда недуг, когда тяжелый жар
 Томил меня, лишая сна и сил,

Ее густой спасительный отвар
 Меня своею горечью целил.
 Он горек был почти до тошноты,
 Его, казалось, пить невозможно.
 Но мать твердила:
 — Пей смелее—ты
 Поправишься, коль воду выпьешь ту...
 Не так ли, правду слыша от людей,
 Как правда эта ни была б горька,
 Ты помнить должен, что наверняка
 Своим здоровьем ты обязан ей.
 И если ты душою чист и смел,
 Не бойся правды—правда не убьет,
 Но опасайся ядовитых стрел,
 Опущенных на время в сладкий мед.
 Полынь-травя, невзрачная на вид,
 О горькой доброте нам говорит.

НА ЗАКАТЕ

Все ближе солнце к нам, все ниже,
 С землей прощается оно.
 И тихий дол, и взгорок рыжий—
 Все грустно им озарено.
 Гляжу на солнце без опаски,
 Теперь лучи его добры:
 Они полны тепла и ласки,
 А не удушливой жары.
 И, зыбко тая, на излете
 Успели все-таки они
 Предать закатной позолоте
 Луга, дремавшие в тени.
 И замерли степные дали
 В предчувствии ночных зарниц,
 И перламутровыми стали
 В прозрачной дымке крылья птиц.
 И нефтьешки под лучами
 Порозовели в пору ту,
 И дым из труб багров, как пламя,
 На позднем солнечном свету.
 Сама собой,
 По доброй воле,
 Ложится на сердце строка.
 В ней нет ни ревности, ни боли,
 А только смутная тоска.
 Любимый мой, нам время тоже
 Проститься. Гаснет день вдали,
 И расставанье наше схоже
 С прощаньем солнца и земли.
 И мир печальней на закате,
 И вечер тает, как свеча.
 И рук последнее пожатье,
 Как свет последнего луча.

Фазу АЛИЕВА

ТРОПИНКА

Тропинка та ничем не знаменита,
 Но нет ее родней наверняка.
 Она слезами и росой полита,
 И каплями парного молока.
 Едва вставало солнце, я, бывало,
 По ней шагала с крынкою легко
 И в крепости на теплый хлеб меняла
 Надоенное мамой молоко.
 Тропинку эту маминой зову я,
 Она была не знающим цены
 Моим оплотом в пору грозную,
 В лихие дни сиротства и войны.
 Мне и теперь тропинка эта снится,
 Следов на ней не выбьют дождь и град.
 Там цокают ослиные копытца,
 Там слезы материнские блестят...

ГЛЯДЯ НА ВЕРШИНЫ

Когда на горы я гляжу с равнины,
 Я думаю, что, верно, только там
 Всегда в избытке неба свет глубинный
 И все открыто солнечным лучам.
 И вот уже я вровень с небосклоном—
 Тропа крутая выше не ведет.
 Но здесь морозно.
 Блеском отраженным
 Горит не тающий на солнце лед.
 Как до отказа сжатая пружина,
 Стою лихим ветрам наперекор.
 И не умеет слиться воедино
 Душа моя с душой высоких гор.
 А там, внизу, узорные поляны
 И бойких птиц неутомный зов.
 Луга необозримые дурманны,
 До дна обнажены сердца цветов.
 Я там своя,
 Я там неотделима
 От листьев мяты, от степной травы.
 И дождь желанный не промчится мимо,
 И твердь не потеряет синевы.
 А главное—оттуда будет снова
 Казаться мне, что горные хребты
 В сквозных потоках света голубого
 Исполнены тепла и доброты.

Перевод с аварского
 Якова СЕРПИНА.

Рис. А. ГРИШИНА.

ЖЕНЩИНЫ В РЕВОЛЮЦИИ

Солнце прокалило воздух, выжгло траву на склонах гор. От сухого жара тяжелеют веки. Пустить бы коня вскачь, рассечь застоявшийся зной, ощутить струи воздуха на лице! Но конь ступает осторожно: тропа каменистая, проводник впереди. Проводник? Этот человек прискакал сегодня поутру и сказал, что «наши люди» хотят встретиться с «вашим командиром»: вопросов много. Вот послушают, что скажете, и тогда будут решать, надо ли дальше стрелять, воевать.

Не раз уже представлялся случай убедиться, что в контрреволюционных бандах немало бедных темных крестьян, околпаченных мусаватистами, их главарями. Хорошо бы им растолковать, кому выгодно, чтобы они, бросив свои дома, голодных ребятишек, вели кровопролитную борьбу. Только где гарантия, что агитатор вернется в целости и невредимости, что он вообще вернется?

Она поднялась, словно ставя точку в сомнениях и выборе, одернула гимнастерку:

— Надо ехать. Поеду я.

В штабе о ней никто не думал как о возможной кандидатуре. Женщинам-комиссарам не без труда приходилось справляться с недоверием собственных бойцов. Надо было в бою перед ними предстать, поднять в атаку, чтобы кончились снисходительные разговоры о бабе, о юбке, о курице-не-птице. А тут и вовсе не перед красноармейцами речь держать — перед мусаватистами, мусульманами. Оскорблением сочтут появление женщины. Но она сама вызвалась: «Поеду я». Она умела сказать так — и знала, видимо, за собой эту особенность, — что все, державшие наготове множество возражений, вдруг замолкали и соглашались.

Штаб остался далеко позади, и с каждым шагом все сильнее ощущение пустоты, пропасти за спиной: свои защитить уже не смогут. Что-то ждет ее?

...Еще вчера можно было разыскать многих, воевавших рядом с той тоненькой девушкой на коне, которая далеким жарким днем ехала в стан мятежников. Сегодня остается для поиска библиотека — книги о событиях, к коим она могла иметь отношение, архив — папки документов, шелест хрупких листов: штабные приказы, донесения, написанные нередко на оборотной стороне санитарных плакатов-предупреждений (опасно!.. тиф!.. холера!..). Не бумажки подшивал делопроизводитель, не уважаемая на войне «бумажная душа», — складывал для нас бесценные свидетельства быстро мчащихся дней. И уж вовсе нежным чувством проникнешься к неизвестному педанту, когда в вязи выцветших чернил встретишь знакомое имя: восстановлен еще один факт или день увлекшей тебя жизни, в характере, который так хочешь понять, приоткрылась еще одна черточка.

Все равно, наверное, из этого сложится лишь версия: даже живущего рядом оружающие воспринимают, видят по-разному. «Серые глаза, румянец во всю щеку, выющиеся каштановые волосы...» «У нее черные-пречерные глаза, обветренное загорелое скуластое личико...» — обе фразы о девушке на коне.

Но совершенно доподлинно: лето двадцатого года, Азербайджан, ставший Советской Социалистической Республикой. Контрреволюция надеется на реванш, собирает силы для мятежей. Непокорно у границ с дашнакской Арменией. Здесь, в районе реки Тертер, стоит 58-я бригада 20-й стрелковой дивизии 11-й армии. Комбриг — Александр Тодорский. Начальник политотдела — Рузя Черняк.

Она сказала: «Поеду я», — воспользовавшись своей комиссарской привилегией быть первой там, куда непросто отправить другого.

В штабе остался самый дорогой для нее человек — комбриг. Не возразил, услышав о решении. Она одна знала, чего это ему стоило. Вернуться, во что бы то ни стало вернуться к своим! Разагитировать бандитский отряд и вернуться. Дадут говорить — она скажет! А если не дадут?..

Война могла бы кончиться для Рузи еще несколько месяцев назад. В январе в Политуправление Реввоенсовета республики пришло письмо из Центрального Комитета партии за подписью секретаря Елены Стасовой. ЦК предлагал демобилизовать Рузю Черняк и направить в распоряжение Московского комитета РКП(б). Телеграф отстучал указание ПУРа политотделу 10-й (Черняк тогда еще была в десятой) армии: «...демобилизуйте... направьте московский комбольш... исполнение донесите...»

Что скажешь, отважная?

Р. И. Черняк-Тодорская и А. И. Тодорский. Баку, 1922 год.

По-другому сложился бы этот день ее жизни: Москва, рядом мама — столько уже не виделась! — тихий Мыльников переулочек, в двух шагах Чистые пруды... Но в ответной телеграмме в ПУР сообщалось: «Черняк Рузя отказывается покинуть армию конца войны».

В отказе не каприз, не романтический порыв. Успев побывать на Северном фронте и наводиться на Южном, Черняк сполна постигла, что такое огонь, смерть, быт войны. Одолевали Деникина, боролись со вшивостью, тифом, цингой. В октябре — декабре девятнадцатого года вели бои под Царицыном. Не у всех бойцов шинели, многие в набухавших от дождей и мокрого снега телогрейках. Коченели руки на прикладах винтовок, неделями не видели хлеба, питались почти одной тыквой... И при этом решимость выстоять, погнать врага. В наступлении еще больше окрепло это настроение. Но каждый километр давался очень тяжело. Поредевшие полки 38-й Морозовско-Донецкой дивизии влились в 39-ю. В феврале форсировали Маныч: ледяная вода, шквал огня с южного берега, потом занесенная снегом степь. Как же она, комиссар, носитель революционного духа, оставит бойцов, хлебнув столько лиха с ними вместе?

Так что жаркий день и проводник в неизвестность — лишь закономерное продолжение того выбора. А начало?

В 1914 году из-за войны семья Черняков покинула родную Лодзь, на два года осели в Чернигове и снова поднялись в путь — в Москву. В Москве явственно ощущалось недовольство войной, потерями на фронте, дороговизной, голодом, недовольство царизмом, вылившееся в политические антивоенные стачки. Бурлила молодежь в народном университете Шанявского, куда поступила Рузя. Большевики превратили его в центр революционной работы среди молодых.

Рузя вся была в ежедневных событиях и новостях. Их обсуждали в университете, дома: старшие сестры, Матильда и Эмма, — большевички. Начался 1917 год. С ликованием встретили Февральскую революцию. А вскоре Рузя пришла в здание Земского Союза на Покровке, где в двух маленьких комнатках разместился Московский комитет РСДРП, пришла — как ступила в неземное время. Течение — это не про него, про него — напряжение.

Строгий взгляд из-под очков, четкие распоряжения: срочно, немедленно — секретарь МК Землячка (весь аппарат большевистского комитета — она да Рузя) имела право требовать от своей помощницы невозможного не по одной партийной должности. Сама жила без продыха. Никто не знал, когда она спала и не спала ли вообще. МК должен был улавливать политическое настроение большого города с точностью барометра. Борьба за влияние в массах — яростная борьба с меньшевиками и эсерами — шла всюду: на заводах, в полках, в Советах. Быть в курсе каждого шага идейных противников, не пропустить ни одного случая публично сразиться с ними. Переломить настроение многолюдного митинга, порой прорваться через острую враждебность: «Не слушайте большевиков! Вон с трибуны немецких шпионов!» Завладеть вниманием, завоевать сторонников: «Правильно! Зачем нам война? Не будет ни мира, ни хлеба, пока «временные» правят». Почти три месяца воевали с меньшевиками на заводе «Гужон», с меньшевиками и эсерами в Рогожско-Симоновском Совете...

На гребне событий оказалась семнадцатилетняя Рузя. Члены Московского комитета РСДРП(б) — известные революционеры-ленинцы: Михаил Степанович Ольминский, Вадим Николаевич Подбельский, Розалия Самойловна Землячка... Рядом с ними не могла она не постичь, что искусство завоевывать словом замешано не на одних приемах красноречия. Важны они, разумеется, но страстность основана на понимании и твердой вере: только большевистский путь приведет к благу России и благу народа, о котором кричат все.

Строгий взгляд из-под очков — никакой снисходительности к молодому товарищу по партии. Улавливала ли в нем Рузя особую теплоту, нежность, которая сродни лишь материнской? «Ребенок, совсем еще ребенок, — отмечала про себя Землячка, — а работает без усталости, беззаветно».

Вокруг Рузи собираются «хвостики». Свои «хвостики» были при каждом райкоме — гимназисты, совсем молодые рабочие. Они всегда оказывались на подхвате, выполняли разные поручения, бегали по митингам — жаждали разобраться в происходящем. Не всех их можно было принять в партию — зеленые, но надр было воспитывать, растить смену. «Хвостики» прибежали к Рузе по делу и просто поговорить. Вспыхивали споры, и в спорах выделялся

звонкий Рузин голос: «Нет, вы только посмотрите на него! Ему пятнадцать! А он не знает, за большевиков он или за меньшевиков!» Она иронична, бывает сурова, но в ней признают лидера, вожака. Естественно, что именно она стала секретарем Союза молодежи при МК РСДРП(б).

Что отличает людей, способных вести за собой? На чем выросли известность и авторитет секретаря Черняк?

Собираю воедино строки, которые оставили о Рузе товарищи. Одно общее в них: Рузей любили. Мы всегда любим ярких людей. А она энергична, умна, острым словом срывает мгновенно.

Рузо настолько знали в Москве, что газета «Социал-демократ», объявляя о молодежных собраниях или товарищеских вечерах в солдатских казармах, писала: «С участием Рузи». Именно так — без фамилии и должности, одно имя говорило о многом.

Встретишь воспоминания о шумном клубе на Цветном бульваре — клубе Союза молодежи при МК — и, «войдя» вслед за автором в переполненный зал, непременно увидишь Рузо. Конечно, она верховодит. Здесь с жадностью слушают старших товарищей — Ольминского, Подбельского, Землячку. Обсуждая текущий момент, 9 июля 1917 года общее собрание Союза* молодежи единогласно вынесло резолюцию протеста против обвинений интернационалистов в пособничестве немцам. Молодежь требовала немедленного расследования, раскрытия наглой лжи и клеветы, привлечения к суду тех, кто под видом борьбы с агентами Вильгельма свет контрреволюцию.

Здесь яростно спорили на самые жгучие темы и самозабвенно пели любимые песни. За роялем — Рузя.

И в воспоминаниях о рождении московского Союза рабочей молодежи «3-й Интернационал» тоже встретишь имя «Рузя». На этот раз ее звонкий голос звучит под сводами царского павильона. В этом павильоне у Николаевского вокзала обычно останавливалась царская фамилия, прибывавшая из Петербурга. А 8(21) октября 1917 года здесь собрались представители большевистских юношеских организаций всех районов Москвы, чтобы объединиться в единый Союз. Старый швейцар у входа с недовольством и пренебрежением разглядывает непривычную для этих стен публику. Но как хорошо знакома вся публика Рузе! Анатолий Попов — близкий друг, главная опора во всех делах, он представляет Пресненский Союз. Здесь Сережа Барболин, рабочий Сокольнических трамвайных мастерских, Ананий Жебрунов, тоже рабочий, Лусик Лисинова, молодежный вожак Замоскворечья.

Октябрьские революционные бои в Москве были особенно длительными и кровопролитными. Дорогой ценой далась победа. Лусик Лисинова погибла на Остоженке, Ананий Жебрунов и Сергей Барболин — на Тверском бульваре... В очередном номере «Интернационала молодежи» — органе Союза рабочей молодежи «3-й Интернационал» — имена погибших, некрологи. Один из них подписан: «Рузя».

Это ее слова о Сереже Барболине, вылившиеся, видно, на одном дыхании. В них боль, печаль, нежность, чувство глубокого родства с теми, кто взял на себя бой. Рузя была замечательным товарищем.

И тому есть прямое подтверждение. Евстафий Иванович Поздняков, шахтер, революционер-подпольщик, в гражданскую — политкомиссар 38-й дивизии, пишет в своей книге «Юность комиссара» о замначподиве Черняк, о тяжком июле девятнадцатого года. Отступление на Южном фронте, приказ командующего 10-й армии — занять оборону, остановить во что бы то ни стало противника. Рытье окопов всю ночь, а на рассвете — атака деникинцев. Отбили. Снова атака. Два кавалерийских эскадрона стремительно летят на окопы. Нужны опыт, железные нервы, чтобы выдержать этот устрашающий вал, не побежать, отбить точным оружейным огнем. Нет, броситься самим навстречу конникам! И Поздняков с маузером поднимается из окопа, за ним цель бойцов...

Успел увидеть комиссар хвосты повернувших вспять коней, развевающиеся бурки... Когда очнулся — перед глазами белел потолок хаты, доносились звуки удаляющегося боя.

Тоненькая встревоженная девушка рядом. На ней кожаная куртка, короткая юбка, сапоги.

Это она вынесла комиссара с поля боя, позвав кого-то в помощь, уже успела чем-то перебинтовать ногу и теперь командует тихо и властно: «Не разговаривать, иначе мы с вами поссоримся. Поедем в госпиталь». Возмущенный этим заявлением политком пытается встать,

но сильная маленькая рука укладывает его снова: «Лежать».
«Те, кто знают Рузю Черняк,— а мне кажется, я немножко знаю ее,— обычно с нею не спорят. И я подчиняюсь, покорно жду прихода врача.

В сущности говоря, Рузя — добрейшей души существо. Девятнадцатилетняя Рузя обладает редкостным умением жить для других. Среди молодых коммунистов дивизии она ярко выделяется и недюжинными знаниями, и широким кругозором, и какой-то особенной твердой уверенностью в мыслях и поступках».

Однажды, когда неприятель прорвал фронт, когда его конница клином врзалась в расположение 38-й дивизии на стыке двух бригад и фланг одной из них под сильным натиском дрогнул, обратился в беспорядочное бегство, Рузя появилась в самый критический момент прорыва. Как на крыльях, летела она с карабином в руке во главе горсточки храбрецов прямо навстречу бегущим: «Кто такие? А ну — за мной!» — и вмиг осмелевшая пехота повернула на сто восемьдесят и покатила следом за ней на мчащийся конный строй, сломала его, закрыла прорыв...

Что же за храбрецы неслись вместе с Рузей в центр сражения? Работники политотдела, хозяйственных команд, которых подняла она по тревоге, услышав о прорыве.

«...Много на ее счету было подвигов, во многих сражениях мне довелось ее видеть,— вспоминает Поздняков,— и всегда из огня ей удавалось выходить невредимой. Смелость и отвага выручали ее. Да, любимая бойцами наша Рузя была подлинным героем гражданской войны».

Значит, в тот жаркий день в Азербайджане ничего особенного не произошло: просто-напросто ей, как всегда, не изменили смелость и отвага, и она поехала к мятежникам. Людей, стрелявших вчера в ее товарищей, можно разоружить — словом. А это по ее, комиссарской, части. Разговоры с убежденными или ослепленными одиночками могут ни к чему не привести, а с массой... С массами надо говорить, чем бы это ни кончилось,— это школа революционеров-большевиков, старших Рузиных товарищей, наставников.

Проводник перед Рузей покачивается в седле. Он спокоен, невозмутим. Он выполнил то, зачем его посылали. И никто не посмеет упрекнуть, что плохо, мол, выполнил — женщину привез. Не от него это зависело. Не выбирал. Кого дали — с тем вернулся. Справится ли она теперь со своей миссией? Не помешает ли языковой барьер? Донесет ли ее слова переводчик? Она скажет людям, которые будут перед ней, как больно смотреть на нищету их селений, на их измученных жен, на ребятишек со вспученными животами. Кругом голод, горе. Мусаватистскому националистическому правительству помещиков и буржуазии никакого дела не было до нужд и страданий народа, оно продавало Азербайджан то туркам, то англичанам... Она спросит их: за что вы боретесь? За свободу? Свобода у вас уже есть. Азербайджан — свободная суверенная республика. За землю? За землю теперь ваша. Идите, обрабатывайте ее, кормите детей.

Сколько раз потом придется Рузе искать путь к сердцу людей, которые говорят совсем на другом языке! Но она пока не ведает о том, что будет в ее жизни, что случится сегодня, доживет ли до завтра. Это мы можем обогнать проводника и забежать вперед — в любой из ее дней. Можем заглянуть, например, из жаркого лета в глубокую осень, в зиму и в следующий, двадцать первый год. Что увидим? Снова горы.

Дагестан. Одна из самых гористых местностей земного шара. Шумят реки в глубоких ущельях: Малейший дождь — и ручьи превращаются в бешеные потоки, сносят мосты.

Перевалы трудны даже для вычного движения, а бойцы тянут в горы артиллерию, веревками удерживают срывающиеся со скал пушки. В горах — бандиты Нажмутдина Гоцинского, лжеимам, богатого землевладельца. Его отряды — остатки горской контрреволюции, белой гвардии — при поддержке меньшевистской Грузии вторглись на советскую территорию. К ним присоединились кулаки, муллы и те неграмотные, забытые горцы, которые были под влиянием реакционного мусульманского духовенства. Антисоветский мятеж охватил несколько районов...

Глубокая осень, зима, беспрерывные бои. Таких испытаний, пожалуй, еще не выпадало бойцам 32-й дивизии. У всех разбита обувь — никакие сапоги не выдерживают горных дорог, по ним непривычному человеку и налегке передвигаться трудно, а с пушками... Но без артиллерии не снять осады с крепостей Хунзах и Гуниб, не взять крепости Ботлих. Даже сыновей гор, безудержно

смелых красных партизан, удивляют и восхищают красноармейцы.

Поднимать боевой дух — эта задача, как всегда, на комиссарах и командирах. И есть только одна возможность выполнять ее в тяжелой обстановке — личный пример. Это лучше многих знает Рузя Тодорская, исполняющая обязанности начподива, опытный политработник. В двадцать-то лет — уже опытейший! Но ведь и прославленному военачальнику Тодорскому, командующему Дагестанской группой войск, всего двадцать шесть.

Впрочем, кого удивляла молодость в гражданскую? Сейчас мы удивляемся, открывая давно открытое — беспределность человеческих возможностей, возможностей ранней поры жизни. Об этом как-то забывается в благополучное мирное время. Все больше об инфантильности толкуем. Может, как раз на такой забывчивости она и вырастает?

Рузю можно было увидеть в аулах, в нищих саклях рядом с женщинами и грязными, полураздетыми ребятишками, на митингах и собраниях местных жителей, на заседаниях областного комитета партии, на конференции женщин-горянок...

Работа среди местного населения, воспитание в красноармейцах уважения к народам Дагестана, их обычаям, нравам — едва ли не самые важные политотдельские заботы. Красная Армия пришла горцам на помощь в их трудной, долгой борьбе с контрреволюцией, и они должны почувствовать в ней надежного друга. Самому темному, неграмотному, пострадавшему горцу — сколько крови пролилось на его земле за три года! — станут понятны идеи интернационализма, выраженные на уровне человеческого внимания, сострадания. Поэтому никаких проступков, порочащих мораль Красной Армии, не спускает Тодорская. Только что узнала: два бойца при отправке их части из Баку в Петровск-Порт накупили яблок и втроедорога продали местным жителям. Вызвать немедленно!

Подив организует неделю красного пахаря — и красноармейцы вместе с крестьянами обрабатывают каменные клочки земли. Подив объявляет неделю ребенка — и недельный заработок отчисляется дагестанским детям, по полфунта хлеба от ежедневного пайка каждого, и весь недельный сахар. Делились последним.

И еще один из Рузиных дней. Не на высоте тут комиссар. Партачейка подива ставит вопрос о случае грубости Тодорской. Страшен ли случай? Не выслушав возражений, оборвала товарища: «Молчать!» Да, не сдержалась. Видно, дают о себе знать накопившаяся усталость, постоянное напряжение. Но правы коммунисты: «Во имя партийной дисциплины тов. Тодорской взять себя в руки для восстановления товарищеских отношений». Она согласна с ними. Происшедшее недопустимо. Не оправдаешь его пошатнувшимся здоровьем. Никому не объяснишь, что ждешь ребенка...

А вот общее собрание политотдела в Темир-Хан-Шуре. И Рузя, энергичная, воодушевленная, делает доклад, и ей горячо аплодируют. Она говорит, что положение Советской Республики «твердо и блестяще, как никогда». Полная победа на Польском фронте, разбит Врангель! Антанта вынуждена идти на большие уступки. Но нельзя забывать, что она исподтишка строит и будет строить козни, нельзя терять бдительности, особенно здесь, в борющемся Дагестане...

Уже 1921 год. Март. Рузя вернулась из Москвы с X съезда партии. Делится с товарищами своими впечатлениями. Отсюда, издали, казалось, что там, где не стреляют, жизнь почти наладилась. На съезде открылось ясно, как и чем живет вся Россия. Трудно, тяжело в стране. Не скоро придется отдыхать...

В тридцатисемилетней жизни комиссара, потом студентки Московского высшего технического училища, заводского мастера, затем крупного инженера Рузи Черняк-Тодорской вообще нет периодов, которые называют передышкой...

Но Рузя пока ничего не знает о своем будущем. Конь несет ее в контрреволюционный отряд. Товарищей в штабе не оставляет тревога: как все обойдется? В жестокости бандиты преуспевают... Рузя даже еще не знает, что произойдет через несколько минут, как ошеломит мятежников ее приезд. Девушка?! На коне?! В красноармейской гимнастерке?! Одна?! Что же нам скажешь, отважная?..

Речь комиссара показалась убедительной. Слово вышло победителем в поединке с оружием, непонимание отступило перед доверием, перед страстью, перед идеей... Командование дивизии представило Рузю к ордену Красного Знамени.

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

САДЫ В ЛЕСАХ ОТПИСОК

Дети, известное дело, племя молодое и беспокойное. Было бы спокойным, так сидело бы дома да смотрело в окно, пока мамы и папы с поля не вернутся...

Но разве их дома удержишь! Бегают по деревне, радуются необузданной свободе и чувствуют себя первооткрывателями вселенной. А вселенная, словно нарочно, насыщена такими соблазнительными игрушками, как спички, с помощью которых можно сделать хороший костерок около сеновала. Еще в этой вселенной много глубоких колодезь: посмотришь в такой — голова закружится. А на речке омуты с холодными ключами и не пересчитать...

Приходят мамы на работу, а дело у них из рук валится. Все мысли о доме: не упала ль в колодезь Таня, не добралась ль до спичек Ваня, не утонула ль в речке Маня...

А сердце, как известно, не камень. И бросают мамы работу. Тысячи молодых мам. Десятки тысяч. А может быть, и больше.

Конечно, это там, где детских яслей и садов нет. А нет их еще во многих колхозах и совхозах. Издавно повелось — не построить коровник или телятник нельзя: от того, как поживают коровы и телята, зависят надои и привесы. А дети... Что с них возьмешь?

Правда, родители порою начинают колготиться, а то и жалобы пишут. Но «объективных» причин всегда навалом: то тяжелый по погодным условиям год, то сложное положение в животноводстве, то нехватка рабочих рук. Как раз тех работающих женских рук, которые рвутся к делу да некогда за дело взяться: кто же тогда присмотрит за Таней, Маней и Ваней?

Но, однако, здесь возможны варианты. В селе **Мамаевка Чимкентской области**, как сообщает наша читательница Шолпан Колходжаева, молодые мамы начинают проявлять инициативу. Одни закрывают детей дома и крепко-накрепко заказывают им вылезать на улицу через окно, другие оставляют их соседям, третьи берут с собой на работу. А в селе **Полое Ардатовского района Мордовской АССР** молодые мамы пытаются решить эту проблему путем найма в няни старушек.

Но бабушки, то ли, почувствовав спрос, заважничали, поэтому ни за какие деньги не соглашаются нянчить чужих детей, то ли у них свои внуки и внучки. И если молодой маме удастся уговорить старушку, а самой пойти на работу, на нее указывают пальцем и говорят: «Везет же людям!»

«Сколько рук бездействует! — пишут жительницы села. — Какую помощь могли бы мы оказать своему хозяйству, особенно во время заготовки кормов и уборки урожая! Но вынуждены молодыми пенсионерками сидеть дома на иждивении мужа и государства, а на помощь будут звать шефов из города».

Конечно, откровенно демонстрировать полное безразличие к проблеме «матери и дети» решаются не многие руководители. Чаще выдвигаются «объективные» причины. А их вслед за руководителями колхозов и совхозов частенько повторяют в районных, областных и краевых организациях.

«На строительство детсада отсутствует проектно-сметная документация», — отвечает на письмо женщин из колхоза «Боль-

шевик» председатель **Солигаличского РАПО Костромской области т. Гавриков**. Прочитав ответ, и становится от всей души жаль руководителей колхоза «Большевик». Ведь они, наверное, так хотели увидеть радость на лицах родителей и детей, да и в колхоз новые силы вдохнуть! И так коварно подкосила их эта самая проектно-сметная... А потом, когда чувство сострадания несколько притупляется, невольно задаешь вопрос себе: а почему же она отсутствует-то? И кто должен был позаботиться о том, чтобы «присутствовала»? И получается, что должны сами же руководители колхоза «Большевик». Ведь так можно не иметь этой документации еще пятилетку и каждый раз отсылать отписки...

Конечно, проектно-сметная документация нужна. Но бывает, что она и есть, а дело с места не движется, как, например, в колхозе «Правда» **Болградского района Одесской области**. Здесь время от времени достанут ее из дальнего ящика стола, посмотрят и положат обратно. В связи с тем, что строительные мощности района невелики, исполком райсовета, как сообщил его председатель **Н. И. Черненко**, неоднократно предлагал правлению колхоза начать строительство детского сада в селе Криничном хозяйственным способом. Но правление, по словам **Н. И. Черненко**, «не решается». Хозяйственным способом в селах построены тысячи самых различных зданий, а одеситы все еще прикидывают — решиться ли?

Но вот в поселке **Малый Кантат Большемуртинского района Красноярского края** поступили более смело. Здесь, как сообщают читательницы, после их письма в «Крестьянку» подготовили помещение, даже матрасы детские завезли. Радовались и родители, и дети. Да поторопились: помещение отремонтировали и... отдали под медпункт. И лежат сейчас детские кровати, ржавеют, а матрасы грызут мыши. Конечно, медпункт нужен, спору нет. Но почему же за счет детского сада?

Решение различных жилищных и хозяйственных проблем за счет ущемления интересов самой юной поросли жителей села стало почти модой. Долго жителям деревни **Аненский-Лозавец руководств колхоза «Красное знамя» Орловской области** обещало открыть детский сад. И однажды чуть не открыло. Даже дом для

этого построили. Но построили и отдали специалисту.

А дети? А дети пусть не волнуются. У них вся жизнь впереди. Все получат в срок. Будет им и белка, будет и свисток...

Щедры на посулы и руководители колхоза имени **Мичурина Аркадакского района Саратовской области**. Здесь детский сад нуждался в ремонте, в нем не было мебели, игровой площадки, художественной и методической литературы. В конце 1985 года на письмо женщин в редакцию пришел ответ за подписью председателя райисполкома **А. Н. Епифанова**, в котором говорилось, что председатель колхоза имени **Мичурина Н. И. Плотников** заверил: до 1 октября 1985 года будет отремонтирована отопительная система, приведена в порядок игровая площадка, приобретена мебель, инвентарь, методическая и художественная литература. «Наконец-то!» — вздохнули облегченно женщины.

Но оказалось, что, заверяя женщин и райисполком, товарищ Плотников несколько покривил душой. Потому что, как сообщил потом заместитель председателя исполкома **Саратовского областного Совета народных депутатов К. П. Пономаренко**, «после завершения ремонта правление колхоза решило передать этот дом под жилье приехавшему в колхоз бригадиру Агапову. А для детского сада начать переоборудование другого здания».

И можно понять радость женщин совхоза «Заря» **Золотухинского района Курской области**, когда новый директор совхоза **Валентин Петрович Заика**, узнав, что многие матери сидят дома, пообещал в первую очередь построить детский сад.

И строительство началось. Место выбрали — лучше не придумаешь: в стороне от дорог, вокруг — зеленые заросли. Мамы и папы приходили на стройку с детишками и любовались: дом растет светлый, просторный, хорошо будет в нем малышам!

А когда мамы и детишки пришли в очередной раз, оказалось, что дом занят — трехкомнатная квартира, в которой товарищ Заика жил до этого, ему вдруг показалась тесноватой...

Через два года в совхозе снова приступили к строительству детского сада. Правда, место не такое прекрасное — кругом дороги, пыль. Однако мамы были и с этим согласны. Но построили здание и... Ну, конечно, отдали. На этот раз — под амбулаторию.

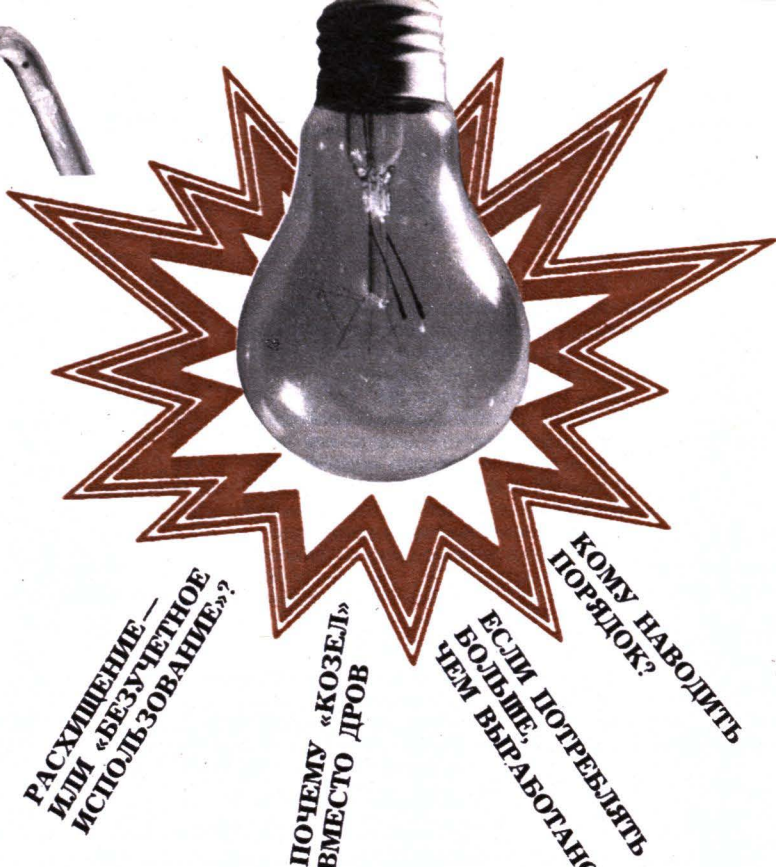
На двенадцатую пятилетку строительство сада снова запланировано. И вот мамы, папы и детишки гадают: кому же будет передано это здание, если его построят?

Вот ведь как получается. В одном случае детского сада нет, потому что отсутствует проектно-сметная документация, в другом случае потому, что в колхоз приехал бригадир Агапов, в третьем потому, что хотя здание детсада и занял директор, зато «построена амбулатория и в настоящее время функционирует». И все выдается за объективные и непреодолимые причины.

Не потому ли так беззаботно чувствуют себя тети и дяди, которые научились столь ловко отписываться, когда речь заходит о детском саде?

И. ШМЕЛЁВ

Рис. С. СИТНИКОВА.

РАСХИЩЕНИЕ — ИЛИ «БЕЗУЧЕТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ»?

ПОЧЕМУ «КОЗЕЛ» ВМЕСТО ДРОВ

ЕСЛИ ПОТРЕБЛЯТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫРАБОТАНО ПОРЯДОК? КОМУ НАВОДИТЬ ПОРЯДОК?

ВОКРУГ СВЕТА

мощнейшие «козлы» — самодельные calorиферы. У нас три раза в день от перегрузок подстанция отключалась, пока искали причину...

Как же относится к этому, мягко говоря, упреку в колхозе «Заря»?

Председатель колхоза В. И. Евсеев:
— Сдаем по 18—20 квартир каждый год. Проблема с жильем острая, людям нужно срочно вселяться, тут трудно каждый раз дожидаться, когда приедет инспектор из Оренбурга и опломбирует счетчик. Хищения? Бывают, особенно подальше от правления.

Однако если хозяйство ежегодно сдает два десятка квартир, то что же, его руководство и специалисты до сих пор точно не знают порядка передачи их на расчет Энергонадзору? Нет, не в этом, товарищи, суть.

Суть — в общем счетчике. Тут необходимо небольшое пояснение, чтобы стала понятной позиция многих хозяйственных руководителей. Та энергия, что поступает в дома, не сданные на расчет Энергонадзору, — она не совсем безучетная. Общий счетчик используемого в хозяйстве электричества ее считает. И хозяйство причитающееся с него платит. Правда, на хозяйственные нужды киловатт стоит 1 копейку, а на бытовые — 4, правда, нарушается лимитирование, но все это выражается не в слишком больших суммах, потому и не так всех волнует. Вот для примера акт, составленный энергоинспекцией:

«Село Марьевка, Октябрьский район, колхоз имени Куйбышева. Хозяйство самовольно подключило к сети 28 вновь встроившихся квартир и два года не передает их на расчет Энергонадзору. Население использует энергию за счет лимита»

Начальник мастерской Энергонадзора Оренбургской области В. М. Гончаренко показывал свой музей: на опоясывающих большую комнату стенах — конструкции, при помощи которых можно воровать электроэнергию. (В официальных документах используется более мягкая формулировка — «безучетное использование».) Экспонаты собраны здесь с чисто практической целью. На них Гончаренко учит монтеров-контролеров выявлять всевозможные хитрости: при современной конструкции наших бытовых счетчиков и системе подключения внутренней проводки (особенно в сельских, отдельных домах) методы контроля пока еще менее действенны, чем методы воровства.

18.4.86. Инспекцией Энергонадзора составлен акт о том, что Артеменко А. А., проживающий в селе Подгородняя Покровка Оренбургского района, «выполнил скрытую отпайку от вводного кабеля в подвал дома. Отпайка выполнена до электросчетчика». Таким образом, Артеменко пользовался без всякого учета осветительными и электронагревательными приборами общей мощностью 8,2 квт. Ему предъявлен счет на 7077 рублей 80 копеек. Счет тут же был им оплачен.

21.4.86. Проживающему в том же селе Попову М. М. предъявлен счет на 7251 рубль 60 копеек: «подключил скрытно кабель в грунте к 3-фазному вводу и обогревал теплицы calorифером мощностью 12 квт».

Украденная у государства энергия идет на циркулярные пилы, насосы, обогреватели теплиц, превращается в продукцию приусадебных участков и оборачивается для их хозяев звонкой монетой. Мы упомянули, что двое из потребителей «безучетной электроэнергии» без особых хлопот для себя тут же выложили из кармана более 7 тысяч рублей — как видно, не последние. Но мы отметили это еще и потому, что с оплатой спешат далеко не все. *Начальник абонентской службы Энергонадзора Н. М. Солдатов* объясняет, почему:

— Отношение к хищениям электроэнергии все время спотыкается о какой-то психологический барьер. С одной стороны, это самое обычное воровство, да еще с применением технических средств. А с другой — вроде бы как и не воровство. Например, если бензин украл или даже газ, то это хищение социалистической собственности, а электричество — это, говорят, нечто эфемерное. Трудно определить количество похищенного, ни посмотреть, ни пощупать, ни даже понюхать его нельзя. Но, между прочим, еще до революции, когда было зафиксировано самое первое хищение энергии, оно квалифицировалось как уголовное преступление. К нынешним же ворам применять жесткие меры крайне трудно. Даже ворами называть их официально не можем, прячемся за стыдливую формулировку о «безучетном использовании».

Оставим, однако, формулировки, попробуем понять, почему так труден контроль за «безучетным использованием» на местах, например, в Сакмарском районе. *Начальник Сакмарского района электросетей Р. Ф. Кушмухаметов:*

— На мой взгляд, этот самый контроль поторопились централизовать. Приезжающие из области контролеры и инспектора два раза в год должны появляться в деревне, но реально порой и раза не получается. Да притом нарушитель уже издали видит, что приехала машина Энергонадзора. Он тут же идет к соседу чай пить. Сиди на крыльце и жди его — не дождешься. Контролер должен быть у нас в штате. Этот вопрос мы уже обсуждали с руководителями Энергонадзора, они, напротив, уверяют, что только централизованный контроль, то есть «люди со стороны» могут осуществлять объективную проверку. Однако никто не считает, что участковый милиционер необъективен только потому, что он местный!

Но «безучетное использование» электроэнергии — это не только и не столько явное хищение. Вот, к примеру, серьезнейшая проблема, связанная прежде всего со строительством нового жилья. Возводят, скажем, целый квартал, дело к осени, надо срочно вселять людей. И дома подключают самовольно по временным схемам без технических условий, без подстанций, запитывают, как говорят энергетики, от существующих линий. А потом не торопятся передать дома на расчет с Энергонадзором, иногда годами используют энергию за счет лимитов колхозов и совхозов.

— К чему это ведет? — размышляет Кушмухаметов. — Ведь люди, получив возможность бесконтрольно пользоваться энергией, превышают, бывает, и в несколько раз, расчетную мощность электроприборов. У нас «горит» оборудование, без энергии остаются целые населенные пункты и хозяйства, а это, между прочим, не только бытовые неудобства. Подсчитано, что в зимний период отключение электричества на каждый час дает потерю в 25 копеек с головы скота. Если учесть, что порой последствия аварии не удается устранить по пять-шесть часов, то для каждого хозяйства тут тысячи потери. Вон в колхозе «Заря» этой зимой подключили самовольно три новых дома. Счетчиков не поставили, на расчет Энергонадзору не передали. А время холодное. Жильцы быстренько сориентировались, что все равно бесплатно, и включили

та колхоза, что является одной из причин его превышения. Противоправные действия руководства колхоза причинили ущерб хозяйству на 2 тысячи рублей».

Причем в эту сумму входят штрафы за превышение лимитов, часть из которых колхоз все равно бы платил, так как самовольное подключение — это «одна из причин» их превышения, но далеко не единственная. Так что колхоз относится к этим сотням рублей в год не очень серьезно. Да и сам акт — это ведь еще даже не штраф, а всего лишь бумага, передаваемая энергоинспекцией на рассмотрение органов, имеющих контролирующие функции. О действительности таких бумаг мы скажем позже. А пока приведем еще некоторые мысли начальника абонентской службы *Н. М. Солдатова*:

— Сейчас большинство электротехнического персонала колхозов и совхозов перешло в Сельхозэнерго, организацию агропрома, не обязанную заниматься частным потребителем. Хозяйство, выходящее, устранено от анализа структуры потребления энергии. А неплательщик при этом прекрасно себя чувствует. Он научился очень хорошо разбираться в наших возможностях. Хотя вроде бы все в силах контролеров: они могут отключить электроэнергию, поставить пломбу, предъявить счет. Но, еще раз подчеркну, мы и планируем проверки, и проводим их, имея в виду только тех, у кого есть счетчики и кто, таким образом, находится на расчете с Энергонадзором. Остальные все равно вне нашего внимания... Необходимо сказать и еще об одной проблеме, чтобы меня не упрекнули в одностороннем взгляде на ситуацию. В некоторых районах нашей области, особенно на востоке, очень остро стоит вопрос с обеспечением населения топливом. В этих условиях люди начинают использовать мощные электрообогревательные приборы. Часто безучетно, так как далеко не все хотят дополнительно по 50 и более рублей в месяц платить за электричество. Но дело не только в деньгах: превышаются расчетные нагрузки линии. Отсюда опять же аварии и все упомянутые последствия. Недавно был случай: накопилась у нас целая куча актов, передали мы их в районный народный суд. Пришли туда женщины с детьми. «Вы, — говорят, — у себя в городе сколько платите, чтобы у вас в квартире тепло было? А теперь пойдите к нам домой, мы отключим электронагреватели, а вы там немного посидите». Судья думал-думал и призвал ответчиками совхозы. Это опять перекаладывание государственных денег из одного кармана в другой, да и проблемы нагрузок на линии никак не решает. Потому как система у нас единая и из-за этих самых обогревателей мы вынуждены в «пиковые» часы снимать энергию с промышленных предприятий.

Чтобы подтвердить мнение *Н. М. Солдатова* о ситуации с топливом, обратимся к некоторым документам. Хотя все это никаким образом не входит в его компетенцию, начальник энергоинспекции *В. П. Лаптийчук*, чтобы знать, откуда и когда стоит ждать больших неприятностей, создал сводную таблицу по районам. В первой ее графе указано то количество тонн условного топлива, что, по расчетам местных Советов, требуется для обогрева помещений в данной местности в определенное время. Вторая графа — отпущенный лимит на этот обогрев. И третья — реально дошедшее до потребителя топливо. Так вот: бывает, что соотношение цифр в этих графах на конкретный период 100 — 10 — 1. То есть уже сам лимит в десять раз меньше потребностей, а поставки еще в десять раз меньше лимита. Это, правда, крайние варианты, но несоответствие в два-три раза — почти норма.

Теперь попытаемся подвести некоторые итоги и ответить на вопрос: такое ли принципиальное значение имеет бытовое потребление в общих объемах используемой электроэнергии? Имеет. Неприкрытое воровство, самовольное подключение новостроек к сетям, безучетное пользование нагревательными приборами — в год все это, по выявленным инспекцией фактам, составляет по области порядка 4500 000 киловатт-часов. По выявленным. Реальная же цифра, даже по самым оптимистическим предположениям инспекторов, раза в три больше. Но тут нужно

учесть специфику именно электрической энергии. Ее не хватает не вообще, а конкретно, в моменты «пиковых» нагрузок, и именно на эти моменты падает дополнительное доведение все уворованное, «неучтенное» и просто нерационально используемое.

К чему это приводит? Об авариях на местных электролиниях и их последствиях мы уже говорили, но это еще далеко не все. В кабинете главного инженера Энергонадзора *Л. В. Альтера* светится электронное табло частотомера. На нем меняющиеся цифры. Сейчас они прыгают от 49,92 до 49,96. И главный инженер пока спокоен: нормальная частота в системе — 50 герц, и нынешние показатели в пределах допустимого. Но вот наступают часы «пик», и цифры начинают уменьшаться. Это значит, что **мощность потребляемой энергии превышает выработку.** Промышленные предприятия переходят на специальные режимы, автоматика отключает целые подстанции, необходимо удерживать частоту в определенных пределах, иначе грозит разделение всей энергосистемы страны, отпадение целых регионов, состыковать которые потом не так просто. И вот в этих — часто критических — ситуациях доведок, о котором мы говорили, может сыграть свою отрицательную роль. Именно он никакому автоматическому регулированию и отключению не подвластен.

Л. В. Альтер считает, однако, что часть этих проблем решается уже потому, что решения лежат в сфере чисто технической. Почему в самом деле не обогревать жилье при помощи электричества? Дорого? Не хватает энергии? Да, если ставить самодельные «козлы». Если греть в «пиковое» время. Но ведь есть и другие способы, и все они известны. В Прибалтике, например, уже во многих местах действуют электродные водяные и паровые котлы. Они снабжены автоматикой, отключающей их в часы «пик».

Но можно обойтись даже без автоматики, если наладить дисциплину использования энергии. Установка может, например, греть воду ночью, а днем «отдавать» ее в трубы парового отопления. И это будет совсем недорого: все равно во время ночных «провалов» выработка электроэнергии уменьшается, приходится переходить от базисного режима, а он как раз самый экономичный. «Даже дополнительного топлива, — говорит главный инженер Энергонадзора, — требуется не особенно много».

Конечно, все это следует подсчитать и испытать. Климат в Оренбуржье не прибалтийский. Необходимо набраться опыта. Еще в 1984 году было принято решение строить в каждом районе по одной пробной котельной с большим аккумулярованием энергии. Но решение так и осталось решением. «Хозяев много, — сетует *Л. В. Альтер*. — И Сельхозэнерго, и Коммуналэнерго, и Минэнерго, и колхозы с совхозами, а спросить толком не с кого».

Ну что ж, техническими проблемами действительно есть кому заниматься. Надо только, чтобы скорей занялись. И состоянием электросетей, и их эксплуатацией, и надежным обеспечением контроля за потреблением энергии, и теми же электродными котлами, прочими накопителями тепла, например, керамическими, которые в Эстонии уже выпускают. Но есть еще один аспект проблемы — воспитательный.

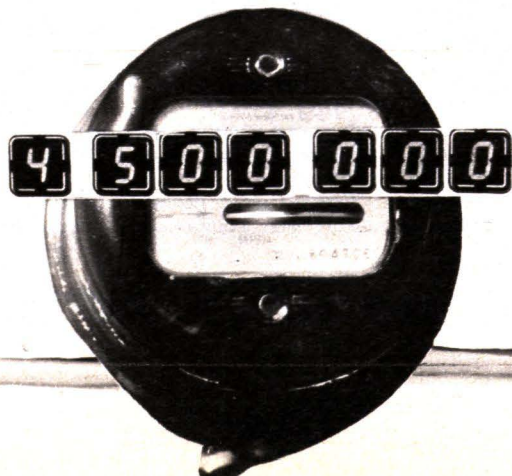
Можно сколько угодно призывать людей беречь лес. Но пока человек видит миллионы кубометров древесины, гниющей на берегах рек по вине леспрохозов, его трудно убедить, что сломанное им деревце — непоправимый ущерб природе. То же относится и к электроэнергии, справедливо считает директор Энергонадзора Оренбургской области *Р. Н. Серов*:

— Мы самая многочисленная инспекция в стране и самая бесправная. Кто тебя слушает, если и десять рублей штрафа выписать не можешь? Даешь сведения в прокуратуру, получаешь отписку: предупредили, мол... Вот у меня тут кипа этой переписки с прокуратурой. А ни одно должностное лицо по нашим представлениям наказано не было...

И все это люди прекрасно видят. Из более чем двадцати существующих в стране инспекций Энергонадзор действительно, пожалуй, располагает самыми минимальными рычагами и экономического, и административного воздействия на потребителя. Расширение прав и возможностей этой организации, конечно же, необходимо. Но надеяться на это и ждать только этого тоже не выход. В существующей ситуации уже сейчас всем органам, которые имеют власть принимать конкретные решения по представлениям Энергонадзора, в первую очередь прокуратуре и народному контролю, требуется в корне изменить отношение к этим представлениям и, пользуясь собственными достаточно серьезными методами убеждения, доказать: нынешнее благодушно и легкомысленное отношение к потреблению электроэнергии недопустимо.

Александр ВАСИЛЬЕВ

Оренбургская область.

ЗАСЛОН «НЕСУНАМ»

«Дорогая «Крестьянка»! Нас тревожит то, что рабочие подсобного хозяйства, в основном доярки и свиноводы, несмотря на высокие заработки, крадут молоко, сливки, комбикорм. Выносят это с ферм, никого не стесняясь...»

Заместитель председателя Ставропольского городского комитета народного контроля Г. Е. Умнова сообщила в редакцию: при проверке письма выявлены грубые нарушения в ведении учета и реализации животноводческой продукции в подсобном хозяйстве головного завода объединения «Кинотехника», а этим пользовались некоторые рабочие. За серьезные недостатки в постановке учета животноводческой продукции главному бухгалтеру завода В. И. Жукову объявлен строгий выговор. За недостоверность первичного учета, нарушения при списании и реализации продукции заведующему подсобным хозяйством И. П. Чернецову также объявлен строгий выговор. Приняты меры, исключающие возможность хищений.

**ПОЩАДЫ ПЬЯНИЦАМ
НЕ БУДЕТ!**

«Уже полтора года действует Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Но, например, в нашем поселке перемены произошли незначительные: по-прежнему многие из тех, кто злоупотреблял спиртным раньше, пьют и сейчас...» — об этом написали в редакцию жители поселка Волковинцы Деражнянского района Хмельницкой области.

Как сообщила заместитель председателя исполкома Хмельницкого областного Совета народных депутатов А. А. Городецкая, письмо обсуждено на заседании правления колхоза, на котором обращено внимание руководства колхоза имени Свердлова на низкий уровень профилактической и воспитательной работы среди колхозников. Лица, злоупотреблявшие алкоголем, привлечены к административной ответственности. Решением райисполкома в Волковинцах торговля спиртными напитками разрешена лишь в одном магазине.

КОГДА ОБНОВЫ НЕ В РАДОСТЬ

«Мы живем в 80 километрах от районного центра. Работники быта организовали для нас выездное обслуживание. Но закройщик из районного ателье посещает нас редко. Да и радости от этого мы не испытываем. Заказы не исполняют в течение нескольких месяцев, а качество их оставляет желать лучшего».

Генеральный директор производственно-го объединения пошива и ремонта одежды «Ростоблшвейбыт» Б. Л. Гринберг сообщил, что закройщику ателье №1 г. Константиновска П. М. Веревкину за несвоевременное и низкое качество изготовления заказов объявлен строгий выговор, его трудовой отпуск перенесен на зимнее время. Заведующей ателье Л. Г. Алубавой объявлен выговор.

И ВОТ ТЫ СТУ

Обида за мать, горечь, волнение, запальчивость — все было в этом письме из Мордовии. Ситуация, обрисованная в нем, безусловно, требовала вмешательства.

«Уважаемая «Крестьянка»! Я давно хотела обратиться к вам за помощью в пенсионном обеспечении моей престарелой матери. Она родила десятерых детей, имеет «Медаль материнства...» и так обижена...»

Невозможно было, читая письмо, не проникнуться состраданием к судьбе пожилой женщины. За свою нелегкую жизнь она вдоволь потрудилась, воспитывая ребятिशек. Ведь не единственный ребенок — десять подрастали один за другим. Пока могла, работала в колхозе. Но с перерывами... Потому на старости лет стала получать только «иждивенческие» к пенсии мужа. «Я возмущена до предела!» — пишет дочь, предъявляя серьезные претензии к райсобесу.

...Двухэтажное здание из белого силикатного кирпича в центре просторного села Большие Березники. На первом этаже в длинной, заставленной письменными столами комнате спрашиваю, можно ли увидеть заведующего. Несколько голосов отвечают, что можно, вежливо предлагают раздеться. Кто-то уже возвращается с заведующей. «Мария Васильевна Антропова», — представляется она и радушно пожимает мою руку.

Сотрудники райсобеса оказываются неожиданно молодыми и по стажу работы, и по летам. Мария Васильевна Антропова и Наталья Николаевна Кастрикина работают здесь всего несколько месяцев, Екатерина Михайловна Панкина и Валентина Николаевна Кисарова — второй год, а Любовь Валентиновна Лугаськова, самая опытная, — уже целых три года!

Четко и толково, знакомя попутно с каталогами, хранящими личные карточки, мне рассказывают о том, что в районе более восьми тысяч пенсионеров, 23 матери-героини, 38 многодетных матерей и 50 матерей-одиночек. Всем им по мере сил, но и сообразуясь с законо-правовыми возможностями отдел старается помочь.

— Ни одного дополнения к уже существующим юридическим нормам, ни одного нового положения по льготам и пособиям мы стараемся не задержать в оформлении, — рассказывает Мария Васильевна. — Как только появляется какое-нибудь нововведение, мы тут же пересматриваем личные карточки, а для тех, кто еще не стоит у нас на учете, делаем сообщения в

местных газетах и по радио. Выезжаем в отдаленные села района и разъясняем людям на местах их социальные и юридические права.

— Но достаточно ли сами вы сильны юридически? — стараюсь, чтобы мой вопрос прозвучал по возможности необходимо, однако это не удается.

Мария Васильевна, остро глянув на меня, умолкает. А Любовь Валентиновна выпаливает с горделивой обидой:

— А что, теперь в каждом районе заврайсобесом учится на юрфаке университета, как наша Мария Васильевна?

Мне совестно за свой неуместный вопрос, и дальше я слушаю, уже не перебивая. И чем глубже вникаю в собесовские заботы и проблемы, чем больше папок пробегаю глазами, тем яснее вижу, что в каждом «деле» отделу соцобеспечения отведена трудная роль.

Когда спорится работа и ладится жизнь — ты в собес не идешь. Но рано или поздно приходит срок, когда требуется помощь. И вот ты стучишься в собес...

В отделе хорошо помнят крепкого старика — сажень в плечах, борода с лопату, — который приходил сюда года два назад. Всю жизнь он «шабашил», и в золотые свои дни оклеивал ассигнациями стены дома. Но вот скрутила старость — и нет ассигнаций, и нет ни одного дня трудового стажа. По-человечески жаль старика — не баклуши бил весь свой век. Но как можно уравнивать недавно еще преуспевавшего частника с человеком, который трудился для государства или родного колхоза? Несправедливо. На страже справедливости и стоит собес. Ведь, к сожалению, немало пока предприимчивых радетелей для собственного кармана.

Есть в здешнем районе село Русские Найманы. Едва весна укрепится, многие мужчины берутся тут за топоры и подаются на заработки в чужие хозяйства: хорошие плотники везде нужны. А вот в правлении их родного колхоза «Труд» вконец разбит пол — как раз под доской показателей, на которой из четырехсот членов коллектива перечислены сто семь, не имеющих выработки даже минимума человеко-дней. Когда-нибудь эти сто семь тоже придут в собес и будут требовать начисления пенсии. И работники отдела вынуждены будут отказать им — опять-таки из соображений справедливости.

Совсем иную позицию занимает районный отдел социального обеспечения по

Даже если жизнь
настигает нежданно,
все равно себе — твоей
защитник, утверждающий
чужаков закон

ЧИШЬСЯ В СОБЕС...

отношению к тем, кто многие годы работал на благо общества. И даже если жизнь таких людей катилась не гладко, все равно собес — их защитник, та точка опоры, которая сохраняет в людях веру в гуманность закона. Как это стало, например, в случае с Николаем Филипповичем Зориным.

Так случилось, что на закате жизни оказался этот больной человек в местном доме инвалидов, где бессемейные старики находятся на полном государственном обеспечении. О чем вроде бы еще заботиться? Но вот от одного из знакомых Зорина отделе собеса стало известно, что больной имеет достаточный трудовой стаж. Только из-за своей безалаберности никогда не принимал в расчет «канцелярские бумажки». И приходится теперь сотрудникам отдела рассылать запросы о подтверждении стажа во многие концы страны — нельзя оставлять старика без пенсии, если он имеет на нее право.

— А бывают в вашей практике спорные случаи, когда трудно определить право человека на ту или иную льготу, когда ему приходится защищать и отстаивать это право?

Сотрудницы отдела переглядываются, размышляют, потом Любовь Валентиновна произносит хмуро:

— Вообще-то бывают... Но я в таких случаях все же предпочитаю верить бумаге.

— Да почему? Почему бумаге, а не человеку, не его искренности, не его беде?.. Ведь задача собеса — и знать судьбу человека, и максимально использовать для его блага силу закона.

Рассуждаем об этом и тогда, когда едем с Марией Васильевной в село Русские Найманы. Там в прежние времена дважды сгорали колхозные архивы, и потому многим пожилым людям, работавшим в этом селе, пенсию приходится оформлять по свидетельским показаниям.

— Люблю я эти поездки, — призналась Мария Васильевна. — Сама из Бреста, а Мордовию приняла всей душой. Муж у меня здешний, из-за него, наверно, и землю его люблю. Он хирург, целыми днями в больнице пропадает. А за дочкой свекровь присматривает, так что могу вырваться на волю — из конторы-то жизнь не очень видна. Я недавно в одно из самых отдаленных сел района добралась — в Старые Найманы. И, честно сказать, была ошеломлена: какой у них социальный порядок! Каждого

одинокого пенсионера курирует депутат сельского Совета, постоянно навещает медработник. Школьники помогают по хозяйству, не забывают приглашать на свои праздники. У нас в Больших Березниках ребята тоже молодцы. Вы сами видели таблички на домах, которые они опекают. Но курирующий депутат — поподробнее расспросите об этом секретаря райкома!

Первый секретарь райкома партии Николай Иванович Королев охотно рассказывает и о работе депутатов, и о многом другом. От него же, правда, вовсе не по поводу нашего с Любовью Валентиновной спора о «бумаге», услышала я и рассказ, который сама отнесла в защиту позиции моей противницы.

— Не так давно врывается ко мне женщина из недалекого села и голосит: «Помоги! Дом, пятистенок, сгорел...» — Николай Иванович хмурится, вспоминая. — Собираем экстренное совещание, решаем помочь немедленно! Через две недели заглянул я в это село — а дом стоит! «Как же так?» — спрашиваю «погорелицу». А она, не моргнув глазом: «Так снова отстроились!» Надеялась, что старый сруб от нового не отличу?..

Да, милосердие часто легковерно. И чтобы отличить просьбу от вымогательства, беду от мошенничества, нужны и такие дотошные, предельно объективные работники, как Любовь Валентиновна Лугаскыкова.

— Но как все-таки быть со спорными случаями? — этот вопрос я задаю Марии Васильевне, когда мы уже подъезжаем к колхозу.

— Если порой оказываемся в тупике, едем в Саранск консультироваться в республиканском собесе, думаем, расспрашиваем, ищем хоть какую-нибудь зацепку, чтобы помочь человеку. Плохо, когда не находим... Возьмем условную схему: девочка с тринадцати лет работала в колхозе наравне со взрослыми. Это подтверждают все свидетели. Продолжала работать, и когда подросла, и позже, до самого замужества. А потом пошли дети — десять душ. Болезни навалились: то свои, то меньшей — в общем, работать больше не пришлось. Для пенсии ей, как многодетной матери, нужно пятнадцать лет работы. А их не набирается. Те же, кто мог бы припомнить наверняка еще два-три года, либо умерли, либо переехали в другие места жительства. Что делать старой, больной женщине, которую и без того жизнь не щадила? Вот тут бы

и внести дополнение к закону, позволяющее причислять к довоенному стажу годы трудового отрочества.

Мы долго еще размышляем над «условно-схемой», за которой реальные женщины, свято верящие в торжество социальной справедливости. Вопрос, похоже, для отдела больной.

...Члены колхозного правления уже собрались: нужно дать свидетельские показания для подтверждения трудового стажа возможных пенсионеров. И мы все вместе несколько часов кряду продираемся сквозь кустарник путаных воспоминаний, споров к той единственно необходимой дате, которая подтверждает право человека на социальное обеспечение.

Почти в сумерках прощаемся с колхозниками. Мария Васильевна напоминает, что у иных не за горами срок, когда придется постучаться в собес. И кто-то из остающихся весело басит в ответ:

— Помним, помним... В субботу приедем за консультацией!

Уже в машине я спохватываюсь:

— Но вы ведь не работаете в субботу?

— Не работаем. Но один из сотрудников на добровольных началах дежурит в этот день в отделе. Не все ведь могут заглянуть к нам в рабочие дни...

А как все-таки решилось дело с письмом в редакцию? Получать бы матери Любови Пузаковой новость до какого срока пять «иждивенческих» рублей, если бы не кропотливые хлопоты сотрудников райсобеса. Даже когда надежда оставляла саму просительницу — те начинали новые поиски. И вот уже второй год мать радуется своей законной колхозной пенсии.

— На Любу мою вы не обижайтесь, — просительно сложив на груди руки, произносит мать. — Она у меня красивая, да взбалмошная. Вам вот написала, а у меня про пенсию не спросила, да и домой редко является: в другом районе теперь живет. Правда, недавно с мужем в гости на своей машине приезжали.

— Что же дрова-то вам не распилили? — спрашиваю, углядев за крыльцом кучу цельных коряжин и вспомнив жалобные строчки Любы о том, как дорого обходится старикам заготовка дров.

Мать молчит. Если бы хоть как-нибудь сумела дочь оценить это материнское молчание...

В. ХАНАДЕЕВА

Большеберезниковский район,
Мордовская АССР.

Если бы дороги, как люди, умели рассказывать о своей судьбе, сколько самых разных историй мы бы выслушали! Вот трассы с громкой судьбой и славой, проложенные через тайгу, по непроходимым горам, сквозь мертвую пустыню—с их появлением в безлюдные края приходила жизнь. А вот безымянные проселки между деревнями, по которым в страду как угорелый носится «газик» председателя колхоза. Дороги... По одной лошадь два раза в день провозит телегу, груженную бидонами, а на других гул моторов не смолкает даже в ночной час. Но, именитые и безымянные, большие и маленькие, старые и новые, все они служат важному делу соединения.

Нам всем не прожить друг без друга: городу—без деревни, деревне—без города, родителям—без детей, любящим—без любимых... По дороге бок о бок с огромными трейлерами, везущими лес, бетон, технику, едут люди. Дорога видит, как сельский мальчишка отправляется в город учиться, дорога радуется возвращению молодого специалиста, и родной дом у дороги тоже радуется... По дороге навстречу друг другу едут хлеб и платя, овощи и телевизоры, молоко и посуда... По ней любители природы мчатся в леса и в те же выходные, но в обратном направлении деревенские театралы устремляются в город. По ней студенты едут на картошку, а картошка отправляется в городские овощехранилища... Наша жизнь пронизана бесчисленными нитями взаимосвязей, множеством обязательств, соединена тысячью необходимостей. На дороге можно увидеть въявь, как осуществляются контакты, как благодаря усилиям одних людей другие получают необходимое.

ДОРОГ

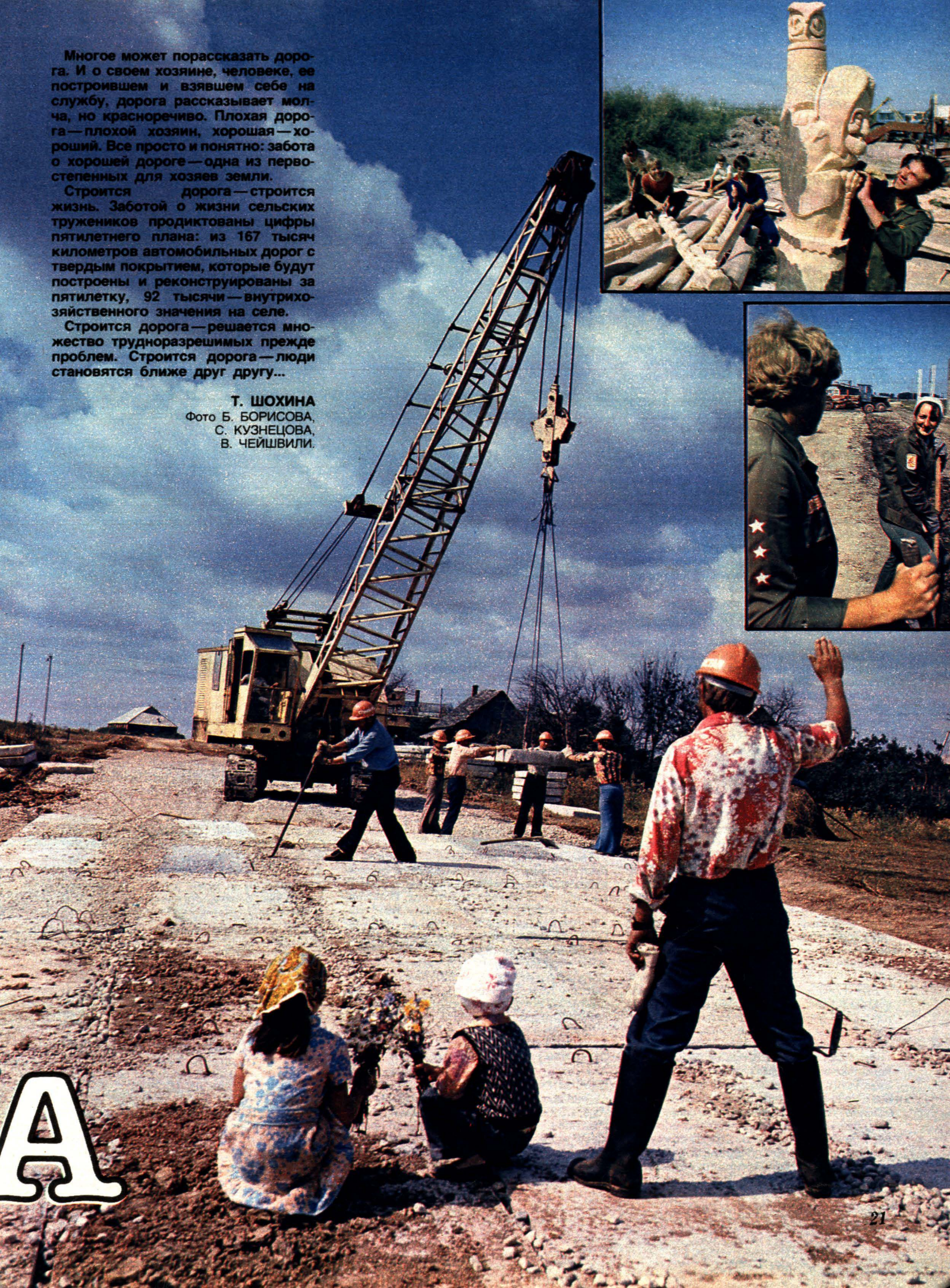
Многое может порассказать дорога. И о своем хозяине, человеке, ее построившем и взявшем себе на службу, дорога рассказывает молча, но красноречиво. Плохая дорога — плохой хозяин, хорошая — хороший. Все просто и понятно: забота о хорошей дороге — одна из первостепенных для хозяев земли.

Строится дорога — строится жизнь. Заботой о жизни сельских тружеников продиктованы цифры пятилетнего плана: из 167 тысяч километров автомобильных дорог с твердым покрытием, которые будут построены и реконструированы за пятилетку, 92 тысячи — внутрихозяйственного значения на селе.

Строится дорога — решается множество трудноразрешимых прежде проблем. Строится дорога — люди становятся ближе друг другу...

Т. ШОХИНА

Фото Б. БОРИСОВА,
С. КУЗНЕЦОВА,
В. ЧЕЙШВИЛИ.

Чем мощнее усилия
борцов за мир
в странах Запада,
тем изощреннее
и неразборчивее способы
защиты военно-промышленным
комплексом своих интересов.

Жители Брюсселя будут долго вспоминать 10 мая прошлого года. В этот день в столице Бельгии восемь раз объявляли тревогу, связанную с возможностью взрыва бомб. К счастью, тревоги оказались ложными...

Страна и сегодня живет в напряжении. Только с октября прошлого года по настоящее время более пятисот раз объявляли здесь тревогу. Пятнадцать мощных взрывов прогремело на объектах НАТО, в зданиях, принадлежащих правым партиям Бельгии и Ассоциации предпринимателей страны. Все это привело к человеческим жертвам, нанесен огромный материальный ущерб.

Как выяснилось, террористические акции были организованы ультралевыми «боевыми ячейками», кощунственно называющими себя «коммунистическими» (КБЯ). Реакция правой прессы на эти взрывы была однозначна — «начался красный террор»!

По мнению же бельгийской прогрессивной общественности, за КБЯ стоит не кто иной, как агентура Центрального разведывательного управления США, которая именно такую цель и преследовала: дискредитировать само понятие «коммунистический», создать в стране панику, а потом спихнуть всю вину на «красный террор». Жизнь заставляет тех, кто бряцает оружием и наживается на нем, понять, что времена вседозволенности миновали. Им приходится постоянно выкручиваться, чтобы хоть как-то «сохранить лицо» в глазах общественного мнения. Провокация — их излюбленный метод. Советский Союз буквально провоцировал целый год ядерными взрывами — начните, начните же свои испытания, откажитесь от моратория! Однако СССР на провокации не поддавался.

Мир находится на развилке дорог: либо прекращать гонку вооружений, либо, если военно-промышленный комплекс возьмет верх, появится новое поколение ядерного оружия космического базирования, которое выведет гонку вооружений из-под контроля.

Вот почему мы прилагаем так много усилий, чтобы найти наконец общий язык с ядерными державами, убедить их в необходимости принять наши мирные предложения.

Это пока трудно. Военно-промышленный комплекс всеми возможными путями старается устоять на своих таких опасных для всех, но выгодных для него позициях. И чем мощнее наши устремления к миру, тем изощреннее и неразборчивее его способы защиты своих интересов. Сейчас ему необходимо хоть как-то оправдывать размещение в западноевропейских странах американских крылатых ракет. И вот с помощью

«ФАТИМЕ» ТРЕБУЮТСЯ ПРОВОКА

провокационных террористических акций ЦРУ пытается создать фон для агрессивных действий капитала.

Акции эти по своей направленности и сценарию очень схожи с деятельностью «красных бригад» в Италии, когда по указке ЦРУ с политической сцены убирались такие люди, как Альдо Моро, которые высказывались за сотрудничество с социалистическими странами, итальянскими коммунистами.

Тень ЦРУ настолько явно проявилась на выступлениях «коммунистических боевых ячеек», что даже левацкие экстремисты поспешили отмежеваться от них. В их специальном заявлении для печати КБЯ охарактеризованы как объективный союзник США, которым необходимо сейчас усилить полицейской машины в капиталистических странах Европы. А газета «Сите-писта», что от подкинутого в прессу «манифеста» КБЯ сильно отдает «замашками деятелей, которых уже успела узнать история, — Гитлера и Пол Пота».

Взрывы в Бельгии реанимировали уже было похороненную историю провокатора Джона Гардинера (он же Джон Вуд), агента Агентства национальной безопасности США. Его внедрили в одну из организаций голландского антивоенного движения для того, чтобы он собирал информацию о его участниках и заодно организовывал провокации. Они нужны ЦРУ, чтобы обвинить антивоенное движение в терроре, убедить общественность в опасности этого движения. Провокаторы, естественно, стараются

действовать так, чтобы даже в случае провала их нельзя было обвинить в принадлежности к ЦРУ.

Для организации одного из взрывов Джон Гардинер похитил снаряды и гранаты со склада бельгийской базы ВВС во Флоренце и на этом попался. Чтобы избежать огласки масштабов, которые приняла слежка за антивоенным движением в западноевропейских странах, спецслужбы упрятали Гардинера — Вуда в голландскую тюрьму. Но было уже слишком поздно — он начал говорить. Того, что он успел рассказать журналистам о своей работе по заданию спецслужб, было достаточно для скандала. Министр внутренних дел Нидерландов, выступая в парламенте, был вынужден признать, что Гардинер действительно «предоставлял некоторые оплачиваемые услуги» голландской службе внутренней безопасности. Гардинер на суде пытался рассказать о заданиях Агентства национальной безопасности США и о сотрудничестве с другими спецслужбами, но его быстро спровадили из голландской в бельгийскую тюрьму — там оказалось «надежнее». Министр утверждал, что эпизод с провокатором из американских спецслужб был чистой случайностью. Так ли это?

Вскоре после его заявления газета «Фолксскрант» опубликовала статью, в которой говорилось, что весьма осведомленный сотрудник ООН Джервази, с симпатией относящийся к антивоенному движению, задолго до разоблачения Гардинера адресовал многим руководителям западноевро-

Коллаж В. ПАВЛОВА.

ТОРЫ

пейского антивоенного движения письма, в которых предупреждал, что американские спецслужбы направляют своих агентов в Западную Европу для проникновения в эти организации. Вскоре с подобным разоблачением выступила и антивоенная организация «Онкройт», в руки которой попали важные документы военной контрразведки. Эти документы подтвердили, что слежка за антивоенным движением в Голландии, сбор данных на его участников, специальных досье и организация провокаций приняла характер широкой кампании, которая длится уже много лет.

Среди добытых документов фигурирует план «Фатима», разработанный ЦРУ для вербовки агентов-provokatorov с тем, чтобы внедрять их в антивоенное движение. Этот план, оказывается, «работал» уже в конце 70-х годов. Вербовка provokatorov шла в школах, университетах, среди призванных и других лиц. Специальной инструкцией предусматривалось «покупать» преподавателей учебных заведений, которые должны были помогать отбирать тех, кто способен на провокации и шпионаж.

Судя по документам, «Фатима» довольно трудно претворялась в жизнь. Спецслужбам пришлось попотеть. И немудрено. Все больше людей включается в антивоенное движение, умом и сердцем осознавая опасность, нависшую над их домом. Сегодня политическим лидерам и средствам массовой информации Запада становится все труднее замалчивать факт советского одностороннего моратория, да и американ-

ские аргументы в пользу испытаний явно потускнели, подрастеряли свое действие на общественность. В мире происходит все более глубокое осознание реальности ядерной угрозы.

И тем не менее антивоенное движение объявлено «врагом» голландского королевства, угрожающим обороне. Слежкой за борцами за мир занимается не только военная контрразведка, но и голландская служба внутренней безопасности. Ее руководитель Питер де Хаан в интервью газете «НРК — Ханделсблад» заявил, что его организация «не опускается» до внедрения своих штатных сотрудников в антивоенное движение. Дело де Хаана и его подчиненных — постараться найти кандидатов в provokatory в самом антивоенном движении и привлечь их для выполнения грязной работы.

«Мы принимаем людей, — заявил де Хаан, — о которых мы знаем, что они состоят в этих организациях, но не тверды в своих убеждениях. Мы не стараемся завербовать закоренелых и тех, кто заранее говорит «нет». Мы платим тому, кто на нас работает».

Откровеннее не скажешь. Внедрение provokatorov, подкуп неустойчивых в своих убеждениях людей преследуют и еще одну очень важную цель — внести раскол и недоверие в руководство антивоенным движением.

В последнее время в ФРГ все больше набирает силу военная контрразведка (МАД). Под ее электронным колпаком оказались демократические и антивоенные движения. Судя по западногерманской печати, МАД ведет специальную картотеку под кодовым названием «Разложение» — именно такую цель она преследует, — в которую заносит всех граждан, слышущих «левыми». По сообщению социал-демократического еженедельника «Форвертс», эта картотека содержит 50 тысяч фамилий.

Сегодня в невиданных ранее масштабах применяются методы жестоких полицейских репрессий, направленные против участников антивоенного движения в ФРГ. Для разгона демонстраций стягиваются десятки тысяч полицейских, вооруженных дубинками, брандспойтами, гранатами со слезоточивым газом... Первый год пребывания у власти правительства Г. Коля — Г.-Д. Ген-

шера ознаменовался рекордным числом жертв полицейского террора: от прицельных выстрелов стражей порядка погибло 23 человека, среди них подростки, — больше, чем за любой другой год со времени образования ФРГ.

Тайная политическая полиция и секретные службы Великобритании, неподотчетные парламенту, но наделенные, по существу, неограниченными полномочиями, широко используются правительством в его наступлении на демократические права и гражданские свободы англичан. Сотни тысяч людей произвольно причислены секретными ведомствами к «подрывным элементам». Объектом особого внимания британских спецслужб стали в последнее время участники движения за защиту мира, которые подвергаются судебным преследованиям и расправам со стороны властей. В память полицейских ЭВМ заложена информация на полмиллиона англичан, причисленных к категории «неблагонадежных».

С разоблачением грязных методов деятельности секретной службы МИ-5 выступили недавно по британскому телевидению две ее бывшие сотрудницы. Работа в секретной службе заставила обеих возмутиться тем, как бесцеремонно и с каким размахом МИ-5 осуществляет свои тайные операции в Великобритании, следит за политическими партиями, такими организациями, как Движение за ядерное разоружение (СНД). Одна из бывших сотрудниц секретной службы, Кэти Мэсситер, непосредственно занималась слежкой за СНД.

В МИ-5 Кэти работала с 1970 года. Спустя десять лет ей поручили наблюдение за Движением за ядерное разоружение. Уже давно это движение классифицировалось как подрывная организация, а на его членов были заведены досье. Например, досье на генерального секретаря СНД Брюса Кента занимает два пухлых тома. Есть дело и на Барбару Эгглстон, национального организатора христианской секции движения.

Особая нужда в сведениях конфиденциального характера об организации Движения за ядерное разоружение возникла в 1981—1982 годах, когда страну потрясли крупнейшие за всю историю Британии антивоенные демонстрации. Выступая на телевидении, Кэти Мэсситер рассказала: «Одним из способов сбора таких сведений, которыми мы пользовались, было внедрение в штаб-квартиру движения нашего агента, который работал на МИ-5 уже много лет, лет 20—30».

По словам Мэсситер, в Движении за ядерное разоружение могут орудовать и другие агенты специального отдела. Подобное проникновение отражает озабоченность правительства Тэтчер ростом влияния движения за мир. Эта озабоченность особенно проявилась в 1983 году, в период предвыборной кампании. В январе Майкл Хезлтайн занял пост министра обороны, а в марте он уже создал специальный отдел под названием «Секретариат обороны», сокращенно «ДС-19», для борьбы с пропагандой одностороннего разоружения.

Сегодня под предлогом борьбы с «подрывными элементами» многие правительства стран НАТО нагнетают у себя дома антикоммунистическую истерию, создают атмосферу страха и морального террора. Цель этой кампании — заставить западноевропейцев отказать от активных выступлений в защиту своих жизненных прав. Но движение за мир объединяет все новые и новые миллионы людей, готовых бесстрашно и настойчиво отстаивать жизнь на земле.

В. БОГДАНОВ

крестьян

эпюды. И совсем другая радость — остаться наедине со своим делом, замечаться, задуматься, пока тонкая, на старинной прялке спряденная нить тихонько нашепчет, какой узор можно вышить на холсте: может быть, кленовые листья, а может быть, ромашки... Пусть цветут на детских рисунках необычайные цветы и высятся сказочные башни, пусть терпеливый стежок украшает ворот платья и звуки из могучего горла трубы складываются в мелодию. И пусть взрослые берегут любовь, с какой дети смотрят на этот мир.

Т. ИВАНОВА
Фото
Б. ЗАДВИЛЯ,
В. ОПАЛИНА.

Дети живут на земле. Они живут так близко к земле, что муравей, карабкающийся по травинке, кажется им очень важным существом. А кленовый лист, обыкновенный лист из великого множества тех, что потерял осенний лес, — загадочной картой целой страны... Дети живут близко к природе, к ее формам, цветам, запахам, звукам. Они пытаются постичь ее на свой лад и смотрят на нее неотрывным взглядом. Творчество начинается со взгляда. Однажды ты встанешь посреди своей земли и увидишь на ней все, все, все. Творческий взгляд — это взгляд любви, удивления, жгучего любопытства. От него до желания творить — один маленький шаг. Его просто сделать человеку, для которого все на земле представляется очень важным и ценным.

Радостно взвесить на ладони тяжёлый тюбик с охрой, ощутить в руках холодок первой настоящей трубы и услышать, что ты играешь, сам играешь! Радостно вместе шагать на репетицию или на

ИСКУССТВО ДЕТИ

ВСЕ МЫ-СОСЕДИ

На кухне за стеклом шкафа выстроились донышками вверх горки пиал. Быстро подсчитываю, получается тридцать!

— Вообще-то у меня пятьдесят пиал,— смеется хозяйка,— но иногда на всех не хватает, надо докупить.

Я понимаю, как приятно соседям приходить в дом Доржу, к Татьяне и Ивану. Комнаты в цветах, обставлены со вкусом, много книг. Во всем чувствуется не только уровень достатка, но и уровень культуры. Недаром, получив квартиру, многие заглядывают к Тане посоветоваться, как мебель расставить, какие шторы и палас подобрать...

— На нашей улице, она даже называется Новая, в основном молодые живут. И у всех дети. Потому интересы, проблемы, заботы общие,— объясняет зоотехник Татьяна Доржу, хозяйка агитквартиры № 10 из совхоза «25 лет РККА» Улуг-Хемского района.

Когда погода теплая, Танины соседки собираются во дворе или в летней кухне, здесь же проходят и занятия кружков вязания, кулинарии. Похолодает — перебираются в дом. Здесь, в домашнем клубе, готовились женщины к вечеру «Вместе — дружная семья», посвященному многодетным матерям (сувениры для них сделали сами). Здесь решали, как провести конкурс «Молодая семья»: надо же самых молодых родителей научить ухаживать за новорожденными. И устроили соревнование «А ну-ка, папы!», на котором мужчины среди прочего узнали, быстро ли они чистят картошку и могут ли залести дочке косу.

Но пап в домашний клуб приглашают не только на конкурсы — иногда и для строгого разговора.

— Ну, а если кто-то не захочет и не придет? — спрашиваю Таню.

— Как это не придет? Куда он денется? Он же на нашей улице живет!

Без этих клубов на дому, пожалуй, тувинское село теперь и не представить. В женсоветах республики такие клубы — их в Туве 927 — называют агитквартирами.

Женщины сами решают, к кому они охотнее всего будут приходить, чей дом выбрать, — конечно, с согласия хозяйки. Она хорошая труженица, неравнодушная ко всему, что происходит в жизни, счастливая жена и мать. Она же умелая рукодельница и кулинарка, у которой и другие женщины многому могут научиться — незаметно, исподволь, ведь все встречи небездельные.

Один год приходят к одной, на следующий — к другой. Но часто бывает и так, что какой-то дом несколько лет подряд собирает у своего очага соседей. Девушка, выросшая в таком доме, усваивает материнский опыт привечания людей и, обзаведясь собственной семьей, становится хозяйкой нового домашнего клуба.

Руководят его работой председатель (член женсовета), депутат, агитатор. И будьте уверены — любое событие, новость, документ, касающиеся жизни села или всей страны, будут обсуждены здесь в один из вечеров. Женщины решат, в какой из воскресных дней отправиться к чабанам: за каждой агитквартирой закреплена чабанская стоянка. Всей улице едут к подшефным: белят, чистят, ремонтируют кошары, помогают заготавливать корм, стричь овец, принимать новорожденных ягнят. Женщины обсудят, как отметить проводы в армию. И

что сделать для благоустройства улицы, и чью усадьбу считать лучшей, и какая кому работа предстоит на подворье. Нерадивой соседке, которая ленится заняться огородом, надеюсь, что картошку и так из-за Саян привезут, достанется...

С заведующей отделом Улуг-Хемского райкома партии Кларой Васильевной Тогуоол и председателем женсовета совхоза «25 лет РККА» молодой учительницей начальных классов Зоей Солдуп заглянули в агитквартиру № 3. Едва переступили порог, а белозубая, веселая женщина уже протягивала пиалы зеленого чая, заваренного с молоком.

Тамаре Бараа тридцать пять лет. Она бухгалтер в совхозе. Трое детей. Муж Башин, шофер, возит воду по чабанским стоянкам. Этот домашний клуб устроил праздник для детей своей улицы, который запомнился как самое замечательное событие лета. Сначала провели соревнования «Папа, мама, я — спортивная семья». Были тут и национальная борьба хуреш для отцов и сыновей, и семейная эстафета, и шуточные конкурсы. А потом все пришли во двор к Тамаре, и там ребят напоили чаем, угостили лакомствами, приготовленными родителями: конфетами, блинами, лепешками.

Совхозный клуб небольшой, на 240 мест, а дворов 310. От каждой семьи по одному человеку — и то не поместятся. В своих же, домашних клубах, всем места хватит. Но чтобы праздники были общими, делают так: какой-то вечер в клубе готовит своими силами одна агитквартира, следующей — другая.

Уже семь лет подряд дом Бараа в поселке Арыг-Узю собирает под своей крышей соседей. Председатель этой агитквартиры — врач участковой больницы Г. С. Даржай. Агитатор — пионервожатая Люба Шожут. Она же руководит клубом «Хозяюшка».

Нет такого домашнего клуба, в котором женщины не занимались бы рукоделием. И с каким успехом! Республиканская выставка их работ, приуроченная к X съезду женщин Тувы, стала безусловным тому доказательством. Чего там только не было! Искусно вырезанные из разноцветного мягкого камня агальматолита фигурки животных, ювелирные украшения из серебра, ковры из овечьей шерсти, из белых хвостиков и бисера. Были мужские и женские национальные костюмы, летние и зимние, будничные и нарядные. Сапожки из кожи с аппликацией, детские сапожки из войлока и унтарика из оленьей шкуры. А какие свитера, костюмы, шарфы, платки из ангорской шерсти, овчинные полушубки, безрукавки из каракуля! Жаль, что ничего этого нельзя купить ни в магазине, ни на ярмарке — до тех пор, пока изделиями тувинских мастериц не заинтересуются республиканские министерства местной промышленности и бытового обслуживания населения. А они, увь, не интересуются...

В домашнем клубе хозяйничают женщины. А женщины ли не знать, что первое условие семейного благополучия — трезвость главы дома. И если у соседки пьющий муж, значит, там беда. Как помочь?

Сейчас в Улуг-Хемском районе спиртное продается только в райцентре и только по талонам. Во всех селах решениями сходов вино и водка выдворены из магазинов.

Ограниченная продажа спиртного по талонам введена в республике во многом благодаря усилиям женсоветов. Но считать, что с пьянством покончено, — это обманывать себя. Неспokoины на этот счет размышления секретаря Кызылского городского общества борьбы за трезвость Лидии Сергеевны Новиковой:

— Мы провели в городе анкетирование — в детском саду, в 4-х, 8-х и 10-х классах. Детсадовских попросили нарисовать семейный праздник. Один мальчик нарисовал, как ему везут подарки. Другой — прогулку с родителями в горы. Почти все остальные красочно изобразили застолье. Каждый второй из трехсот восьмиклассников пробовал вино. Но если в 14 лет подросток говорит: «Ты мал, тебе еще нельзя, пока нельзя», значит, потом можно? В 8-х классах за абсолютную трезвость высказалось 60 процентов ребят, за культурное потребление — 40. В 10-х классах, увь, более 60 процентов школьников пришли к мысли «культурно потреблять».

Кто сбил с толку наших детей? Да мы сами — тем, что сделали спиртное непременным знаком праздника, общения, веселья. Кому теперь развенчивать эти представления? Нам самим! Как? Здесь надежда на домашние клубы велика. Надежда на хозяек, на их помощниц и помощников. Вот собрались соседи — один вечер, два, три... Переделали вместе дела, что-то кому-то присоветовали, другого утешили, третьего развеселили. Любая семейная проблема не считается ни мелкой, ни чу-

жой, обсуждается подробно и с болью. По-соседски. И так или иначе решается. Решается хотя бы тем, что человек теперь уверен: все за него переживают, все готовы помочь. И незачем ему топить себя в вине, глушить, опустошать...

В старинных обращениях к тувинской невесте среди ритуальных слов были и такие: «Пусть всякий голодный еду у тебя попросит, а жаждущий — питье». Это не одно лишь пожелание достатка, но и предупреждение, чтобы не вытеснил он доброту из сердца. Это наказ женщине: будь готова откликнуться на беду, не уклонишься — помоги.

Хертек Амырбитовна Тока-Анчима — с ее именем связано начало женского движения в республике — помнит, как учила земляков грамоте. Не хватало карандашей, тетрадей, бумаги. Чтобы заменить их, на дочечки наносили слой жира, посыпали их леплом и писали тонкими палочками. Люди выводили буквы и слова на снегу, на песке. Вся земля между юртами была расписана. Некоторые даже «онемели» от счастья познания: сидя рядом, не разговаривали, а писали друг другу все, что хотели сказать. И счастьем же было знать, что все это открыла им ты и, может быть, благодаря тебе они выбросили из словаря слово «херээ чок» — «ненужная», так из века в век звали тувинку.

На X съезде женщин Тувы Хертек Амырбитовна внимательно вглядывалась в хозяйку сегодняшней жизни. Да, им много нужно узнать и сделать, многому еще научиться,

что-то изменить в себе. Но эти энергичные, самостоятельные женщины, эти симпатичные и дорогие ее сердцу модницы и певуны наделены — она знает это — прекрасной силой любви и добра, которая только и способна преобразовать жизнь.

У той же Тамары Бараа забот невпроворот: работа, дети, дом. Есть еще и огород, и живность — две коровы, два теленка, козы. Квартира без удобств, значит, и воды принеси, и печь истопи. Да чужие люди в дом постоянно приходят, причем не один-два: агитквартира двадцать семей объединяет.

— Ну, я бы не сказала, что они чужие, — с удивлением в голос произносит Тамара. — И я, и Башин здесь родились, выросли, всех знаем, уже как родственники. И собираемся, как свои...

Бывает, что пересуды да сплетни — вот и весь интерес к чьей-то судьбе. Но зачем обсуждать человека за глаза, перемывать ему косточки, если можно вечером собраться всем вместе, все откровенно высказать, предложить помощь? На таких вечерах, как в семейной беседе, отмолчаться трудно: каждый на виду, про каждого знают, кто чем дышит. Домашний клуб учит — все мы живем рядом и один от другого зависим. Доступными ему средствами он сплачивает семью, противостоит разобщенности, воспитывает социальную активность и добросердечие.

Общность людей дает понять отдельному человеку: ты нам интересен, нам важно, о чем ты думаешь, нам хочется узнать твои мысли о государственном документе и мне-

ние о прочитанной книге, нам безразлично на твоя жизнь и то, какими растут твои дети.

Уважение к человеку проявляется даже в том, как оформлены красные уголки в агитквартирах: здесь обязательно отмечены лучшие труженики, есть альбомы с фотографиями ветеранов и ребят-отличников. В одном таком альбоме я увидела снимок парнишки с ягненок на руках. Это Гера Балчий, погибший в Афганистане и посмертно награжденный орденом Красной Звезды. И в семейном альбоме хранилась фотография, и в этом доме. Потому что для тех, кто здесь собирается, он не был чужим — был земляком, другом их детей, сыном их соседей, а значит, своим, близким мальчиком...

Секретарь Барун-Хемчикского райкома партии И. Ш. Очур собиралась на чабанскую стоянку: навестить Далганчык Ооржак, вернуть безрукавку и халат из мерлушки, которые у нее брали для республиканской выставки «Творчество женщин Тувы», и обрадовать мастерицу известием, что и по итогам выставки, и в соревновании женсоветов республики их районный женсовет признан лучшим. Я попросила Ирину Шекпер-ооловну взять меня с собой.

Синее небо. Скалы. Тайга. Полынный запах. Рев яков — сарлыков. В эту вечную картину мира время вносит свои приметы: промелькнули «Жигули» у юрты, чабанка навела бинокль на отару, сползающую по склону, как пожелтевшая кошма. Впереди над снежными вершинами встают невозможные облака. Одно, видимо, раздумало подниматься и, приблизившись к земле, стало белой юртой. Мы приехали.

Далганчык спокойно, чуть улыбнувшись, выслушала приятные новости, свернула и спрятала бывшие экспонаты.

В юрту заглянули двое мальчишек. Увидев незнакомых, отпрянули, но далеко не ушли — стали колоть дрова и исподтишка разглядывать гостей. Каждый старался всадить топор в чурбан побольше. Разговорились. Мальчишки учатся в городе в шестом классе, здесь гостят у родственников. Один сказал, что будет художником, потому что любит природу. Другой по этой же причине собирается стать чабаном.

У Далганчык и ее мужа Серота, сарлыковод совхоза «Дон-Терезин», девять детей. Старшая дочь чабанит вместе с мужем, вторая работает на асбестовом комбинате, третья — акушерка в райбольнице, четвертая — воспитательница детского сада. Есть еще одна дочь — десятиклассница. А сыновей четверо — зоотехник, шофер, табунщик, самый младший в третьем классе и гордо, но не хвастаясь, стучит себя в грудь: «Отличник!»

Прискакал на лошади сын Дима. Ему девятнадцать, он табунщик.

На кошме лежала Димина гитара, и мы попросили его сыграть. Но он отчего-то застеснялся. Тогда гитару взяла Байлак, родственница Ооржаков, гостившая у них:

Много есть на свете голосов,

Голос есть у рек и у лесов...

Всем природа голоса дала.

У косули есть он, у орла...

Чей же голос в мире всех слышней?

Чей же голос в мире всех главней?

Будь его достоин, это твой

Голос человеческий, живой!

В переводе имя той девушки означает «богатство». Юные тувинки — истинное богатство этой земли. И да будет так, как говорят здесь: «Чего мать не видела — дочь увидит».

А. МХИТАРЯН

Тувинская АССР.

(Снимок прислан на наш фотоконкурс Б. МАКСИМОВЫМ.)

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Музыка Давида ТУХМАНОВА.
Слова Семена КИРСАНОВА.

Зашумел сад, и грибной дождь застучал в лист,
Вскоре стал мир, как эдем, свеж и опять чист.

И глядит луч из седых туч в зеркала луж,
Как растет ель, как жужжит шмель, как блестит уж.

О грибной дождь, протяни вниз хрусталья нить,
Все кусты ждут—дай ветвям жить, дай цветам пить.

Приложи к ним, световой луч, миллион линз,
Загляни в грунт, в корешки трав, разгляди жизнь.

Загляни, луч, и в мою глубину, объясни, как
Смыть с души пыль, напоить сушь, прояснить мрак.

Но прошел дождь, и ушел в лес гроыхать гром,
И в слезах весь из окна в даль смотрит мой дом.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ
РОДРИГО ФОМИНС

Гран-при I Всесоюзного телевизионного
конкурса молодых исполнителей
«Юрмала-86»

Откуда у латыша из Лиепай такое странное имя—Родриго? Все объясняется просто: когда я родился, мой отец, он водитель автобуса, увлекался испанской литературой и наградил меня столь пышным именем. Правда, бабушка переделала его на свой лад—Иго... Год назад мне посчастливилось стать солистом латвийского радио, познакомиться с Раймондом Паулсом. Замечательно, что он есть! В своей работе стремлюсь к тому, чтобы каждое музыкальное слово несло энергию. В составе ансамбля «Ремикс» участвую в аранжировке песен, сам пробую сочинять стихи, а недавно сделал для Рижской студии четырехминутный «мульгик». Словом, разбрасываюсь или пытаюсь с разных сторон подступиться к этой огромной горе, которая называется искусством...

Фото Б. БОРИСОВА.

*«Дорогая «Крестьянка»!
Осенью нынешнего года меня призвали
на действительную военную службу. Мы с
женой ждем ребенка. Расскажи, пожалуй-
ста, какими льготами пользуются семьи
военнослужащих срочной службы.»*

*В. Захарченко,
Магаданская область».*

ПОКА СОЛДАТ СЛУЖИТ

Письма, содержащие такую же просьбу, прислали жена военнослужащего Л. Ганина из Кировской области, матрос И. Мятелев, допризывник К. Болдырев из г. Кемерово и другие наши читатели. Для ответа предоставляем слово главному консультанту Министерства юстиции СССР заслуженному юристу РСФСР Ирине Васильевне БАНОКИНОЙ.

В соответствии со статьей 32 Закона СССР о всеобщей воинской обязанности Советы Министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты Советов народных депутатов должны постоянно заботиться о семьях граждан, призванных на действительную военную службу, и принимать меры к строгому соблюдению действующего законодательства о льготах и пособиях им. Эти льготы установлены Законом СССР о всеобщей воинской обязанности, положением о льготах для военнослужащих, военнообязанных, лиц, уволенных с воинской службы в отставку, и их семей, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 года № 193, и некоторыми другими законодательными актами.

Для повышения материального обеспечения семей военнослужащих срочной службы, имеющих детей, Совет Министров СССР постановлением от 9 января 1986 года № 58 повысил размеры пособия на детей солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы до 35 рублей в месяц на ребенка. Постановление введено в действие с 1 января 1986 года.

Инструкцией № 19 от 30 января 1986 года, утвержденной Министерством финансов СССР, установлен порядок назначения и выплаты пособий на детей военнослужащих срочной службы. В соответствии с ней пособие в размере 35 рублей в месяц на ребенка назначается также на детей:

военных строителей — на период их службы в военно-строительных отрядах (частях);

курсантов, слушателей, получающих курсантские оклады, военно-учебных заведений из числа военнослужащих срочной службы и гражданской молодежи;

курсантов школ подготовки прапорщиков и мичманов из числа военнослужащих срочной службы и лиц, призванных из запаса;

солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков, мичманов и офицеров запаса, которые призваны на учебные сборы и к моменту призыва временно не работали, — на период сборов, включая время следования в пути до воинской части и обратно.

Пособия на детей назначают комиссии при исполкомах районных (городских) Советов народных депутатов. Заявления о назначении пособия военнослужащие срочной службы, матери или опекуны детей подают на имя секретаря комиссии — районного (городского) военного комиссара. Заявления рассматривают не позднее семи дней с момента их поступления. Пособия на детей, находящихся на полном государственном содержании, не назначают.

При рождении в семье военнослужащего после его призыва на действительную военную службу второго ребенка комиссия назначает пособие на двух детей на основании заявления жены военнослужащего и имеющихся в военкомате материалов о назначении пособия на первого ребенка.

Выплату пособий на детей военнослужащих, задержанных на действительной военной службе сверх сроков, установленных Законом СССР о всеобщей воинской обязанности, продлевают комиссии при исполкомах районных (городских) Советов народных депутатов на основании соответствующих справок воинских частей.

Солдаты, матросы, сержанты и старшины, состоящие на действительной военной службе, и их жены освобождаются от обложения налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Эта льгота сохраняется за женами и на все время нахождения военнослужащих в лечебных учреждениях, в отпуске по болезни, а в случае увольнения с действительной военной службы по болезни — на протяжении года со дня увольнения.

Освобождаются от уплаты сельскохозяйственного налога хозяйства колхозников и хозяйства не членов колхоза, если член семьи, числящийся в составе хозяйства, находится на действительной военной службе, а в семье не осталось других трудоспособных, кроме жены или матери военнослужащего, имеющей детей в возрасте до восьми лет.

Солдаты, матросы, сержанты и старшины, состоящие на действительной военной службе, и члены их семей освобождаются от земельного налога и налога с владельцев строений.

Семьи военнослужащих, находящихся на действительной военной службе, а также семьи погибших или пропавших без вести при защите СССР или несении иных обязанностей воинской службы не могут быть выселены в судебном порядке из занимаемых жилых помещений без предоставления другой жилой площади. Если в семье военнослужащего действительной срочной военной службы нет лиц, имеющих самостоятельный заработок, семья оплачивает занимаемую жилую площадь по минимальной ставке квартирной платы, установленной действующим законодательством.

Жены военнослужащих, призванных на действительную военную службу, должны быть трудоустроены в течение месяца со дня их обращения в местные Советы народных депутатов с просьбой о трудоустройстве. В тот же срок их дети должны быть устроены в детские ясли и сады независимо от ведомственной принадлежности этих дошкольных учреждений. Размер платы за содержание детей военнослужащих срочной службы в детских яслях и садах зависит от размера совокупного дохода, в который входит зарплата матери и пособие, получаемое ею на ребенка.

Потерявшие мать дети военнослужащих, состоящих на действительной военной службе, а также их несовершеннолетние братья и сестры, лишившиеся попечения родителей, помещаются в детские дома, дома ребенка, школы-интернаты и другие соответствующие учреждения во всех случаях в первую очередь.

Письма солдат, матросов, сержантов и старшин срочной службы, отправленные воинской частью, как и письма им самим, поступающие по месту их службы, пересылаются бесплатно; не взимается плата за досылку и возвращение почтовых посылок.

Кроме льгот, предусмотренных положением, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 года, военнослужащие, военнообязанные, лица, уволенные с военной службы в отставку, и члены их семей пользуются на общих основаниях всеми льготами, установленными для других категорий граждан.

Три жизни Миша

Иногда закрадывается в сознание престранная мысль: да был ли Ломоносов? Уж не создала ли его народная фантазия, как из мечтаний и надежд древних греков явился миру Прометей? Ведь все, все есть для удивительной волшебной сказки! Мужик и сын мужика, ни дня не учившийся в школе, становится академиком, возглавляет академию, университет создает, науки основывает, о которых вчера еще слыхом в России не слыхали, и, словно походя, между делом, творит новую поэзию и становится первым поэтом, и приборов изобретает тьму, историю пишет, и, как это свойственно только волшебникам, полными пригоршнями сыплет новооткрытыми законами, догадками, прозрениями, будто они в готовом виде лежат в карманах камзола—Аладин с его лампой не поспел бы.

Да нет, точно же знаем, что был, современники оставили его портрет, потомки его живы, законы его изучаем, а сам он, шагнувший в наши детские учебники, остается загадкой, равной, а может быть, еще более великой, чем загадки Петра и Пушкина.

Нет и не будет ответа этой загадке. Но задуматься о ней можно, замереть перед ней, восхититься причастностью к ней землей и родом и сказать себе: нет, не волшебником он был, человеком был он, и, значит, никто не знает, сколько же отпущено человеку, сколько может он.

...И вот мы с вами маленькие, совсем малыши, мы бежим в школу, открываем учебник, и со стороны глядит на нас круглолицый человек в парике, с гусиным пером в несколько женственных пальцах, с вдохновенным взором, обращенным куда-то туда, в небеса, надо полагать, в будущее...

Жизнь первая, или чудо

А все же сказка—волшебная и страшная. Крестьянская изба далеких времен и в ней мачеха. Чем не начало истории о Золушке: «...имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужден был

читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах, и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы».

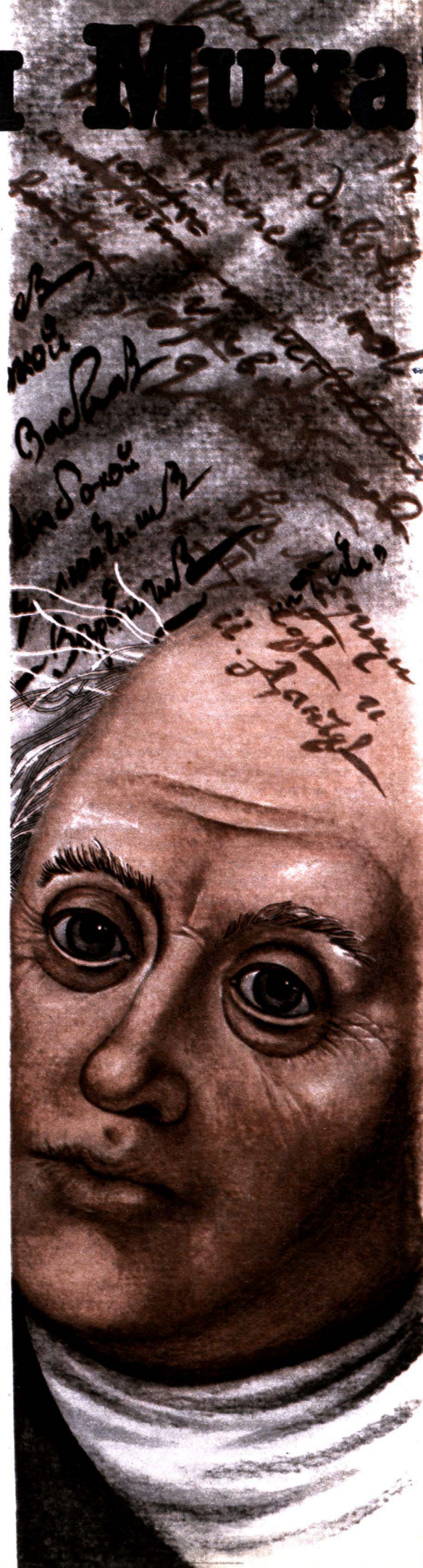
Так эта жизнь начинается, с 19 лет, с недоброго дома, со смутной тяги к иной жизни, разумной и великой. И вот ночью шагнул он в неизвестность из деревни Мишанинской. На нем две рубашки и полукафтан, три рубля, взятых взаймы, и бесценный дар человеческого ума—две книжки, грамматика и арифметика, выученные наизусть, а все же незаменимые. Чему навстречу идет он? Родных в Москве нет, близких знакомых нет тоже, да и дальних нет.

И все-таки это еще не чудо. Вот где чудо начинается. Стоит парень перед Математико-навигационной школой и решает: учиться или не учиться ему здесь. Оно бы неплохо, и быстро довольно науку бы одолел, но ведь латыни нет. Чтó латынь, причем латынь? А притом, что была тогда латынь универсальным языком науки, и без нее никуда; станешь хорошо обученным профессионалом, а о большем не мечтай. Но вот откуда в себе знание, что без науки жизни нет, то тайна, то он, может быть, и сам бы себе объяснить не мог. Выбор суров. Если не сюда, то в Славяно-греко-латинскую академию, а там учиться 13 лет, и, значит, окончит ее только в 32 года, и это без помощи, без тыла, как на такое решиться? Иллюзий нет, себя не обманывал.

«Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку (половина копейки) хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил... Школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де какой болван в двадцать лет пришел латине учиться». Что пять лет, об этом попозже, рассчитывал-то на 13. Знал ли, что так жить придется? Знал, рассказали. И что будут за малейшую провинность ставить коленями на горох, сечь лозами и плетьюми, что «кошками» будут терзать и на цепь сажать—тоже знал. И не с колебаниями, а с восторгом пошел навстречу голоду и «кошкам». И обманом не побрезговал, назвался дворянским сыном—а что оставалось делать?—это сейчас крестьянское происхождение—гордость, тогда наоборот.

Вот чудо—чудо веры в себя, чудо ощущения себя, своей необходимости этому миру, так враждебно принимающему тебя, когда розги и нищета—такая мелочь!

Это сейчас мы знаем, что наука вывезет, если и не любой, то, во всяком случае, тяжеленький воз, а тогда, в первой трети позапрошлого века? Трудно, почти невозможно оказаться рядом с этим 19-летним парнем посреди Москвы и России перед дверями Славяно-греко-латинской академии, а попросту Спасских школ. Но хоть несколько деталей, и не из угрюмого мира крепостных людей, а из той среды, что высоко над ними. Императрица Анна Иоанновна заказывает Академии наук астрологические провидения. Выдающийся немецкий медик пишет опус под названием «Власть дьявола над организмами, обнаруженная методами физики». Кабинет-министр Вольтинский избивает «профессора элоквенции» поэта Тредиаковского—про-

Ила Ломоносова

Эрнст
МАРКИН

сто так, потехи ради. Императрица Елизавета штрафует на 50 рублей каждого, кто не посетит спектакль придворного театра. Профессорам приказом по академии к такому-то числу велено сочинить по трагедии. Пьяная германская солдатня пробивает лед в дворцовой канаве головой мертвецки пьяного президента своей Академии наук Гундлинга, а в России президентом академии становится 18-летний Кирила Разумовский — только потому, что он братец фаворита. Выкраден из конюшен Екатерины II английский рысак стоимостью в пятьсот рублей и продан за тридцатку. Пропадает неизвестно куда проект канала между Москвой и Петербургом. Такое время, такие нравы.

И вместе с этим, рядом с этим — явление холмогорского паренька, решившего спасти отечество наукой, о которой он толком-то и знать еще ничего не может.

Пять лет Спасских школ. Счастливым случаем, и его переводят в Петербург, в академию, там тоже голод, от которого и «учиться не можно». А дальше путь его лежит за границу, где «студент философии» должен обучиться немецкому языку и механике, рисованию и экспериментальной физике, архитектуре и гидравлике, пиротехнике и фортификации и многому другому. Русская несчастная студенческая братия голодает, влезает в долги, не учится, и вскоре «мне не только нечего было есть, но и нечему было более учиться: пробирное искусство я уже изучил; химия была закончена».

Изумителен, невероятен этот путь: в Москву пришел самоучка, в Петербург возвратился один из самых образованных, если не самый образованный, человек столетия. Золушка примерила хрустальный башмачок, и он оказался как раз по ноге. Будто изъята середина фильма, и без всякого перехода студюзуз превратился в ученого, поэта, педагога. Вчера еще растерялся сулему во фрейбургской мастерской, а сегодня закладывает атомистическую теорию; еще слышен унылый голос Тредиаковского, а грамотная Россия читает в списке неопубликованную «Оду на взятие Хотина», понимая, что явился не только новый поэт, но и новая поэзия; эльзасский пройдоха Иоганн Шумахер, вкравшийся в историю с черного хода, как гонитель и хулиган Ломоносова, понимает посредственным своим, но верким умом, что вместе им не ужиться, и начинает травлю; Михайло Васильевич строит, конструирует, переводит с латыни и на латынь, с немецкого, с французского, обучает, из разрозненных клочков знания и умения создает науку — учился немало, но кто же мог предполагать, что будет такая грандиозная отдача!

Но злая сказка не кончилась. Год в академии не платят жалованья. Его двухкомнатная квартирка выглядит так: потолки протекают, стены покрыты какой-то склизкой дрянью, печные трубы растрескались. Жена болеет, и не на что купить лекарства. Сам он заманен в ловушку, оклеветан и арестован: «нахожусь болен, и при том не токмо лекарство, но и дневной пищи себе купить на что не имею, и денег взаимны достать не могу». Родился и скоро умер сын Ваня. Он, почетный член Шведской и Болонской академий, ограблен и как ученый: своими руками создал химическую лабораторию, которая стала образцом всех

русских академических лабораторий, десять лет руководил ею — отняли, разграбили, закрыли на много десятилетий. Чем он отвечает? Начинает первые публичные лекции на русском языке (раньше были только на латыни), читает первый в мире курс физической химии, создает кинетическую теорию газов, изобретает «ночезрительную трубу», основывает Московский университет, а когда ничего нет под руками, перелагает старинные псалмы, да так, что Пушкин воскликнет: «Они останутся вечными памятниками русской словесности».

Откуда столько сил, воли, веры? «Востани и ходи; востани и ходи, Россия. Отряси свои сомнения и страхи, и радости и надежды исполнена, красуйся, ликуй, возвышайся».

У каждого большого таланта есть горестный дар — притягивать к себе ненависть посредственностей и злобу бездарей. Библиотекарь Шумахер стал его Сальери, его зять Тауберт примеривался к роли Дантеса. Помня свои ученические годы, Михайло Васильевич помогает студентам, а у самого 14 тысяч долгу — не для себя в такие дикие долги влез, а для постижения секретов мозаичного художества, в котором и достиг наибольшего совершенства за всю историю России; а под конец жизни Екатерина, прозванная Великой, подписывает указ о его отставке. Будто привязали за руки и ноги к четверке коней и, хлестнув лошадей, пробуют на немислимую растяжку — авось выдержит! А не выдюжит, туда и дорога... Злая сказка и кончается зло: вдове его, пережившей мужа на полтора года, нечем уплатить долги, не на что поставить надгробие. Наследник престола великий князь Павел Петрович, узнав о смерти гения, заявил: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал».

История рассудит: Павлу Петровичу аристократические архаровцы проломают череп золотой табакеркой, а Ломоносовым будет открывать свои учебники. Да Михайло Васильевич и не сомневался в этом: «...знаю, что обо мне дети отечества пожалуют».

Но взрослеем мы потихоньку и где-то на излете отрочества узнаем потрясенно, что чудес все-таки не бывает, и тогда — в молодой юности нашей — врывается в нас другой Ломоносов, и мы обрадованно встречаем его — вот он какой, вот отгадка!

Жизнь вторая, или свобода

Так мы привыкли к его имени, что уже и не вслушиваемся в него. Ломоносов, ломоно, да ведь это имя для кулачного бойца, потешающегося своей силой. Имя богатыря, титана, верзиле с пудовыми кулаками. А он же таким и был, Михайло Ломоносов, богатырем, титаном, верзилой. Вот он гуляет по Большому проспекту Васильевского острова, неподалеку от академии, дышит себе свежим воздухом недорубленного лесочка, наверное, оду слагает. Откуда ни возьмись налетают на него три матроса-разбойника, люди не только отчаянные, но

и сильные, средненьких в парусный флот не брали. Первому Михайло Васильевич закатал в лоб, второму помаял лицо и бросил в кусты, третьего повалил, заставил раздеться, связать одежду в узелок, трофеей завалил на плечо и, дав напоследок грабителю леща, спокойно пошел домой. А его поэтический гонорар, полученный от царицы Елисавет — 120 пудов медяков, отправленный домой на нескольких возах!.. Чем-то грандиозным, эпическим веет от рассказов о его приключениях, а было их множество. Уже нужна не Золушка для сравнения, ясное дело, с ее прелестью, но и беззащитностью. Тут диковатое, упрямое, удалое, уже не сказочное, а фольклорное. Васькой Буслаевым веет, анекдотами о Петре. Одной человеческой породы были они: легендарный богатырь из Новгорода, Петр из царских палат да академик из мужиков. Недаром всю жизнь Михайло Васильевич говорил о Петре Алексеевиче как о человеке, позвавшем, призвавшем его к делу жизни. «Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными машинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народом множеством, я меж стенами валов Белого, Черного, Каспийского моря и самого Окееана духом обращаюсь, везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени». Каждое слово — о Петре, каждое слово — невольно — о себе. Богатырство физическое, богатырство духовное. Все познать, все испытать, разложить, улучшить, собрать и отдать людям в работу и удовольствие. В 19 лет в Москву тронулся, а из них половину моряком был: с 10 лет по шести недель вдвоем с отцом на корабле до Мурмана хаживал — что тут трехнедельная прогулка до Москвы, когда рядом обоз, а в обозе рыбака, а в кармане трешка — да просто прогулка по декабрьскому свежачку, не более того. Нет, не беглец, затурканный злой махочей, меряет версты, а Ломо-нос-ов идет обарывать науку. Петр поманил, он согласился. Царь приезжал на его родину, чтобы помахать топором, мужиком побыть; мужик налегке стронулся в первопрестольную, чтобы стать царем наук.

Учиться 13 лет? Ну что ж, надо так надо, что может быть слаще учения, не тяжелее, чем парусным гукором управлять... Мальчишкой — слыханное ли дело? — усомнился он в церкви, припал к старовеерам, быстро разобрался в их закостенелом немощном протесте и ушел от них — и все без учителей, без старших товарищей, без посредства умных современных книг. Он обучал своего покровителя Шувалова стихотворству, занимался дворцовою иллюминацией, даже обоями в хоромах Екатерины, относился к этому спокойно: работа есть работа, а такие вещи входили в обязанности ведущих академиков, но думал и говорил так: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ бога...» — а Александр Сергеевич только прибавит: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком...»

Латыни он до прихода в Москву не знал, верно, но знал море и пашню, был моряком и крестьянином (34 квадратных сажени пашни было у отца), понимал в торговле и ремеслах. Умел соль варить, карту составить, жемчуг речной добыть, закидывал в

море шестиверстный «ярус». Все было огромно: море—в океан, деревья—в небо, северное сияние—в окоем. И огромный, хоть и единственный социальный дар— свобода; север не знал крепостного рабства. Хоть и тяжела воля севера, штормова, пучинна (отец ушел в море и не вернулся), да незаменима, она держала характер там, где дворянин, офицер и поэт Сумароков письма вельможам подписывал «всенажайший и всеподданнейший раб». Юноша, шагающий к Москве, голодный школяр, нищий студент, профессор химии без лаборатории, академик в опале— был он самым свободным человеком в России, может быть, единственным свободным. Неизмеримо свободней императорши Елисавет, порабощенной страстью к нарядам и сладкому вину; свободней недоумка и кривляки Петра III, встававшего прилюдно на колени перед портретом врага России Фридриха; свободнее Екатерины Великой, уворовавшей власть и боящейся очередного заговора, теперь уже против нее; и уж, конечно, свободнее господ бога, так зависящего от людской веры-неверия. Островок свободы (он родился на Большом острове в дельте Северной Двины) в океане рабства стал колыбелью, природный гений поднатужился, родина позвала—и восстань и иди, Россия, восстань и иди!

«Мой покой дух не знает»,— говорил Михайло Васильевич и за год отщелкал курс трех классов Спасских школ, перейдя в четвертый, еще через год начал писать стихи на латыни. Чуть было не стал священником, чтобы только попасть в экспедицию в киргиз-кайсацкие степи. Чуть было не стал в бытность свою в Германии прусским солдатом—Фридрих обожал великанов, вербовщики подпоили голодного студента, заперли в караульне, он бежал, как в «Графе Монте-Кристо» грянул пушечный залп, возвещавший о побеге; Михайло мчался к границе, как антилопа, лошади погони уже с хрипом дышали ему в спину,—спасли деревья; Михайло отоспался в лесу и утром пошел дальше. Чуть было не дрался на дуэли с всесылным Строгановым. Дважды чудом избежал тюрьмы и ссылки. Задира л синод. Весьма прозрачно обвинил Екатерину в глупости. Гонял чужеземных прилебаев, как разбойников, палкой. Словом, Васька Буслаев, если бы богатырь закончил Спасские школы; Петр, если бы царь был все-таки Михайловым (так он называл себя, отправляясь за границу на выучку), а не Романовым.

Характер, кажется, и не развивался. Будто от рождения была уготована ему такая участь, и он только не мешал природе. Кажется, что ему до землетрясений, но и тут он сказал свое слово. С боем отвоевывает дом под гимназию и университет. С богатырской величавостью записывает в рабочем дневнике: «Делал химические опыты и заметил неизвестные еще в ученом свете перемены». Его знает вся страна,—ни от одного ученого и писателя XVIII—XIX веков не дошло до нашего времени столько портретов, сколько портретов Михайла Васильевича—в барских домах, в золоченых рамках; в домах тех, кого позже назовут разночинцами; в крестьянских хатах, плохо перерисованные и продававшиеся на базарах. Правда, сам портрет... помните? Букли... женственные пухлые пальцы... да они же у него кислотой были сожжены, они к канатам и к стройке привыкли были, он подковы гнул, паруса правил, обдирая ладони до крови, молотком, отбивавшим образцы пород, пальцы мозжил. Ну и паричок этот с букольками. Надевал его, только когда во дворец ездил, а ездил туда редко—некогда было. Под париком же был лыс. Лоб огромный, как и подобает мыслителю.

(Окончание на 35-й стр.)

Евгений НЕКРАСОВ

● — Глянь-ка, Никитич, вроде к нам идет,—сказала Марья Васильевна. Это были ее первые слова за целый вечер. Когда дожدهмся мужа с войны да вырастишь с ним детей, а потом снова останешься вдвоем, нет нужды спрашивать, сметаной приправлять помидоры или постным маслом и какой подавать хлеб, а о чем-то другом—плохом ли, хорошем—говорить не хотелось.

Вот и молчала Марья Васильевна. Покормила своего Никитича, села у окошка и пригорюнилась. Петр Никитич включил было радио, но слушать не давал грозовой треск. Тогда Петр Никитич подсел, привалился к жене и задремал.

А дождь лупил всюю—крупный, холодный, с пузырями. Настоящий осенний дождь, хоть впереди еще пол-августа. По ближнему полю трактор едва тащил картофелекопалку, в топких местах становясь на дыбы, а с краю поля, там, где вдоль оврага тянутся заросли бузины и ольхи, двигался велосипедист не велосипедист, но и на пешего не похоже—кто-то длинный и горбатый.

Марья Васильевна долго следила за горбатым, пока уже вблизи не рассмотрела, что у него такой чудной рюкзак: выше головы, на железных трубках.

Мужчина с рюкзаком остановился у забора и всматривался в темные окна—хозяйева сумерничали, по-деревенски опасаясь молнии. Дождь, как мог, расчесал его волосы, длинные с одной стороны, чтобы прикрыть затылки.

— Говори же, к нам,—засуетилась Марья Васильевна, увидев, как мужчина тянется через калитку к низко прибитой задвижке.— Не твой ли знакомый, Никитич?

— Нет, не припомню. Должно, турист,—сонно заморгал Петр Никитич.

Марья Васильевна уже и сама видела, что мужчина просто спасается от дождя. Он вошел под навес для дров, скинул рюкзак и, поводя затекшими плечами, стал одну за другой снимать и выжимать насквозь мокрые вещи.

— Бесстыжий какой! Ведь и штаны сымет!—охнула Марья Васильевна.

— А не глазами. Он же думает, нет никого. В голову ему не приходит, что хозяйева дома и не позовут.

Марья Васильевна обругала себя расолодой и выскочила приглашать мужчину в дом. Вошли оба смущенные.

— Извините, я не думал...

— Конечно-конечно! Разве бы вы стали при женщине... Мы понимаем!—заярляла Марья Васильевна, еще больше вгоняя его в краску.

В конце концов Петр Никитич рассердился:

— Да перестань же! Марья, подавай на стол да найди мой ватный костюм, пусть человек переоденется...

Мужчина стеснялся и, что ни предлагали хозяйева, говорил: «Спасибо, нет»,—а Марья Васильевна подкладывала куски да знай себе потчевала: «Кушайте, кушайте! Все свое, с огорода».

КТО

Рассказ

Чай отогрел души. Петр Никитич отер со лба пот и задымил папиросой, поглядывая на гостя благожелательно и выжидающе.

— Витя,—представился тот.— Виктор Иванович.

— Заблудились?

— Нет, отчего же. На станцию иду.

Петр Никитич переглянулся с женой и кивнул:

— Так и есть, заблудились. Вам от поля нужно было взять вправо, а лучше того идти по шоссе, там хоть чисто.

Губы Вити—Виктора Ивановича задержались, на лице расплылись неровные, как от пощечин, багровые пятна: он вообще легко краснел.

— А мне сказали... Муж с женой, у них машина буксовала. Хорошо, я с ножом: нарезал веток под колеса, толкнул—выкарабкались. Грязи по колено, я еще шутил: «Возьмете такого поросенка до станции?» А они: «Так вам совсем в другую сторону». И объяснили, как срезать путь.

— Нелюди,—выдохнула Марья Васильевна.— Сиденья испачкать побрезговали.

Она обернулась к Вите, думая выспросить его, что за люди, какая машина—может, знакомые?—и обомлела. (Так она сама и говорила наутро соседке: «Обомлела я, Михайловна. Здоровущий мужик, один мешок пуда на два, а плачет».)

Витя действительно морщился и выпячивал губу сквородником. За прищуренными веками собирались, блестели тонкой ртутной полосой и все никак не могли выплеснуться едкие, злые слезы. Несмотря на затылки и тяжелые, успевшие наработаться руки, он теперь показался Марье Васильевне молодым еще парнишкой. Вот у ее Никитича обиды внутри идет, в бессоницу, в сердечные боли, а слабости перед чужими да перед ней, жизнь с ним скоротавшей,—слабости будто и вовсе нету. Будто выветрилась она за годы.

— А тебя, видать, задело,—Петр Никитич протянул Вите пачку «Беломора» и, глядя, как тот со старательностью не привыкшего к папиросам человека дует в мундштук, неожиданно закончил:

— Сверчка бы. Хотя б сверчка для уюта. Был же, никому не мешал, да вот некоторые...

— И ничего не некоторые! Он сам в печку сиганул,—возмутилась Марья Васильевна.

— Тут сиганешь... Дети носа не кажут, из начальства кто зайдет: «Привезем дрова. Ждите, из дому не выходите». А мы и так весь день дома — пенсионеры! — Петр Никитич пожевал губами и повторил:

— А тебя, парень, задело сегодняшнее. Случай был или ты сам по себе такой обидчивый?

— Рассказывай, пока одежда твоя сохнет, — без околнчностей потребовала Марья Васильевна. — Нам с Никитичем живое слово приятно.

— Это даже не случай, а так, с каждым

перебой! — как сочувствовали, как улыбались! И как верили в исключительную свою порядочность. Нет, правда, верили. Я и сейчас думаю, а вдруг они сами ошиблись? Только не получается: у них в машине яблоки, ведро со сливой. Где-то здесь их дача, и дорогу они знают. Обманули, послали не в ту сторону, зато простились легко и приятно. Как игра, честное слово! Хлебают из пустых чашек, отдуваются да еще предлагают: «Хотите, вам налью?»

Марья Васильевна не совсем поняла насчет пустых чашек и подлила Вите

наоборот, домашним, ласковым таким — не перед каждым и выговоришь.

— А у нас вот не было молока. — Витя поймал себя на этом «у нас» и смущенно поправился:

— У жены... так вот, не было у жены молока, от детских смесей, какие ни пробовали, у дочки высыпал диатез, и пришлось мне по утрам ездить на молочную кухню. Жили в районе новостроек, всё далеко. Вставал я на два часа раньше, топал пешком на конечную, потому что первый автобус всегда битком набит и на своей остановке в него не попадешь, и все равно к семи не успевал на завод. Переживал, конечно: выходило, будто я получил от завода квартиру, а теперь ничего мне не надо, я и опаздываю.

Научили меня все на той же молочной кухне. Мы, те, кто в одно время ходит, уже знали друг друга в лицо и здоровались. Вот одна старушка и говорит: «Что ты мучаешься? Мели крупу на кофемолке и вари, четырехмесячному ребенку можно. А кефир делай так: столовую ложку магазинного, только свежего, на бутылочку молока — и через полсуток у тебя замечательный нежный кефирчик».

Гордость ко мне вернулась, ни больше ни меньше! То стыдно было за получкой подойти: вставал последним и еще вперед себя пропускать, а как начали мы кормить дочку самодельным кефиром, стал я выспаться, прекратилась нервозность с опозданиями — словом, опять я не последний в цеху человек.

Кефир для закуски я покупал в заводском буфете. Нужно-то всего ничего, на доньшке, а запасов не сделаешь: годится только сегодняшний. По выходным я шел в универсам к открытию и дожидался, когда вывезут ящики с кефиром. Зевать не приходилось — новостройка же, покупателей много.

Однажды мы проспали все трое. Дочка у нас была вместо будильника: заплачет — подъем; а тут ей нездоровилось, не спалось, и заснула она уже под утро. Мы с женой легли — как провалились. Вскрываю — половина десятого! Одежда и побежал.

В универсаме к моему приходу все разобрали. Сажусь на автобус, еду в другой. Чем ближе к центру, тем больше магазинов, но и время идет. Везде слышу: «Было, только что кончилось».

Кровь я, если в цеху День донора, обязательно сдаю по четыреста граммов. Не жалко, для людей же. А для дочки... Самое обидное это состояние, когда полно в тебе и здоровья, и силы, и рад бы все отдать, а паршивого кефира достать не способен.

Может, это и блажь моя, прожила бы дочка сутки без кефира, только я чувствовал, что вернуться с пустыми руками не могу.

Наконец, повезло мне. Еще по дороге к универсаму вижу: несут кефир, пакеты по шестнадцать копеек. Вхожу. Зал большой, незнакомый. Пока я осматрелся, пока нашел ящики с кефиром — его так, в ящиках, и вывозят, — на мою долю почти ничего не осталось. Задвинул последний ящик в угол, над ним враслопырку женщина, никого не подпускает и медленно, по одному, кладет пакеты в сумку. Встал я за ней. Что, думаю, толкаться, мне хватит. А она оглянется, взвесит сумку на руке, подумает и аккуратненько положит еще один пакет. Последний остался, весь измазанный кефиром. Женщина то возьмет его, то бросит назад и стряхивает с пальцев кефир.

Тут я не выдержал. Уступите, говорю, мне. Вы вон сколько набрали, а мне для

ПРО ЧТО...

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

бывает... Честное слово, не стоит и время занимать, — промямлил Витя.

Петр Никитич закурил новую папиросу, Марья Васильевна подперла щеку ладонью — начало им нравилось.

Запунцовев так, что белесые его брови стали казаться седыми, Витя покосился на рюкзак, на свою голую грудь под широким, с растянутыми на животе петлями хозяйским ватником и, видимо, понял, что хочешь не хочешь, а рассказывать придется.

— Те, на дороге, — сказал он, обернувшись к окну, — они ведь, когда я вытолкнул машину, метров на двадцать отъехали. Думаю, черт с ними, плюнул — и за рюкзак. Потом, смотрю, остановились, ждут.

Не понравилось им, что я плюнул. Видели бы вы, как они объясняли дорогу — на-

кляпочку. Он из вежливости отхлебнул и спросил, как ей показалось, не к месту:

— Вот вы детей чем выкармливали?

— Известно, чем. — поджала губы Марья Васильевна. Слово «грудь» она считала не то чтобы неприличным, а,

ребенка. Она хватает пакет, уже безо всякой аккуратности записывает его в сумку — по рукаву течет кефир — и пытается уйти.

Сначала я подумал, что женщина не расслышала. Гам в зале, кассы греют, да и стояла она спиной. Пошел за ней, втолковываю: для ребенка мне, закваску на ночь поставить. Я же видел, как она этот пакетик туда-сюда перекладывала. И не больно-то ей надо, а взяла, потому что последний.

Увиваюсь я вокруг нее, как муха, и ничего еще не понимаю. Измазанный пакет в глазах стоит. Как я его заворачиваю в полиэтиленовый мешочек — хорошо, он у меня всегда в кармане, — как дома отрезаю уголок и разливаю кефир по нижнему делению в бутылочки. Женщина молчит и прибавляет ходу. Остановились у кассы. Я громко, на нас даже оборачиваются стали, говорю: «Дайте хоть один, мне же для ребенка!» Она головой покрутила — все смотрят — и так гордо, так победно: «Мне тоже для ребенка!»

Я и после этого ничего не понял. Вот кефир — много, на целую семью. А дочка наша плохо спала, может, как раз мучилась животиком — у искусственников это часто бывает. Какой же я отец, если не достану ей кефира? И неужели не смогу объяснить женщине?

— Думаете, у вас у одного ребенок? — в самое ухо кричит мне женщина и подталкивает: я задерживаю очередь. Молчала-молчала, а теперь, как сказала, что ей тоже для ребенка, почувствовала за собой правду.

И тут до меня дошло. Бывают, знаете, моменты, когда видишь все, как с высоты, и как будто лет сто тебе, не меньше. Вижу я себя, дурака, вижу любительницу кефира и понимаю, что чем нужнее мне, тем и ей нужнее. Скажи я тогда на измазанный пакет, мол, далась вам такая дрянь, она бы его бросила, но сейчас хоть на колени становись — не отдаст. А главное, вижу, что ребенка, нет ли его на самом деле или он есть, она все равно как бы выдумала в оправдание, потому что столько кефира ни один ребенок не выпьет. Но перед кем ей оправдываться, не передо мною же! От моих бед ей вроде теплее, она себя, добытчицу, еще сильнее уважает. Очередь, те, кто наш разговор слышал, уже прошла — мы у кассы первые, — а задние ничего не знают. Так перед кем ей оправдываться? Вспоминаю я, как женщина молчала, как отводила глаза и с какой радостью выпалила потом про ребенка. Все-таки неловко ей было, пока не нашелся ответ. Значит, она саму себя так погладила. Хорошо же ей! Не сдвинешь ее с этой самодельной правды, не спросишь, мол, что, вся сумка для ребенка? Скажет: а тебе что? Уплачено!

Стою истуканом и гляжу на измазанный пакет, он как нарочно из сумки высовывается. В том-то и дело, что не уплачено и, выходит, пакет ничей пока, магазинный. Шарю в кармане мелочь, примеряюсь, как бы его схватить и расплатиться прежде, чем женщина поднимет крик.

Дошло бы и до этого, но женщина оттирает меня спиной, растопыривается, как давеча перед ящиком, и показывает кассирше сумку. Одним глазом она в кассу, что там ей выбивают, а другим — на меня. Моргает.

У меня пустые руки, платить не за что. Шагнул я мимо кассы, и вроде мне полегчало. Даже смеяться захотелось. И что я себе навдумывал, зачем унижался? Возьму пакет и убегу. Как она со мной, так и я с ней.

Удалось бы — честное слово, заснул бы со спокойной совестью. И уж совсем плохо, что я не думал в тот момент о дочке. Чувствовал уже на ладони пакет — холодный, от кефира скользкий, — а для чего он мне, как будто забыл. Мог же в конце концов и в другой магазин съездить, а тут прямо свет клином сошелся на этом пакете, а вернее, на том, чтобы женщина не осталась победительницей.

Потом думаю: нет, хорош я буду, если поймают меня с копейным пакетом. Не доставлю ей удовольствия назвать меня вором и на себя, честную, надобоваться. Кину рубль, скажу: «Гражданочка, вы потеряли». А когда она станет поднимать...

Иду я с ней бок о бок, уже рубль приговорил, а она оборачивается ко мне: «Сказала же, не дам!» «Ну и не давай-те», — отвечаю и даже улыбаюсь, представляю, как она кинется за рублем. Вижу, не нравится ей моя улыбка, а чем не нравится — она сама пока не знает. Нахмурилась, оглядела меня с головы до пят: небритый, нечесаный, рубашка домашняя, с разными пуговицами — я же собирался только в свой универсам, через улицу, и не думал так далеко заезжать. Смотрит она, смотрит и понемногу светлеет лицом. «Хулиган», — говорит, а сама прислушивается: как оно, прозвучало? А мне любопытно. Ну, просил я у нее кефир, ну, не побрился — велико хулиганство! Но ей для спокойствия надо, чтобы я и впрямь оказался хулиганом, тогда ее жадность не жадность, а очень правильный поступок, отпор нарушителю общественного порядка или как-нибудь еще торжественней. Какой же, думаю, найдет она повод, чтобы меня так назвать?

Оказалось, она сама себе повод. Повторяет она: «Хулиган, хулиган», — и с каждым разом все больше верит, а потом и вовсе закричала: «Что ты ко мне жмешься? Граждане, что он жмется? Я милицию позову!»

И появился как из-под земли сержант. Он, сержант, хоть сам и был неженатый, с двух слов понял и про последний пакет, и про то, что мне для закваски всего ничего кефира нужно. Отвоевал меня у женщины — ей протокол подавай! — и повел в подсобку. Там у них ящик рваных пакетов с молоком, с кефиром, сидит бабуся в клеенчатом фартуке и сливает все добро по бидонам: куда шестипроцентное молоко, куда простое, а куда кефир.

Пакет она мне дала совсем целый, только измят немного.

И вот перестал я прощать мелкий обман. Он, может, для кого и мелкий, а для другого человека — больше не бывает. Звонят жене по телефону, она палец к губам, скажи, мол, нет ее. Раньше я так и делал, а после того случая... Ох и обижалась она! Ты, говорит, меня кем перед людьми выставляешь?! А я не могу другому — и все тут.

На правах рассказчика Витя цапнул хозяйного беломорину, оторвал замусоленный кончик мундштука и смачно пыхнул дылом.

Его волосы, пушистые от дождевой воды, подсохли, улеглись, и он сам как бы подсох: выпяченные губы жестко втянулись, щеки запали, а глаза, еще недавно красные, набрякшие, поблескивали снежной голубизны белками.

В желобе над карнизом гудела, булькала рассерженным кипятком вода, разгоняясь, чтобы ухнуть с высоты в давно переполненную бочку.

— Погодка... — вздохнул Петр Никитич. — Издерганный ты, насквозь город-

ской. Я вот который год не могу костюм купить: как натолкаешься по магазину да потом изойдешь, примерявшись; нет уж, скорее домой. Случись, и в старом похоронят. На воле бы тебе пожить да попить молочка парного. Оставайся, если отпуск не отгулял, или хочь переночуй. Дождь-то вон обложной!

В подтверждение своих слов Петр Никитич, не вставая, потянулся к выключателю, щелкнул — и мокрое поле, дорога, кайма дурнолеся над желтеющей полосой оврага, весь законный мир стал одинаково серым и далеким.

Витя мотнул головой:

— Нет, не могу.

Собирался он молча. Напялил, прячась от Марьи Васильевны, мокрую одежду и стал подгонять растянувшиеся от большого веса и от сырости лямки чудного своего рюкзака.

— Прялка, — удивилась Марья Васильевна, угадав под мокрой обвисшей тканью колесо. — Теперь таких и не делают, у меня вон с моторчиком... На что тебе прялка?

— У нас в пеху один получил дом по наследству. Мне, говорит, всякий хлам без надобности, бери, если хочешь. Я и поехал. Вот прялку взял. Втулка здесь разболталась, почию — и отдам кому-нибудь, а то работали на этой прялке, работали — вон колесо все руками отполированное, — и вдруг «без надобности». Жалко, понимаете?

— Чего ж не понимать, — поддакнул Петр Никитич, качнув рукой самодельный стол — грубый, тяжелый, не нужный, как и прялка, никому, кроме хозяев.

Марья Васильевна не очень заинтересовалась прялкой — своя не хуже. Она так и этот прикидывала, что скажет завтра соседке. История с давно съеденным кефиром показала ей не больно-то стоящей. Не хватало важных, на ее взгляд, подробностей: как зовут Витину жену, сколько лет дочке, какая у них квартира и дружно ли живут. И сколько он зарабатывает. И работают ли его родители, а если нет, какую им положили пенсию... Она даже немного обиделась на Витю за то, что рассказывал он как-то не так. Слушали — было вроде интересно, а сейчас хватить — и с Михайловной-то поделиться нечем.

А гость уже впрягался в лямки, опустившись на корточки спиной к рюкзаку, и она спросила торопливо и неопределенно:

— Жена-то как?

— Не знаю. Кажется, вышла замуж... Дочку я забираю на выходные из садика и отвожу потом в садик, а с женой давно не встречался. — Витя привстал, заворчался под ляжками, приравливаясь к тяжести, и виновато улыбнулся Марье Васильевне.

— За бананами мы стояли. То желтые, хорошие, а то зеленые — в рот не возьмешь. Жена и скажи: «Дайте подлише, нам в больницу...» Конечно, не с этого начался у нас разлад, не этим кончился, а просто запомнились мне бананы.

— Господь с тобой, из-за такого можно ли женщину с дитём бросать! — замахала руками Марья Васильевна. — Да они, продавцы, сами кого хочешь вокруг пальца обведут. Если она тебя обманывала, так и скажи.

Витя открыл дверь и шагнул на крыльцо, как под душ. Вода плеснула через край сточного желоба и окатила его — что сушился, что не сушился.

— Да, — кивнул он, поеживаясь, но никто так и не понял, к чему относилось его «да».

Платье, которое мы сегодня предлагаем, оригинально, просто в крое и, главное, функционально: благодаря декоративному шарфу, который с помощью множества способов драпировки может придавать платью совершенно различный облик, этот наряд будет уместен и на работе, и в клубе, и в гостях.

Рукав цельнокроеный, возможны два варианта — короткий и за локоть (см. рисунки). Юбка состоит из двух прямоугольных полотнищ. Шарф, который в данном случае является не модным дополнением, а деталью платья, втачивают между юбкой и лифом на спинке немного наискось, ближе к левому боковому шву, и перебрасывают через правое плечо вперед. Размер 48, рост III.

Ткань лучше взять тонкую, пластичную: шерстяной креп, трикотин, тонкое джерси, шелк, крепдешин. Расход при ширине 1 м 40 см — 1 м 40 см.

При раскрое не забудьте, пожалуйста, сделать припуски на швы (они не учтены в чертежах): на плечо, горловину, концы шарфа, в боках — по 1,5 см, по линии талии, в отлетах юбки — по 2,5 см.

Последовательность работы.

● Раскрой платья, начинаете со сборки лифа; сметываете и стачиваете плечевые швы, переходящие во внешние швы рукава, а затем боковые швы, переходящие во внутренние швы рукава. На спинке и переде предварительно

положите (наметайте) нитью середины. Обратите внимание: вытачка на спинке не предусмотрена, поэтому плечевой срез ее нужно будет припосадить на 1 см; ткань у внутреннего среза рукава со стороны спинки припосадите на 2 см, это заменит локтевую вытачку.

● После стачивания лифа надсеките срезы в уголках под проймой — аккуратно, так, чтобы не задеть швы.

● Когда соедините спинку с передом, обработайте низ рукавов обтачками, выкроенными по косой нити, а горловину — подкройной обтачкой.

● По линии талии на спинке и переде заметайте симметрично по 2 мягкие складки глубиной 2 см (середина складки повернута к центру детали). При этом ткань не растягивайте, а, напротив, слегка припосадите, так, чтобы длина линии притачивания составила 96 см.

● Теперь обрабатываем юбку, оба полотнища по от-

дельности. Сначала подгибаем подол, а затем левые и правые отлеты полотнищ подшиваем в подгиб, при этом особенно аккуратно обрабатываем нижние уголки.

● Прокладываем на полотнищах нитью середины переда и спины. Заметываем основные мягкие складки (см. чертежи 3 и 4). Обратите внимание: те части полотнищ, которые «уходят» внутрь (под правое полотнище спереди и под левое сзади), не драпируют, а только слегка присбаривают.

● Середину переда правого полотнища накладываем на середину переда левого полотнища и прометываем. Соответственно середину спины левого полотнища накладываем на середину спины правого полотнища и также прометываем. Прометать нужно и внутренние, и внешние отлеты; когда стачаете лиф с юбкой, наметку нужно выдернуть. Теперь верхнюю часть отлетов на протяжении 22 см (см. чертеж 6) притачайте к нижнему полотнищу.

На сметочной нити по линии талии юбки ткань слегка присбариваем.

● Беремся за шарф. Обрабатываем в подгиб срезы его по длинным и одной короткой стороне, вторуюшиваем в линию талии на спинке, фиксируя уже в шве 2—3 мягкие складки на шарфе. Уравниваем срезы.

● Пришло время соединить лиф и юбку: стачиваем линию талии юбки и линию талии лифа, совмещая соответственно середины переда и спинки, при этом юбку и лиф складываем лицевыми сторонами.

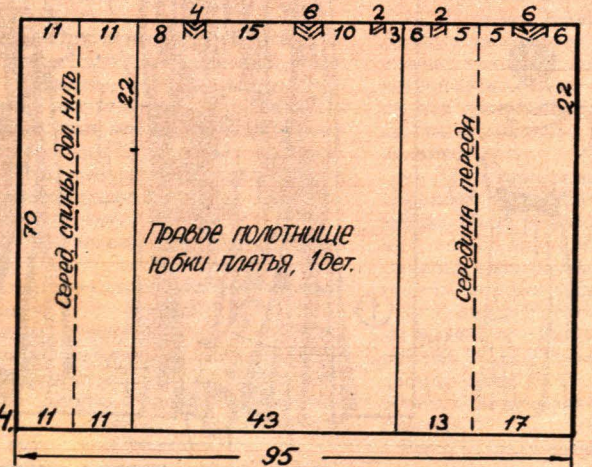
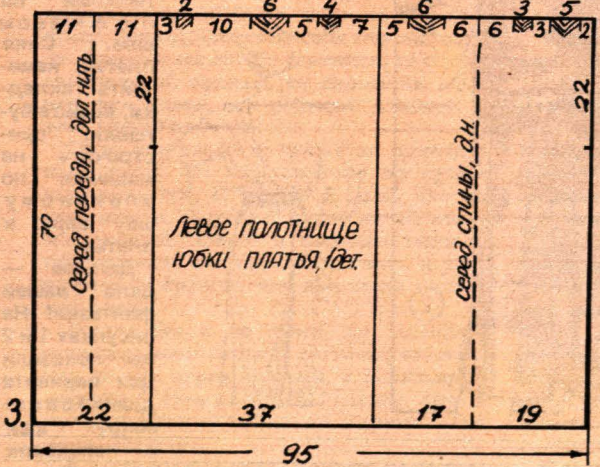
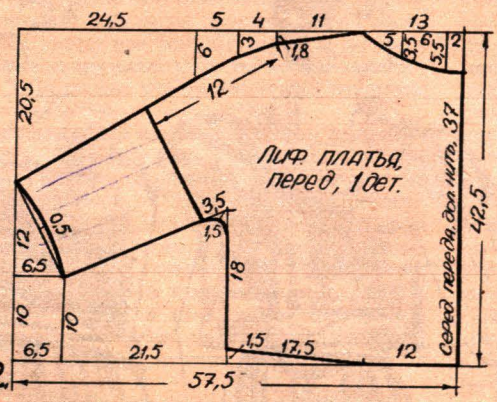
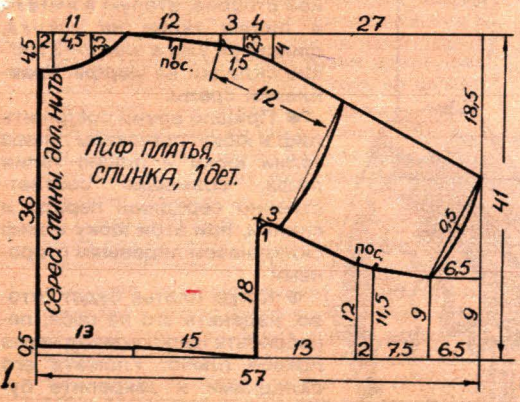
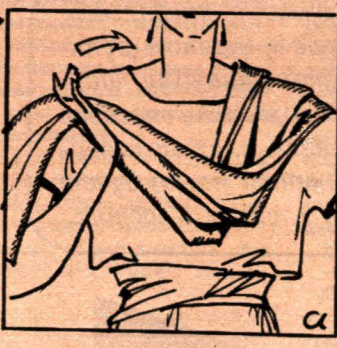
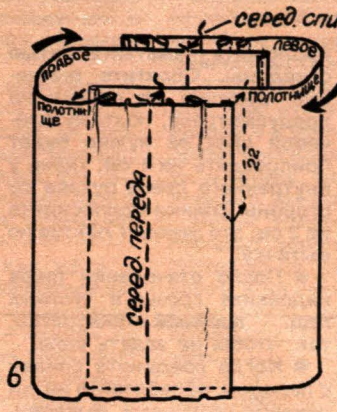
● Когда платье будет готово, наденьте его на себя, перебросьте шарф вперед через правое плечо. Уложите его складками и закрепите булавками на плечевом шве. Сняв платье, наметайте складки, выньте булавки, прострочите на машинке по плечевому шву шарф к платью.

Дальше — дело вашей фантазии! На рисунках 1 и 2 мы показали два варианта драпировки: вокруг шеи и наискосок под пояс. Второй, как нам

Шьем сами

представляется, более нарядный, для выхода. Первый придает платью элегантно-деловой стиль. Чертежи «а», «б» и «в» раскрывают, как уложить драпировку вокруг шеи, чертежи «г» и «д» — как заправить шарф под пояс, чертежи «д» и «е» — как сделать на поясе декоративный узел при помощи шарфа. Последний вариант особенно эффектно, если пояс и шарф различны по фактуре или цвету.

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ,
художник-модельер.
Рисунки и чертежи автора.

24
СВОБОДНЫЙ
КОНЕЦ

142

К ЛИЦ. ТАЛИИ
СПИНЫ

5

Одно и то же пальто выглядит по-разному с различными шарфиками, сумками, головными уборами... И вы убедитесь в этом, когда наденете новую шапочку.

С ПОМОЩЬЮ КРЮЧКА...

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию ажурные шапочку и шарфик, связанные крючком. Они могут быть прекрасным дополнением к осеннему пальто или костюму, а если шапочку надеть на плотный колпачок (из войлока, велюра, сшитый из трикотажа, отрезанный от старой шляпы и т. п.), то и к шубе, зимнему пальто. Вяжут их толстыми шерстяными нитками в два сложения, крючком толщиной 4 мм. Шапочку и шарфик можно украсить цветком или кисточкой. Цвет подойдет любой.

Для начала вязки ШАПОЧКИ цепочку из пяти петель сомкните в кольцо, свяжите 3 воздушные петли на подъем и 15 столбиков с накидом, вводя крючок в кольцо. Последний столбик сомкните с третьей петлей цепочки и начните второй круг: на каждом столбике первого круга свяжите два столбика без накида и 11 воздушных петель между ними (рис. 1). Получатся длинные лепестки из цепочек. Вы-

полнив последний лепесток, свяжите полустолбики на шести петлях первого лепестка. Затем свяжите цепочку из пяти петель между первым и вторым лепестком и из трех петель — между остальными лепестками; теперь свяжите столбики без накида, вводя крючок в каждый лепесток.

В четвертом круге в цепочках вяжите по 4 воздушные петли, а в пятом и шестом кругах — по 6 петель, между цепочками — столбики без накида на столбиках предыдущего ряда. Закончив шестой круг, провяжите полустолбики на трех петлях первой цепочки этого круга, введите крючок под цепочки пятого и шестого кругов сразу и свяжите столбик без накида, затем 5 воздушных петель и столбик без накида, вводя крючок под вторые цепочки пятого и шестого кругов, и так продолжайте. Это будет седьмой круг. В восьмом вяжите цепочки из пяти петель каждая и столбики без накида на столбиках седьмого круга.

В девятом и десятом кругах в цепочках по 7 петель, в одиннадцатом и двенадцатом — по 6, в тринадцатом и четырнадцатом — по 8, в пятнадцатом и шестнадцатом — по 6, в семнадцатом и восемнадцатом — по 8, в девятнадцатом и двадцатом — по 6 петель.

Ажурная часть шапочки закончена. Переходим к вязанию ободка.

В первом ряду выполните столбики с накидом: по 5 столбиков, вводя крючок под цепочки, и по одному — на столбиках без накида.

Во втором ряду вяжите столбики с накидом — по одному на каждом 2-м столбике первого ряда, а между столбиками — одну воздушную петлю.

В третьем ряду ободка снова выполните столбики с накидом на столбиках предыдущего ряда и вводя крючок под воздушные петли.

Ободок обвяжите столбиками без накида и полуколечками из трех воздушных петель после каждого пятого столбика.

ШАРФИК начинаем вязать от середины. На цепочке из 28 воздушных петель (рис. 2) вяжем ряды узора в двух направлениях, располагая их поперек шарфика.

1-й ряд — 1 столбик с накидом на четвертой петле цепочки, считая от крючка; 2 петли пропускаем, 2 воздушные петли вяжем, затем 1 столбик без накида, 5 столбиков без накида по одному на каждой третьей петле цепочки, между столбиками по 6 воздушных петель. После

пятого столбика вяжем 2 воздушные петли, 2 петли пропускаем, на следующих двух петлях цепочки вяжем 2 столбика с накидом.

2-й ряд — 2 воздушные петли на подъем, 1 столбик без накида на столбике с накидом, далее все, как в первом ряду; в конце ряда — 2 столбика без накида.

3-й ряд — 2 воздушные петли, 1 столбик без накида, 3 воздушные петли, 5 столбиков без накида, между ними по 3 воздушные петли. Выполняя столбики, крючок вводят под цепочки первого и второго рядов сразу. После пятого столбика вяжут 3 воздушные петли и 2 столбика без накида.

4-й ряд — столбики без накида на столбиках предыдущего ряда, между ними по 3 воздушные петли.

5-й ряд — 3 воздушные петли на подъем, 1 столбик с накидом, 5 столбиков без накида на столбиках предыдущего ряда, между ними по 6 воздушных петель. В конце ряда — 2 столбика с накидом.

6-й ряд — 2 воздушные петли, 1 столбик без накида, далее как 5-й ряд, в конце ряда — 2 столбика без накида.

7-й ряд — 2 воздушные петли, 1 столбик без накида, 2 воздушные петли, 6 столбиков без накида (крючок вводят под цепочки пятого и шестого рядов), между столбиками — по 3 воздушные петли. В конце ряда — 2 воздушные петли, 2 столбика без накида.

8-й ряд вяжут, как 7-й. 9-й и 10-й ряды — как 1-й и 2-й и так далее.

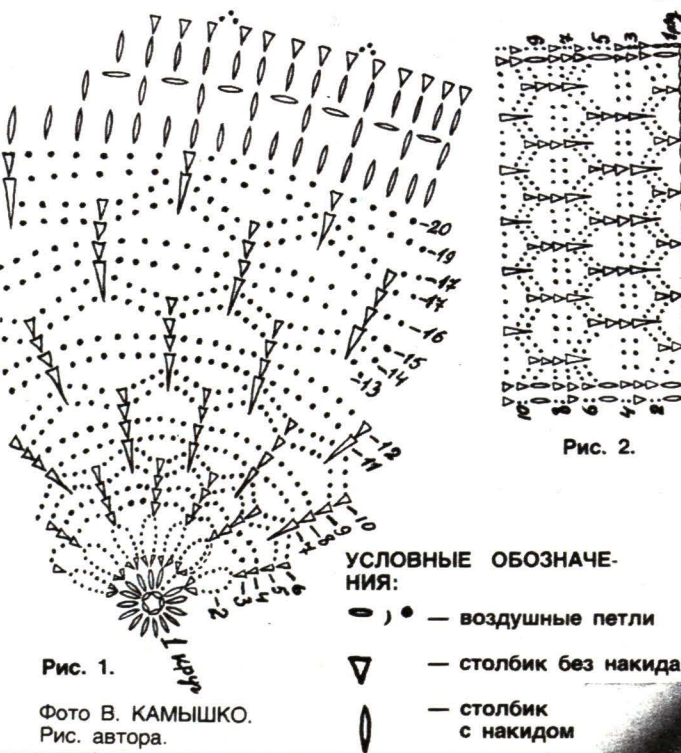

Рис. 1.

Фото В. КАМЫШКО.
Рис. автора.

Рис. 2.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ● — воздушные петли
- ▽ — столбик без накида
- — столбик с накидом

Узор выполняют на половине длины шарфика. В конце вязания под каждую цепочку из трех петель вяжут 2 столбика без накида, между ними 20 воздушных петель. Получаются лепестки, как во втором круге вязания шапочки.

Так же, как в вязании шапочки, выполните полустолбики на 10 петлях последнего лепестка, затем введите крючок в середину каждого лепестка, протаскивая через них рабочую нитку и провяжите столбик без накида.

Ряды второй половины шарфика начинают вязать на полупетлях той же цепочки, на которой начинали вязать первую половину.

Конец шарфика можно украсить кисточкой. Для этого,

не отрывая нитки, свяжите цепочку длиной 5—6 см. К этой цепочке прикрепите кисточку.

Украстить шапочку можно и вязанным цветком.

Т. ЕРЕМЕНКО

Макраме

Одним из основных узлов макраме является двойной — его называют также реповый, бисерный, жемчужный, брида... Такой узел мы с вами и будем учиться завязывать на четвертом занятии.

В зависимости от направления нити основы двойной узел бывает горизонтальным, вертикальным и диагональным.

Начинаем с ГОРИЗОНТАЛЬНОГО УЗЛА. Для образца крепим на основе 3 нити. Получаем 6 концов. Считаем нити слева направо: 1-я — основа, 2—6-я — рабочие.

Берем нить 1 правой рукой и укладываем ее на рабочие нити слева направо. Место поворота нити закальваем булавкой (рис. 1). На конце нити основы завязываем узелок, чтобы не спутать ее с рабочей нитью.

Держим нить основы в правой руке, чуть натянув ее.левой рукой берем нить 2 и перекидываем ее через основу влево, выводим вперед на основу справа и вниз в петлю. Затягиваем узелок (рис. 2). Далее работаем нитями 3, 4, 5, 6. Провязали один ряд горизонтальных узлов (рис. 3). Разворачиваем основу справа налево, закальваем место поворота нити булавкой (рис. 4). Теперь начинаем работать с нити 6. Перекидываем ее конец через основу вправо, выводим вперед на основу влево и вниз в петлю (рис. 5).

Для вязки образца ДИАГОНАЛЬНОГО УЗЛА крепим 3 нити. Получаем 6 концов. Основу (нить 1) держим по диагонали. Завязываем нитью 2 двойной узел (рис. 6). Далее работаем нитями 3, 4, 5, 6 (рис. 6а).

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ готовимся вязать так же: крепим 3 нити, получаем 6 концов. Но тут рабочей будет нить 1, а нити 2, 3, 4, 5 и 6 — основа. Для начала ряда берем за

КАК ЗАВЯЗАТЬ УЗЕЛ?

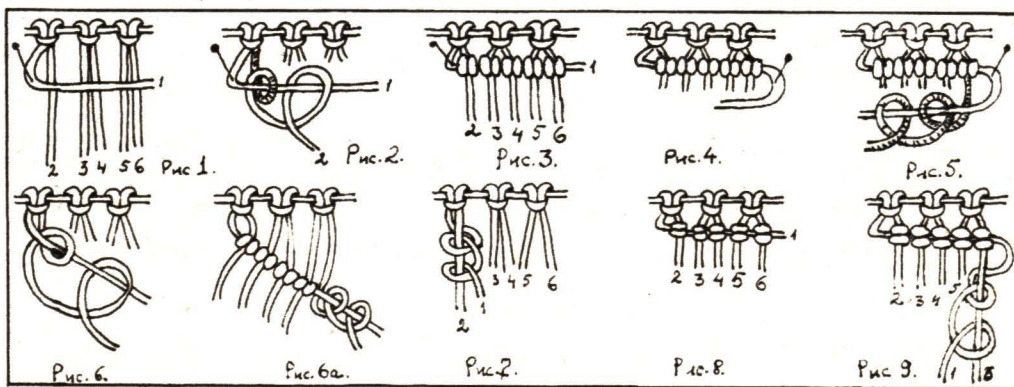
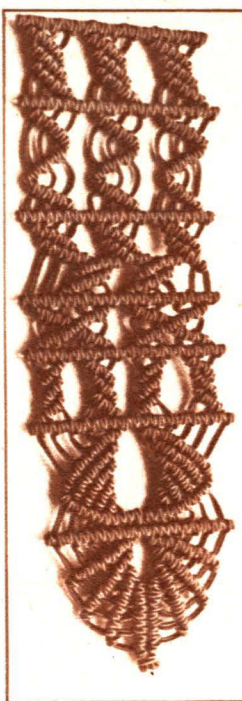
основу нить 2, держим ее по вертикали, слегка натянув. Нитью 1 завязываем двойной узел на вертикальной основе (рис. 7), далее завязываем двойной узел на нитях 3, 4, 5, 6.

Провязали один ряд вертикальных узлов (рис. 8). Разворачиваем рабочую нить и плетем второй ряд вертикальных узлов справа налево (рис. 9).

А теперь начнем выплетать узоры на основе двойного узла.

ПОДВЕСКА ДЛЯ КАЛЕНДАРЯ (см. фото).

Крепим на основу 6 нитей длиной по 1,2 м. Получаем 12 концов. Плетем один ряд горизонтальных узлов на дополнительной нити. Узор образца, который вы видите на фото, состоит из 7 секций,

они отделяются друг от друга одним рядом горизонтальных узлов.

1-я секция. Делим нити на три группы (12:3), работаем с группой из 4 нитей. Выполняем 3 ряда диагональных узлов в каждой группе, причем за основу берем крайнюю нить слева.

2-я секция, узор «зигзаг». Плетем ряд диагональных узлов слева направо, разворачиваем основу и плетем ряд диагональных узлов справа налево, опять разворачиваем основу и снова плетем ряд диагональных узлов слева направо.

3-я секция — полосы из диагональных узлов в шахматном порядке. В каждой группе плетем по два ряда диагональных узлов. Во втором ряду две первые нити оставля-

ем свободными. Берем за основу нить 4 и плетем ряд диагональных узлов перпендикулярно второй полоске. Теперь берем за основу крайнюю нить справа (в этой группе) и плетем второй ряд диагональных узлов. Вторую полоску этого ряда плетем таким же образом.

4-я секция — узор «икс». Делим число нитей пополам (12:2), работаем с группой из 6 нитей, ее, в свою очередь, так же делим пополам (6:2). Берем за основу крайнюю нить слева и провязываем на ней диагональные узлы нитями 2 и 3. Теперь берем за основу нить 6 и провязываем на ней диагональные узлы нитями 5, 4, 1, 3, 2. На нити 1 завязываем диагональные узлы нитями 4 и 5. Второй узор провязываем аналогичным образом.

5-я секция — столбики из диагональных узлов. Делим число нитей на 4 группы (12:4), работаем с группой из трех нитей:

- 1) берем за основу нить 3, провязываем ряд диагональных узлов справа налево;
- 2) так же провязываем еще 2 раза;
- 3) берем за основу нить 1 во второй группе нитей. Плетем один ряд диагональных узлов слева направо;
- 4) так же плетем еще 2 раза;
- 5) провязываем еще 3 ряда диагональных узлов справа налево, взяв за основу нить 3 (см. пункты 1, 2);
- 6) теперь плетем 3 ряда диагональных узлов слева направо, взяв за основу нить 1 во второй группе нитей (см. пункты 3, 4).

6-я секция — узор «сувенир». Делим число нитей пополам (12:2):

- 1) берем за основу средние нити двух групп — 6 и 7 — и раскрываем ромб. На нити 6 плетем ряд диагональных уз-

лов справа налево, а на нити 7 — слева направо;

2) раскрываем ромб еще 4 раза, за основу берем те же средние нити. Основу предыдущего ряда в последующем ряду не провязываем. Основы остаются свободными;

3) берем за основу крайние нити справа и слева, провязываем один ряд диагональных узлов к центру.

7-я секция — узор «веер». Делим число нитей пополам (12:2). Плетем 4 ряда диагональных узлов веером: начинаем плетение их плотно к предыдущему ряду, а заканчиваем на расстоянии 3 мм. Последние ряды встречаются уже на вертикали.

Концы нитей обрезаем и подклеиваем с изнаночной стороны.

М. СОКОЛОВСКАЯ

Кожный покров может рассказать о том, что происходит внутри нашего организма, может даже в ряде случаев назвать орган, функция которого нарушена. В давние времена, когда медики еще не располагали такой сложной и точной аппаратурой, какая имеется сейчас в каждой поликлинике, опытный врач по состоянию кожи мог определить развивающуюся болезнь и предсказать ее дальнейшее течение... К примеру, нарушилась функция органов пищеварения — и тут же на коже появляется сыпь. Простудились — и на губе выступает лихорадка. У юношей и девушек в период полового созревания при нарушении функции желез внутренней секреции возникают угри на лице, спине, груди. А вспомните о болезнях, протекающих с высокой температурой: ведь только наша кожа спасает организм от перегревания! Здоровая кожа — это броня, которая защищает организм, внутренние органы от проникновения внутрь микробов и вирусов.

Нам с вами кожа уже известна и как кладовая рефлексогенных зон. Воздействуя на эти участки кожи могут помочь организму устоять перед инфекцией, повысить работоспособность, снять физическое или умственное утомление, избавиться от чувства страха, уменьшить, а то и вообще снять боль. Мы уже говорили о том, что давление на точку, расположенную в углу ногтевой пластинки с наружной стороны указательного пальца, в течение 3—4 минут снимает зубную боль. Читательница А. В. Федорова из Воронежской области написала нам, что этот прием она с успехом применяет. И таких примеров можно привести множество.

Сегодняшнюю беседу мы посвятим коже рук.

Посмотрите внимательно на свою руку. Вы видите, — на поверхности предплечья и плеча кожа нежная и мягкая, она легко ранима, чувствительна к холоду и к солнечным лучам.

На ладони кожа гладкая, плотная, малоподвижная, с трудом собирается в складки. На ней нет волос, но очень много потовых желез. Бывает, что эти железы усиленно выделяют пот, тогда ладони становятся мокрыми, холодными. Такое явление не норма, это проявление общего заболевания, своего рода «сигнал тревоги», который стоит услышать людям с повышенной потливостью ладоней.

В самом центре ладони находится весьма важная реф-

Задумывались ли вы, как вынослива наша кожа? Ведь она первой принимает на себя воздействие внешней среды, защищает организм от неблагоприятных влияний...

САМОЧУВСТВИЕМ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

В. ИВАНОВ, заслуженный врач РСФСР,
кандидат медицинских наук.

лексогенная зона — на Востоке ее называют «дворцом труда» (см. рис.). Массаж этой зоны снимает усталость рук, снижает потливость ладоней.

Еще одна очень важная рефлексогенная зона расположена между большим и указательным пальцами; точечный массаж ее или надавливание на нее помогают при кишечной колике, снимают нервное напряжение, способствуют наступлению сна.

Кожа рук во время работы в первую очередь подвергается воздействию факторов внешней среды: холоду и жару, рабочей нагрузке, химическим раздражителям и т.п. Поэтому руки грубеют, могут появиться мозоли, трещины — они способствуют про-

в первую очередь необходимо снять утомление в кистях рук. Для этого хороши теплые ванночки для кистей. Их можно делать из одной теплой воды, но лучше приготовить водный настой из равных частей листьев подорожника, череды и крапивы. Подойдут также листья березы, зверобой, клевер луговой, лесная душица (4 столовые ложки смеси на литр воды). Температура ванночки — около 40 градусов, продолжительность — 10—15 минут. Через полчаса после процедуры сделайте массаж или самомассаж обеих кистей и предплечий. Напомним, что гигиенические ванночки следует принимать после тщательного мытья рук.

Как сделать самомассаж

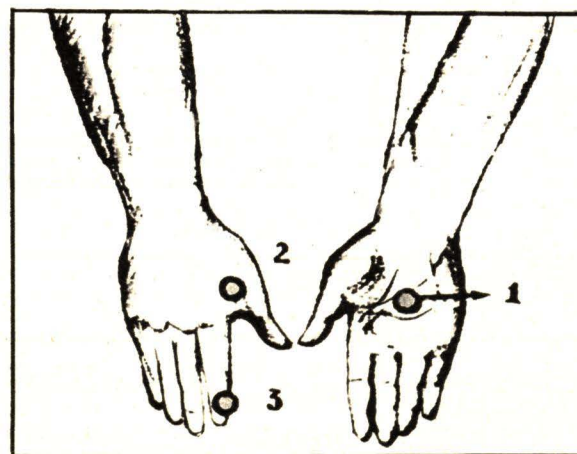

и локтевому суставу, к плечу, в сторону шеи и подмышечной впадины. При массаже пальцев и кисти основными приемами являются поглаживание и растирание, которые рекомендуется сочетать с пассивными и активными движениями в суставах. Поглаживание следует делать по боковым поверхностям пальцев, то есть по ходу лимфатических сосудов, плоскостными и обхватывающими движениями. Растирание — прямолинейными и круговыми движениями (с учетом конфигурации сустава). Межкостные мышцы ладони массируют с тыльной стороны, после поглаживания растирают отдельно каждую мышцу и сухожилие, при этом пальцы должны быть слегка разведены. На ладони растирание и разминание делают большими пальцами или гребнем сжатых в кулак пальцев.

При болях в суставах пальцев и чувстве онемения в кисти рекомендуются ежедневные ванночки из водного настоя череды и корня валерианы (4 столовые ложки череды и 2 — валерианы заваривают в литре кипятка, настаивают в термосе 4 часа, процеживают, хранят в закрытой посуде). Температура ванночек — до 38 градусов.

При повышенной потливости рук поможет прием сока шалфея (из свежих листьев) по столовой ложке 2 раза в день через час после еды. Зимой и весной сок можно заменить водным настоем сухих листьев шалфея (2 чайные ложки настоя в 2 стаканах кипятка в закрытой посуде). Принимать настой надо по полстакана в теплом виде 3 раза в день. Подойдет и настой листьев земляники (столовую ложку листьев земляники залить двумя стаканами кипятка, настаивать 2 часа, процедить, пить по полстакана 2 раза в день). Курс приема — месяц.

Рис. — ПАВЛОВА.

РЕФЛЕКСОГЕННЫЕ ЗОНЫ:

- 1 — «дворец труда»;
- 2 — общеукрепляющая зона;
- 3 — зона снятия зубной боли.

никновению микробов в кожную ткань. Как избежать этого? Можно ли помочь рукам? Можно, даже в условиях ежедневной работы в поле или на ферме.

рук? Стоя или сидя в удобной позе, начинаем массировать пальцы от ногтевых фаланг к основанию, далее переходим к кисти, от нее массируем кожу вверх к лучезапястному

Запахи могут навеять грусть и радость, они могут, оказываясь, даже лечить некоторые недомогания. Невозможно представить себе полноценное восприятие мира человеком без чувства обоняния, ведь именно оно играет важную роль в охране здоровья, в правильном функционировании всех систем человеческого организма. Так, аппетитный запах пищи способствует выделению желудочного сока и, следовательно, лучшему ее перевариванию, неприятный же запах, напротив, предупреждает нас, что пища недоброкачественна, и тем помогает избежать пищевого отравления. Застоявшийся запах душной, непроветренной комнаты побуждает поскорее открыть окно, чтобы дать доступ свежему воздуху, который проветривает легкие, и т.д.

Слизистая оболочка, выстилающая изнутри наш нос, пронизана множеством нервных окончаний, улавливающих запахи, которые многочисленными путями связаны с вегетативной нервной системой и корой головного мозга. При вдыхании ароматических веществ мозг реагирует на их сигналы, посылая команды отдельным органам и системам.

А теперь давайте пофантазируем: обратилась занемогший человек к врачу, и тот прописал ему... аромат фиалки по 15 минут перед едой 3 раза в день, а на ночь, перед сном, — аромат розы по полчаса ежедневно. И недуг отступил! Согласитесь, такой метод куда приятнее, чем горькие микстуры и болезненные процедуры.

Ароматические вещества использовались в лечении издавна, ими пользовались такие знаменитые врачеватели, как Гиппократ, Авиценна. Набор нюхательных солей применялся для успокоения раз-

Приходилось вам замечать, как сильно влияют на настроение, на чувства различные запахи? Пахнуло, например, свежескошенной травой с газона — и припомнилось детство, речка, бабушкин сад...

АРОМАТ ФИАЛКИ ВМЕСТО... АНАЛЬГИНА

личных припадков, головной боли, других недомоганий.

Лечение ароматами не избыто и сегодня. В Баку, в одном из уголков приморского парка, расположен фитопавильон, где лечат болезни сердечно-сосудистой системы, нервные расстройства ароматами лавра благородного, розмарина, герани. И результаты заметны. А фитонциды, содержащиеся в чесноке и луке, давно зарекомендовали себя с самой лучшей стороны при заболеваниях легких, бронхов.

Подмечено, что приятные запахи повышают работоспособность, поднимают настроение, а неприятные — понижают, они могут вызвать головную боль, головокружение, повышение давления.

А теперь поговорим о том, как запахи влияют на чув-

ств человеческих связей, взаимоотношений.

Какой пчеловод не знает: подойди к улью пыльный, вспотевший — быть ужаленному! Запах алкоголя, пота, никотина встречается пчелами резко агрессивно. А человеком? Какой бы ни был перед вами умный собеседник, хороший товарищ, заметив неприятность, дурной запах, вы подумаете неодобрительно: «Неряха».

Особенно тонко реагируют в этих случаях женщины. И, увы, нередко случается, что муж, сам того не ведая, своей неприятностью отталкивает жену, вызывая постепенно ее раздражение, а там и охлаждение... А бывает и наоборот: погрузившись в домашнюю работу, женщина-хозяйка перестает следить за собой, опускается и постепенно перестает быть для мужа же-

ланной, единственной... Пожалуйста, обратите внимание, как вы выглядите дома, — на работе-то мы все подтянутые! Чистота, опрятность, аромат чисто вымытых волос, свежей, промытой кожи так много значат в отношениях двоих любящих...

И вот еще что: вы заметили, в природе все стремится к гармонии — как много потеряла бы сирень, если бы пахла по-другому, или, скажем, скромная ромашка заблагоухала как южная магнолия. А ведь нередко юная, нежная девушка гоняется за духами с густым ароматом — именно так пахнут модные сейчас французские духи. Зачем? Духи, не гармонирующие с вашим обликом, запахом ваших волос и кожи, производят неприятное, отталкивающее впечатление.

Огромный выбор предоставляет нам парфюмерная промышленность: есть духи с запахами густыми, легкими, влажными, яркими, светлыми, свежими, холодными, теплыми... И нужно уметь выбрать среди этого изобилия свой. Поверьте, это далеко не всегда аромат самых модных, самых дорогих духов...

Кстати говоря, пользоваться духами нужно с осторожностью: слишком обильное потребление их говорит о дурном вкусе, может вызвать раздражение. Нередко ароматом духов пытаются перебить неприятный запах пота, несвежего платья и т.п. Ни в коем случае нельзя делать этого! Резкий запах духов только усугубит положение. Единственное средство — чистота. Купание, мытье, чистое белье, свежее платье избавят от неприятностей и людей с повышенным потоотделением.

Р. РОМАНОВА,
врач.

ЗИМА

Чудесное время года! Особенно когда мороз не слишком досаждаст, но и не тает на улице. Однако такая погода стоит, увы, не всегда. А сильный мороз, колючий снег, зимняя слякоть портят не только настроение, но и кожу лица — сушат, способствуют появлению преждевременных морщин.

Поэтому, пожалуйста, постарайтесь не выходить из дому сразу после того, как умоетеся — кожа будет шелушиться, может даже трескаться. Губы перед выходом нужно намазать жирной или ги-

гиенической (бесцветной) помадой или несолевым жиром, маслом. В очень сильные морозы рекомендуется смазать несолевым жиром и щеки.

Если вы работаете на ули-

НА ДВОРЕ

це, рекомендую утром нанести на лицо дневной крем «Бархатный», «Молодость», «Кристалл».

У некоторых людей на морозе сильно краснеет нос — значит нарушено кровообращение. В таком случае помогут ежевечерние теплые компрессы из некрепкого содового раствора. Поддерживать компресс нужно 15—20 минут, затем тщательно втереть питательный крем, массируя нос от кончика к основанию.

Если от холода слезятся глаза, промывайте их утром и вечером отваром ромашки или крепким чаем.

Вы страдаете оттого, что руки на морозе сразу забнут, застывают? Пожалуйста, найдите вечером свободных четверть часа и сделайте для рук контрастные ванночки: в течение пяти минут погрузите их попеременно в теплую и холодную воду, затем помассируйте, втирая в кожу крем, содержащий витамин А.

Н. ПАВЛОВА,
косметолог.
Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

Летом, что ни говори, не идут они. Уж на что у меня дома все охотники до пирогов, и то не вспоминают. Ну там сладкий пирог на скорлупу руку с ягодами или с яблоками — это пеку, конечно. Но настоящие русские пироги да пышки из кислого — так еще его называют — теста на дрожжах хороши с морозцу. Как говорится, всему свое время...

Так давайте, дорогие хозяйки, достанем квашню и затворим тесто.

Приспела пора заводить квашню, печь румяные да пышные пироги с грибами и с картошкой, с капустой и с мясом, с репой и с рыбой...

ХОРОШИ ПИРОГИ С МОРОЗЦУ...

СОВЕТЫ МАРИИ ИВАНОВНЫ

Хороши пироги с картошкой и луком, с рисом и яйцами, с зеленым луком, обжаренным на масле и смешанным с крутыми рублистыми яйцами.

КУЛИНАРНЫЙ АРХИВ

А в старину готовили еще пироги с *морковью, с репой, с тыквой*. Овощи тушили в масле в небольшом количестве воды, затем мелко рубили, добавляли сахар, соль, масло по вкусу, рублистые крутые яйца.

Особенно популярны были *РАССТЕГАИ* — продолговатой формы пироги с открытой серединой и защипанными краями. Тесто — обычное дрожжевое, как и для пирогов, а начинка чаще всего бывала рыбная, причем не из перемолотой рыбы, а прямо куском, только рыба, конечно, годилась тут мягкая и без костей. Если *расстегаи* шли с мясной начинкой, то сверху нужно было положить дольку вареного яйца, если с грибной — целую шляпку обжаренного в масле гриба.

Бывали *расстегаи* в форме круглой ватрушки, крупные, граммов по 250 — они назывались *московские*, подавались горячими, как самостоятельное второе блюдо, перед подачей в середину московского *расстегая* вливали немного горячего бульона с рубленой зеленью.

Знаменитые *РЫБНИКИ* делали также из обычного дрожжевого теста. Его раскатывали в пласт толщиной полсантиметра, укладывали на смазанный маслом противень, накрывали толстым слоем отварной или сырой

рыбы, очищенной от костей, порезанной на кусочки и смешанной с обжаренным луком, закрывали вторым пластом теста. Когда расстоится, смазывали яйцом, выпекали в духовке, в готовом виде смазывали маслом и укрывали чистым полотенцем, пока не остынет.

Из того же теста можно сделать *ВАТРУШКИ С ТВОРОГОМ*. Круглые лепешки уложить на противень и, когда немного подойдут, сделать в каждой углубление дном маленького стаканчика, это углубление заполнить начинкой, смазать яйцом и выпекать в горячей духовке 15—20 минут. Творог для ватрушек нужно перемолоть в мясорубке или протереть через сито, добавить яйцо на 500 г творога, сахар и соль по вкусу, хорошо промытый и обсушенный изюм, если есть под рукой.

Вкусна и *БАБКА МОРКОВНАЯ*. Делают ее так. В половине стакана теплого молока развести 20 г дрожжей, положить 250 г натертой моркови, 3 яйца, стакан муки. Когда поднимется, всыпать остальную муку (всего должно пойти 500 г), 150 г масла, стакан сахара, пол чайной ложки соли, вымесить, дать подняться и выпекать в форме, смазанной маслом, в нежаркой духовке, примерно час. Бабка получится ярко-желтая, аппетитная, с приятным запахом.

А. Б. В... КУЛИНАРИИ

Прежде чем ставить тесто, муку обязательно просейте, чтобы удалить примеси, комочки, а также ввести воздух — лучше будет подниматься тесто.

Заводя опару или тесто, не муку насыпайте в жидкость, а, наоборот, разводите муку молоком или водой, все время тщательно размешивая, чтобы не было комков.

Не давайте тесту переставать — пироги станут кислотоватыми на вкус. Достаточно постоять 3 часа, но обязательно в тепле.

Чтобы рис для начинки получился белым и рассыпчатым, за 5 минут до готовности добавьте в воду, где он варится, чуть-чуть уксуса. Откиньте на дуршлаг, хорошо промойте холодной водой.

Почти всегда в начинку для пирогов требуется положить крутые яйца. Варите их в подсоленной воде, чтобы не вытекли, если скорлупа надтреснута, при бурном кипении, тогда белок будет твердым.

Приятного аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА.
Рис. А. МАРТЫНОВА.

НАДЕВАЕМ ФАРТУКИ

Можно сначала поставить опару: растворить дрожжи, положить половину нужного количества муки, влить всю необходимую жидкость (молоко или воду), размешать, поставить на час-полтора в теплое место, чтобы поднялась, затем положить сдобу, посолить по вкусу, вбить остальную муку, вымесить до гладкости, снова дать подняться в тепле. Когда начнет оседать — тесто готово.

Конечно, опытный способ надежный, моя бабушка только его и признавала.

А нам-то все некогда, все спешим! Я вот теперь приладилась замешивать тесто сразу, в один прием. Пропорции те же: на 1 кг муки 30—40 г дрожжей, 2 стакана воды или молока, можно кислого, 150—200 г маргарина или масла, 2 яйца, столовая ложка сахара, чайная ложка соли.

Даю тесту подойти, обминаю, — когда снова подойдет, пора печь.

ПИРОЖКИ ПЕЧЕНЬЕ делаю так. Выкладываю тесто на доску, подпыленную мукой, делю на кусочки, формую из них шарики, даю подойти немного (5—10 минут), раскатываю в круглую лепешку толщиной в 1 см, на середину кладу начинку, края соединяю и защипываю, придаю пирожку овальную форму. Укладываю на смазанный маслом противень, ставлю в теплое место на 15—20 минут для расстойки, смазываю взбитым яйцом, выпекаю в духовке. Когда готовы, снимаю с листа, смазываю сверху маслом, укрываю чистым полотенцем.

Если делаю пироги с двумя видами начинки — к примеру, с капустой и с мясом, — то одни укладываю на противень для выпечки защипанной стороной вниз, а другие вверх. Очень удобно: каждый может выбрать пирожок по вкусу!

Вот теперь поговорим о начинках. Сейчас всё больше пекут пироги со свежей

капустой. Капусту рубят, ошпаривают кипятком, откидывают на сито, обдают холодной водой, чтобы ушла горечь, хорошо отжимают, обжаривают на масле, добавляют вареные рублистые яйца, соль по вкусу, чайную ложку сахара.

Можно использовать для начинки и *квашеную капусту*, еще вкуснее будет, если добавить к ней грибы. Капусту надо промыть, если очень кислая, обдать кипятком, отжать, потушить на масле под крышкой до готовности, добавить обжаренный лук, мелко нарезанные отваренные грибы, соль, перец по вкусу.

Грибы для пирогов идут и соленые, и сушеные. Соленые нужно хорошо промыть, откинуть на сито, мелко изрубить, пожарить на масле, добавить обжаренный лук. Сушеные — сварить, так же мелко изрубить, добавить обжаренный лук и смешать с отварным рисом (на 50 г сухих грибов — стакан риса, 1—2 головки репчатого лука), доложить по вкусу соль и перец.

Мясную начинку готовлю из сырой говядины: пропускаю через мясорубку, обжариваю, снова промалываю, добавляю обжаренный лук, крутые яйца, соль, измельченную зелень. Использую и отварное мясо, только тогда в фарш нужно добавить немного бульона для сочности.

Сделать свое жилище уютным, комфортабельным, непохожим на другие, придать ему индивидуальность — такая хозяйка не мечтает об этом! А ведь преобразить интерьер могут и комнатные цветы.

Давно известно, что зеленые растения очищают, облагораживают воздух, их листья поглощают излишек углекислоты в помещении, то есть польза от них несомненна. Но сегодня разговор о другом достоинстве комнатных цветов: с их помощью вы можете создать уютные уголки в жилище, своеобразные зеленые оазисы, в которых можно отдохнуть душой, с удовольствием расположиться в свободную минуту. В долгие зимние месяцы так радуют яркий цветков, зеленый листок...

Вариантов размещения растений, озеленения комнаты множество, и каждый интересен по-своему. Выбирайте на любой вкус! А так как вкусы обычно разнятся, то и украсить свое жилище с помощью зелени каждый сможет по-своему.

Посмотрите, пожалуйста, на рисунки: мы предлагаем несколько возможных вариантов создания интерьера с использованием комнатных цветов. Обратите внимание — цветы не сосредоточены на подоконниках, как это было традиционно принято раньше, для их расстановки использованы мебель, специальные подставки, столики, подвесные кашпо и т. д. Что мы имеем против подоконников? Прежде всего в современных домах они слишком узки; тепло от отопительных батарей, обычно расположенных под подоконниками, открытый свет, падающий из окна, перепады температуры за окном, солнечные лучи днем и мороз к вечеру — все это вредно комнатным растениям, каждое из которых требует своего температурного и светового режима.

Итак, рассмотрим свою комнату. Современная мебель с ее строгими линиями, красивая текстура полированного дерева или отделочной пленки хорошо сочетаются с композициями из растений. Расположить их можно на низком серванте, стоящем у стены, на

ЗЕЛЕНЬ УЮТ

книжных полках, письменных столах с открытым боковым отделением, низких журнальных столиках.

Цветы и растения можно размещать и на полу, подвешивать на стенах, у окон, дверей. Хорошо использовать для этой цели края стен вдоль окон: здесь можно подвесить на специальных кронштейнах кашпо с вьющимися или ампельными растениями (аспарагусы, колокольчики,

зебрины и др.). Такое оформление создает как бы парящее в воздухе эффектное панно из зелени.

На низких столиках, сервантах, открытых книжных полках растения размещают в специальных двойных ящиках, состоящих из наружного водонепроницаемого футляра с решеткой, на которую устанавливают внутренний ящик с растениями. Промежутки между ящиками заполняют крупным керамзитом, торфом и т. п. При поливе излишек воды попадает в наружный ящик, вода испаряется и увлажняет окружающий растения воздух.

Особенно красиво можно расположить цветы на полу — у дверей, окон, если позволяет площадь; в свободном углу комнаты; на крытых верандах и балконах. Можно устройство небольшой настольной подставки — так называемый подиум, сделать его легко из керамических плиток, оргстекла, пластмассы, дерева; контур — любой по вашему желанию, а также по конфигурации и размеру отведенной для него площади.

Иногда на полу расставляют в разных вариантах квад-

ратные или другой формы невысокие ящики, которые заполняют горшками с растениями или — весной, летом — вазами со срезанными цветами. Ящики можно сделать из разного материала, окрасить в цвет стен или контрастно, расположить на разных уровнях. Такой угол сразу привлечет взгляд. Поставьте рядом кресло, торшер — это будет самое уютное место в вашем жилище!

Для небольших комнат и рабочих уголков рекомендую настенное и вертикальное озеленение. Настенные вазы и кашпо, однобокие корзинки, разнообразные по форме, окраске, размерам, фактуре, укрепляют на стенах, устанавливают на кронштейнах или на шнурах, весной и летом в них размещают свежие цветы, осенью — яркие листья, хвойные ветви, зимой — ампельные растения, кактусы, композиции из сухих листьев и т. п. Однако, во всем должно быть чувство меры.

При вертикальном варианте растения размещают в гнездах на укрепленных стойках решетках. Эти решетки могут служить и для разделения большой комнаты на зоны, для выделения уголка отдыха, места для работы (решетки-ширмы) или декорировать стены.

Решетки можно сделать от пола до потолка и закрепить, а можно укрепить на передвижной стойке-держателе. Материал — металлические и пластмассовые трубки, бамбуковые и деревянные рейки, толстая нержавеющая или окрашенная проволока, капроновый шнур или сетка. На решетке в разных уровнях укрепляют различные держатели, полочки, выступы, вазы, иногда и осветительные установки, создающие в сочетании с зеленью ощущение комфорта, покоя, тепла.

Ассортимент вьющихся растений, пригодных для вертикального озеленения жилища, разнообразен: аспарагусы, зебрины, сеткреазии, обыкновенный и восковой плющ, циссус и др. Об особенностях их разведения и ухода за ними мы поговорим в следующих беседах.

Г. ТАВЛИНОВА,
цветовод.

Рис. Н. ИЛЬИНОЙ.

Три жизни Михаила Ломоносова

(Окончание. Начало на стр. 30.)

Глядя на отца русской науки. Он всходит на университетскую кафедру: большой, круглолицый, с рабочими руками. С обожанием смотрит на него молодая Россия. Михайло Васильевич говорит полатыни — куда денешься, если так принято. Говорит безупречно, ясно. И, взглядываясь в тех, кто встанет на его плечи, чтобы взглянуть подальше, он вдруг переходит на круглов северное оканье, и слышится в его речи веселая сердитость и мощный безоглядный напор:

— Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашей.

И только так.

От подвигов Васьки Буслаева кружится голова, и трудно нам дослушать последнюю былинку. Но приходит и ее черед. Стоит Васька перед камнем. Вернее, остановился он у подножия горы, фыркает конь на мертвую голову, а на макушке горы — камень, выше камня — крест. На камне надпись, все в ней обещано, все радости, условие только одно — не перепрыгивать через него, а уж если прыгать, то прямо, а не вдоль. Не для Васьки надпись. И хоть понимает, что мертвая голова, камень и холм — это образ могилы, а все ж таки прыгает — и вдоль прыгает, и от великого презрения к запретам еще пятками вперед разбегаются. Сломал Васька голову, но, может, закрывая глаза, видел, как к прыжку готовится следующий... Тот, кому удастся!

Жизнь третья, или долг

Современный нам биограф Михайла Васильевича начинает последнюю главу жизни своего героя такой фразой: «Старость Ломоносова была тягостна и беспокойна». Что же так тревожит в этом тексте? Старость... Позвольте, какая старость?! — он же с его богатырским, феноменальным здоровьем не дожил до пятидесяти пяти! Сроки жизни в позапрошлом веке, говорят ученые люди, были гораздо короче, ведь и могучий Петр Великий умер в 53. Так-то оно так, но слабогрудый от рождения, весь израненный Суворов в 70 лет достиг пика своей военной славы; Гаврила Державин, вовсе не бывший образцом пуританской жизни, достиг 73; Миллер, против которого Ломоносов сражался за русскую историю, прожил 78 лет; другой историк, и тоже «враг» — Шлецер, — 74. Мы знаем, что предок великого ученого, Лука Леонтьевич, в 73 года был еще здоров и кряжист, а племянница Михайла Васильевича, повивальная бабка и костоправ Матрена Евсеевна, с удовольствием рассказывала о своем дяде, когда ей перевалило за 80.

Отчего же он-то? Страсти, что ли, его какие смертельные душили? Вот его портрет: «Нрав имел он веселый, говорил

коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и ободрял их; во обождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр; но при всем том был горяч и вспыльчив...»

Сравнить надо, сколько жил — и сколько сделал. Давайте вспомним: на 32-м году, уже вернувшись из Германии, он еще студент, да восемь месяцев под арестом, да проболел почти весь 1762 год, — и значит, на все, что он создал, на все то неспостижимое, могучее, необозримое остается чуть больше двух десятков лет. Жизнь, отданная поэзии, была бы прекрасной, необходимой, уваженной потомками. Но где же взять еще одну жизнь на физику? И на химию? И на организацию российской науки? Откуда же еще взять жизнь для географии и минералогии, сельского хозяйства и художеств? Можно, конечно, было прибегнуть к жесточайшему, как теперь бы сказали, режиму экономии. «Всяк человек требует себе от трудов успокоения: для того оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или с домашними препровождения времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом; от чего я давно отказался за тем, что не нашел в них ничего кроме скуки». Пишет труды по истории и просит, как о милости, чтобы ему разрешили в роздыхе заниматься не бильярдом, а химическими опытами. Так и получалось, что он одновременно печатал «Российскую историю» и свой главный труд по металлургии да еще заканчивал работу, в которой доказывал необходимость использования Великого Северного морского пути.

Он прессовал время; труд был началом и концом. Он не кидался из стороны в сторону, от науки к науке и от изобретений к искусству, как может показаться нам, привыкшим к узкой специализации. Просто он быстро исчерпывал возможности данной отрасли и не желал дальше терять времени. Он шел до упора; если стену можно было раздвинуть какими-нибудь приборами, он наскоро изобретал их — и все равно наступал предел. В самом деле, не мог же он изобрести электронный микроскоп или проверить свою атомистическую концепцию синхрофазотроном... Он и в науке оставался моряком, мужиком, не теряющим времени на бесплодные фантазии и беспочвенные гипотезы. Он входил в знание, как в реку, и черпал пригоршнями вокруг себя, потому что и физика, и химия, и поэзия, и мозаика не были чем-то обособленным, а все они были частью одного неисчерпаемого Знания о людях и для людей. «Простословным» называл он своего отца, таким был и сам.

И все-таки одной гениальностью не объяснить грандиозности сделанного им... На 37-м году жизни заболевает сердце, потом жестокая болезнь ног; он, как богатырь, вонзив «кошки» в борта разбойничьих кораблей, подтягивает их канатами к себе, чтобы уничтожить мразь; раздувая жилы, надрывая сердце, а все же тащит, тащит... Пятками вперед, не оглядываясь, через череп, гору, крест... Нет, не объяснишь одной гениальностью, чистой природой этого неимоверного труда, этой испепеляющей энергии, этого яростного захлебывания жизнью, когда в год делается десятилетний труд, но и десяток лет сгорает в месяц. Где мотор этому, в чем? Михайло Васильевич объяс-

нил сам, без разночтений, без колебаний. Молодым человеком он пишет: «...и притом еще могу и других обучать физике, химии и натуральной минеральной истории, и того ради имею я усердное и искреннее желание наукою моею отечеству пользу чинить». Во время злокозненного ареста он приходит в крайнюю ярость, потому что «от меня никакая польза отечеству не происходит». «Большой лев», как назвал его историк Соловьев, доходил в последние годы до полного отчаяния и однажды написал: «Бережь нечево!», а все же не эти его слова были последними. Уже после смерти в бумагах его нашли такие строки: «За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют».

Вот ключ к подвигу его жизни. Ответственность, ни с кем не делимая, взваленная на себя доброй волей. «Я сам и не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче сделать». И сожаления, тоже про себя: «Хотя голова моя и много зачинает, да руки одни». И тогда понятно, почему с такой бесшабашной свободой переходил он от «профессора химии» к руководству Географическим департаментом и от изучения электричества — к морским делам: везде была нива Отечества, везде была работа, столь же необходимая, сколь и неотложная. Долг — высочайшее право свободного человека, и этим правом он пользовался яростно, до конца. У раба и холопа (духовного раба, духовного холопа) есть ошейник и барщина, у свободного человека — право на долг, от которого освобождает только смерть.

Он выступает против пыток и смертных казней — по праву свободного человека; он борется за развитие физкультуры и спорта — во имя укрепления людей Отечества; он против неравных браков и за охрану материнства, он за непрерывность образования — все работа долга; свободный, он по личному разумению сжигает свою жизнь во имя Отечества.

Жизнь чудеснее любого чуда и упорнее любого богатства; к концу жизни он занимал особняк познатнее княжеских хоров, но во дворце этом кипела бесконечная работа самого Мастера и его мастеровых — там создавались его знаменитые мозаики, и там делались многотысячные долги во имя завершения этих работ.

Петр Великий говорил: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой и громкой славы».

Михайло Васильевич услышал. И сделал так.

Умирал он в апреле. Уже пахло весной. О чем он думал? Может быть, вспоминал строки, написанные им 17 лет назад:

*Весна да рассмеется нежно,
И ратай в нивах безмятежно
Сторичный плод да соберет...*

Никому не дано прожить три жизни. У всех она одна на всё: на чудо, на свободу, на долг.

Было чудо — чудо любви к Отечеству.

Была свобода — осознанная им необходимость быть самим собой, во что бы то ни стало, навсегда, до конца.

И был долг — соединить чудо со свободой.

КАКОЙ
УЗОР
К ЛИЦУ

Наше отношение к узорчатым тканям порой необъяснимо для нас самих. Бывает так, что витрина еще с порога притягивает красочными расцветками, но стоит подойти ближе, и рука потянется к тому, что издали и не задержит взгляда. Как же научиться угадывать ткань еще в куске, чтобы сшитое из него платье стало любимым?

В журнале мы уже вели разговор о том, что нужно учитывать, выбирая ткань по фактуре. А сегодня поговорим о такой важной ее характеристике, как рисунок.

Вообразите: художавая женщина с мелкими чертами лица покупает экзотический шелк, расписанный огромными букетами цветов. Как же трудно будет ее неяркому лицу пробиться сквозь этот пестрый шквал пятен и красок! Безнадежное соперничество!

Помню такой случай. В небольшой город завезли редкой расцветки поплин: на светлом фоне — черные полосы в виде кружев. Ткань была, что называется, нарасхват. Но — увы! — платье из нее никого не порадовало. Это объяснялось просто: на фигуре полосы выглядели нелепо, всего несколько их могло уместиться на платье, зрительно они искажали фигуру, резали ее на части — у одной женщины вдруг резко укоротились ноги, у другой вытянулась талия, третья сделалась неуклюже-приземистой и раздалась вширь.

Необходимость создания индивидуального образа предъявляет к рисунку на ткани свои требования. Какие же?

Прежде всего узор должен всегда создавать ощущение гладкой поверхности, как говорят художники, «держаться в плоскости», чтобы ни один из его элементов не казался зрительно ближе или дальше остальных, иначе объемные изображения нарушают восприятие форм тела. Видела я как-то юношу в рубашке с изображением горного пейзажа, выполненный способом фотопечати. Казалось бы, оригинально и красиво, но вот незадача: на одну лопатку приходилась

глубокая пропасть, на другой возвышалась снежная вершина. Такой же «гористой», «сильно пересеченной» стала и его спина. Или еще пример: в годы первых полетов в космос художники откликнулись на эти события эффектной тканью — силуэтом ракеты, уходящей в небо. Но на живом человеке рисунок смотрелся так, будто острие ракеты вонзалось в тело. Излишне смысловой рисунок почти всегда идет во вред костюму.

Сейчас на майки, блузки, футболки попадают самые неожиданные эмблемы и целые картинки, требующие такого направленного внимания, что облик самого человека неминуемо теряется, остается в тени. Чего только не встретишь на одежде: газетные тексты, фирменные знаки, портреты и крупные надписи... А сюжеты! На одной куртке — пара дерущихся молодцов-каратистов, на чьей-то майке — азарт автогонки, на другой — табун лошадей. Появление на одежде любых изображений, вызывающих улыбку, любопытство, желание разглядывать их, как диковинки, превращает человека в подобие рекламного щита. Но разве в этом задача элегантно, красивой одежды?

Думается, таким рисункам можно найти лучшее применение: яркую «рекламную» майку легко представить на подростке в турпоходе, на велосипедисте, на молодом жизнерадостном человеке в обстановке, где оправданы озорство и шутовство. Кораблики, автомобили, веселые зверушки не вызовут протеста на детской пижамке — это близкий ребенку мир игрушек, мир сказочных персонажей, это та же игра. Надписи вполне уместны на форме стройотрядовцев, спортсменов, ну, а крупные торговые эмблемы пусть все же останутся на полиэтиленовых пакетах.

Да, окружающий нас предметный мир постоянно «приспосабливается» к ткани. Но согласитесь, что фрукты и овощи все же естественнее увидеть на кухонной скатерти, деревья и пейзажи — на портьерах. Самые же «проверенные» мотивы на тканях, предназначенных для одежды, все-таки те, что человечество отобрало на протяжении всей истории костюма, — мотивы «беспредметные»: геометрические, растительные, декоративные узоры

и их сочетания и, конечно, всегда несущие ощущение праздника, прелестные и незаменимые спутники женщин — цветы.

С любовью к цветам все понятно. Но в чем загадка привлекательности простых ромбов, клетки, полосы, крапинки, гороха? Простота, нейтральность рисунка гарантируют, что от него быстро не устанут, он не надоедает, не утомляет взор. А главное — не мешает видеть человека; наоборот, свободным, ни к чему не обязывающим ритмичным чередованием темных и светлых пятен оживляет поверхность костюма и выявляет своеобразие внешности.

Довелось мне как-то беседовать с молодыми доярками в Калужской области. Не устраивают их небрежные, аляповатые узоры на тканях, которые щедро предлагают художники. Из образцов, которые я им показала, они дружно выбрали мелкие геометрические узоры, на большом поле — тончайшие колечки, изящно сплетенные ромбики, легко и тонко прописанные цветы. Единодушию женщин можно было только подивиться. А между тем тут не было ничего странного: просто врожденное чутье подсказало им, что необходимо искать в рисунке нечто, максимально усиливающее ощущение женственности, а именно его рождает изящный, нежный, ясный и лиричный рисунок. Не побоюсь повториться: мы должны постоянно помнить, что главное свойство узора — распространять свой характер, придавать свое эмоциональное звучание всему облику в целом. Вот почему мелкий, редко «засеянный» рисунок на гладком фоне вызовет ощущение покоя и равновесия. А геометрический, строго построенный, с отчетливыми границами придаст облику такие качества, как уравновешенность и соразмерность. Тонко прописанный цветок передаст очарование живой природы. Четкость в рисунке усилит, выделит ту же четкость и в облике. Нежный, легкий рисунок цветов сообщит ту же мягкость и нежность вам. И наоборот, грубая пестрота обезличивает, делает внешность заурядной, невыразительной.

О чем еще нужно помнить? Рисунок на ткани должен быть объединен одной цветовой темой.

Легко сладить внешний облик с узорной тканью, если в ней преобладает один цвет, будь то в рисунке или в фоне. Это особенно существенно, когда цвета яркие, насыщенные. Вообразите: розовое поле, усеянное зеленой листвой, причем оба цвета взяты в равной пропорции. Такая ткань будет оставлять впечатление раздражающе-беспокойной. Но ес-

ли увеличить поле, а зеленого оставить совсем мало, то ткань покажется уже розовой, и зеленый цвет будет лишь оживлять ее, не создавая ряби в глазах. Ткань останется и яркой, и спокойной. По праву считаются классическими и неизменно благородными сочетания белого с контрастными темными: черным, синим, коричневым, где на преобладающем поле одного небольшие вкрапления другого.

Характер рисунка ткани может многое: поднимать и ухаживать настроение как ваше, так и окружающих, создавать атмосферу праздника или будней, способствовать рабочему состоянию. Чем больше строгости и порядка требует обстановка, тем проще и скромнее должен быть рисунок. В этом случае подойдет мелкие геометрические узоры, полоска, клетка, горох, стилизованные цветы. В нарядном же платье должно быть что-то необычное, яркое, притягательное для глаз: контраст цветов или крупные узоры. Отлично смотрятся на праздничном выходном платье филигранно прорисованные цветы на подчеркнутую большую поле. Крупные, сочно прописанные кусты цветов, букеты из роз, сирени, пионов — настоящие живописные панно, предлагаемые сегодня художниками по тканям, предназначены специально для вечерних торжеств.

Рисунок подскажет вам и силуэт платья. Для этого нужно знать, что все узоры делятся на два типа. Одни из них статичные, строятся по вертикали и горизонтали, в шахматном порядке. Они требуют той же строгости в выборе фасона. Из «шашечки», например, не годятся оборки, крылышки, клешевые юбки, округлые линии. Все края деталей кроют по прямой, параллельно направлению линий рисунка. Поэтому юбки будут лишь прямыми или в

складку, воротники и карманы — прямоугольной формы. Здесь особенно хороша отделка в тон рисунка, подчеркивающая конструкцию: строчка, кант, бейки, пояса, тесемки у ворота.

И второй вид рисунка — динамичный, живой, где узоры свободно разбросаны по ткани. Он, напротив, «не в своей тарелке», если заключен в геометрические, строгие формы кроя. Его ущемляет любой лишний шов. Особенно центральный по спинке. Линии силуэта как бы вторят линиям узора. При этом чем живее и реже рисунок, тем привольнее ему должно быть в платье. Где он получит эту волю: в клешевой юбке, щедро набранном рукаве, в лифе с напуском, — уж решите вы сами.

Если узор крупный, настройтесь сразу на то, что в этом случае вас будет украшать не фасон, а сам яркий, эффектный кусок ткани, заключенный в ясный силуэт. Покупают такой ткани с запасом: от удачного расположения рисунка тут зависит почти все.

...Молодая полная женщина присматривается к ткани в магазине. Попробовала другую — в мягких разливах акварели, но в ней фигура показалась какой-то бесформенной и расплывчатой, как и сама ткань. Но вот нашла, наконец, то, что ей надо: легкие контуры веточек с направлением по вертикали. И произошло чудесное превращение — исчезла вся «круглота», женщина стала более подтянутой и стройной.

Существует особая закономерность: крупный узор маленьких и хрупких женщин делает еще миниатюрнее. А высоких и полных — крупнее. И тем, и другим больше подойдут узоры мелкие. Но это еще не все. Миниатюрная фигура будет выглядеть крупнее, если фон ткани и рисунок близки по светлоте, например, бежевый фон и кремовый узор. Контраст же фона и рисунка (предположим, белое на синем), напротив, зрительно уменьшает объем.

Рисунок — прекрасное средство подчеркнуть и выявить свой образ. И здесь необходимо учитывать все: характер внешности, возраст, манеру поведения и даже жестикуляцию.

Женщине эмоциональной, подвижной ни к чему узоры статичные, вертикальные, как бы останавливающие движения.

Динамичный рисунок — разбросанные в разных направлениях мотивы — будет более согласованным с ее живостью. Плавную же грацию женщины спокойной, уравновешенной лучше всего подчеркнет такой же плавный, как бы застывший узор.

Одно время было много броского крепдешина в алых

маках. Мне он казался неудачей художника: на женщинах, что встречались на улице, он слишком «кричал», а поэтому выглядел неизменно аляповато. Но вот встретилась как-то девушка, видимо, украинка — смуглая, темноволосая, с карими глазами. И каким же прекрасным обрамлением ее яркой внешности оказалась эта ткань! Броский рисунок был на равных с красками облика.

Сама собой возникает гармония, если женщина — типичная южанка наденет платье с узорами южных, тропических цветов — магнолий, орхидей, пионов, крупных алых роз. Скромные и неяркие мотивы — скажем, веточки льна, мелкий цветочек ивановских ситцев, напротив, вывяжут своеобразие облика женщины русоволосой и сероглазой.

...Часто можно видеть, как женщины покупают одну ткань сразу на два платья: себе и дочери, к примеру. Но если небольшие, спокойные, более сложные узоры гармоничны облику женщины, которой за сорок, девушку они неминуемо сделают старообразной. И наоборот, допустим, небудки, полевые колокольчики, напоминающие нам о чем-то милом, хрупком, наивном, будут невыгодно оттенять солидный возраст.

А вот немного грустная история. Одна моя знакомая вышла на пенсию и решила кое-что сшить из тех отрезков, что годами копились в шкафу, до которых как-то не доходили руки. Но разложила их — и растерялась. Да как же она будет носить вот этот, красный с черными разводами, или тот, с узором величиной с тарелку? Опоздала. И не ткани устарели, а образ изменился. Только и выбрала белое в серую полоску — как раз к седине и замедленной с возрастом походке. Не давайте залеживаться тканям! И не уговаривайте себя, что, купленная лет десять назад, она будет вас сегодня «молодить». Имейте мужество перестроиться на свой новый образ.

Узор на одной ткани в костюме, как правило, плохо переносит соседство с другими. Совсем не сочетаются цветонные и геометрические мотивы: платье с цветами и кофточка с «норвежскими» узорами или с полосами, клетчатый жакет, юбка в «елочку» и пестрая блузка или узорная юбка и блузка в горох. Можно испортить весь ансамбль даже одним-единственным пятном — пестрой сумкой. Самое выгодное для узора в вашем костюме (а значит, и для всего облика) — гладкое окружение в тон одного из цветов рисунка, будь то жакет к платью, туфли, платочек, бижутерия.

Важно понять, что узор в одежде нельзя рассматривать как картинку на стене: «понавильась — покупаю». Рисунок на

ткани — это прежде всего обрамление и поддержка всего вашего внешнего облика. Как бы ни был красив сам по себе узор, он не украсит вас, если не будет гармонировать с чертами вашего лица, фигурой, возрастом, то есть не будет соответствовать вашему неповторимому образу.

Е. ЕЛЕНИКОВА

Рис. автора
и А. МАРТЫНОВА.

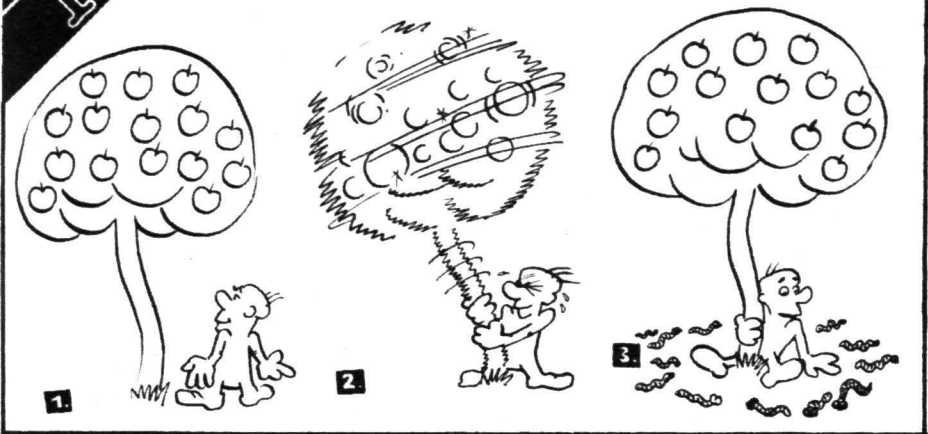
В кругу счастливых совпадений

Блеск и тень на зеленой траве, березы, желтая полоска поля... В дом на мгновение, в которое взгляд скользнул по картине, пришел летний день... Всесоюзная художественная лотерея — а в ней около 200 тысяч выигрышей — предлагает оригинальные работы, созданные известными художниками. Билеты можно купить в художественных салонах республиканских, краевых и областных центров, в организациях Министерства культуры и Художественного фонда. Если в вашем населенном пункте билетов в продаже нет, обращайтесь в Дирекцию лотереи по адресу: 107207, Москва, Уральская, 6. Заявки принимают до 1 апреля 1987 года. Билеты вам вышлют наложенным платежом. По одной почтовой открытке можно заказать 5, 10 и 20 билетов. Стоимость одного билета (в перспективе — выигрыша) 50 копеек. Кому выпадет удача, вы узнаете в декабре 1987 года.

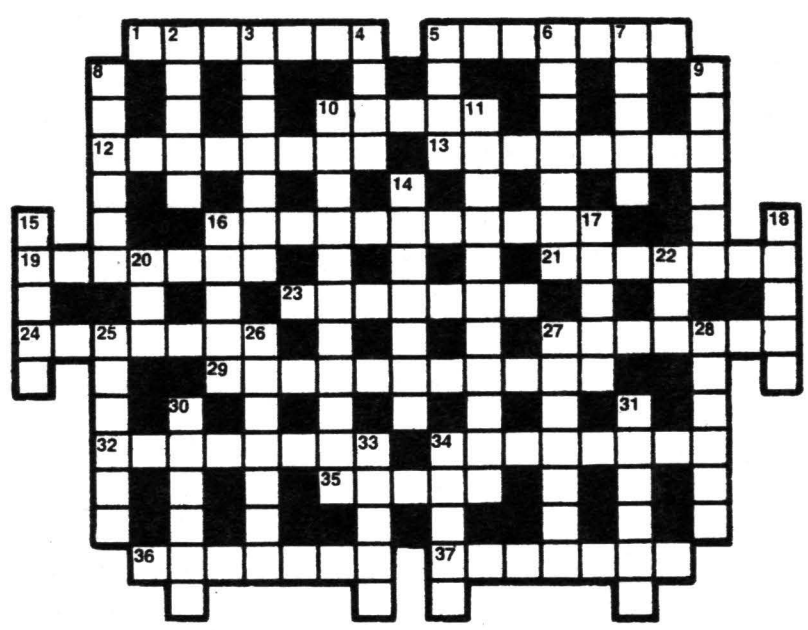
С. Усик.
«На межгорье зимой».
В. Тихоновец.
«Натюрморт с черешней и гранатовым соком».
Г. Асатрян.
Колье «Баязет»
(мельхиор, филигрань, бирюза).
О. Новожилова.
Браслет и кольцо (малахит).
С. Тымчик.
Кувшин с кружками.
А. Пухлов.
Набор «Розы».

Рис. А. БАРНАБОВА.

КРОССВОРД

Составил Г. П. ТАРАСОВ (Москва).

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Производственный и жилой центр колхоза или совхоза. 5. Роман Л. Леонова. 10. Воодушевление, восторженность, подъем. 12. Овощная культура, разновидность тыквы. 13. Гончарное искусство. 16. Съедобный гриб. 19. Круглый хлеб. 21. Вид декоративно-прикладного искусства. 23. Специалист по выращиванию растений и плодовых культур. 24. Кондитерское изделие. 27. Подставка под котелок при приготовлении пищи на костре. 29. Полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях. 32. Знатный свекловод, ударник первой пятилетки, инициатор движения «пятисотниц» в стране. 34. Украинская писательница, автор поэмы «Осенняя сказка», драмы-феерии «Лесная песня». 35. Лекарственное, декоративное растение. 36. Советский микробиолог и биохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 37. Советский литературно-художественный и общественно-политический журнал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Инструментальное музыкальное произведение. 3. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, режиссер-постановщик фильма «Сельская учительница». 4. Французский композитор XIX века, автор балета «Жизель». 5. Русский поэт, автор поэмы «Двенадцать». 6. Органический продукт, идущий на изготовление свечей. 7. Домашний очаг. 8. Драгоценный камень. 9. Горная порода, применяемая при строительных и дорожных работах. 10. Автор музыки на стихи С. Есенина «Отговорила роща золотая». 11. Сельскохозяйственная машина. 14. Марка трактора. 15. Хищная птица. 16. Народный артист СССР, автор музыки на стихи Я. Петерса «Листья желтые над городом кружатся...». 17. Гибкое изделие из стальных, синтетических или растительных волокон. 18. Охотничья собака. 20. Положение в спортивных играх, при котором мяч выходит за пределы площадки. 22. Жанр лирической поэзии. 25. Документ, в котором подобраны и объединены сведения, данные. 26. Крупная медуза. 27. Область медицины, изучающая внутренние болезни. 28. Морская рыба семейства тресковых. 30. Шкурка, снятая с новорожденного ягненка. 31. Самый многоводный приток Енисея. 33. Дерево рода тополя. 34. Трава семейства зонтичных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Балансир. 5. Федосова. 7. Мордокова. 11. Лист. 14. Сари. 15. Аронова. 16. Арена. 17. Волан. 21. Энергия. 22. Конь. 23. Авра. 26. Кирсанова. 27. Светлана. 28. «Баядерка». **ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Мантилья. 2. Квартира. 4. Суок. 6. Лева. 8. Юнона. 9. Астрахань. 10. Каменкова. 12. Друнина. 13. Евдокия. 18. Макарова. 19. Гроза. 20. Амазонка. 24. Лира. 25. Швей.

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

- И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
- Н. И. ГОРШКОВА,
- Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
- Р. Ф. КАЗАКОВА,
- А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),
- Э. Б. МАРКИН,
- А. А. ПИМЕНОВА,
- М. Б. РЫЖИКОВ,
- Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),
- И. Г. УШАЧЕВ,
- Л. В. ХАНБЕКОВ,
- Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера
работала Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14. Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 12.09.86. Подписано к печати 04.10.86. А 00742. Формат бумаги 60 × 90¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл. кр.-отт. 18,00. Тираж 16 520 000 экз. (1—12 799 847 экз.). Изд. № 2700. Зак. № 3717.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки фото С. КУЗНЕЦОВА.
На последней странице обложки фото Б. ЗАДВИЛЯ и С. САФОНОВА.

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕ
КАРОТВЕННЫЙ УНИВЕРС
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

**К 275-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА
ВАСИЛЬЕВИЧА
ЛОМОНОСОВА.**

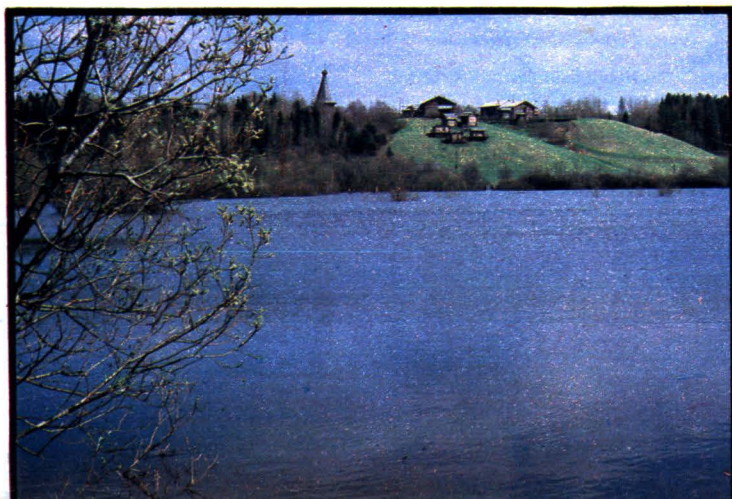
Москва.
Старое
здание
университета.

И. И. КОЗЛОВСКИЙ.
Памятник
М. В. Ломоносову.
1957 год.

*„Наука есть ясное
познание истины,
просвещение разума,
непорочное
увеселение в жизни,
похвала юности,
старости подпора,
строительница
градов,
полков крепость,
утеха в несчастьи,
в счастья украшение,
езде верный
и безотлучный
спутник”.*

Михайло
Васильевич
ЛОМОНОСОВ

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Большой остров,
село Ломоносово.